(03 c)
M-19

92
П. 33 м

92
П 33 м

инв 7732

6
3

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

~~7/VII 350.~~		20/VI 654		
13/III 473.		31/X 5326		
28/XII 1638				
17/IV 409				
1/XII 2292				

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

Ирбитская земская публичная библиотека

Н. И. ПИРОГОВЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И НАУЧНО-ОБЩЕСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Ю. Г. Малиса

Съ портретомъ Пирогова, гравированнымъ въ С.-Петербургѣ К. Адтомъ

муниципальное казённое учреждение культуры Муниципального образования город Ирбит «Библиотечная система»

И.З.П.Б. Отд. V. №212

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ОБЕРТКА ПЕЧ. ВЪ ТИП. ВЫСОЧАЙШЕ УТВ. ТОВАР. «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»
Бол. Подъяческая 39
1893

ИЗДАНІЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Литература, исторія, законовѣдѣніе и пр.

Голодъ. Психологич. романъ. *К. Гамсуна.* Переводъ съ норвежскаго. Ц. 60 к

Сочиненія Чарльза Диккенса. Полное собраніе. Цѣна каждаго тома (равнаго 75 журнальнымъ листамъ) 1 р. 50 к.

Герои и героическое въ исторіи. Публичныя бесѣды Карлейля. Пер. *В. Яковенко.* Ц. 1 р. 50 к.

Грядущая раса. Фантастическій романъ. *Эд. Бульвера.* Перев. съ англ. *Каменскаго.* Ц. 50 к.

Европейскіе монархи и ихъ дворы. *Politicos.* Перев. *В. Ранцовъ.* Съ 16 портрет. Ц. 1 р.

Литература и жизнь. *Н. К. Михайловскаго.* Ц. 1 р.

Черезъ сто лѣтъ. Соціологическій романъ *Э. Беллами* 2-е изданіе. Ц. 1 р.

Въ трущобахъ Англіи. (Планъ соціальной борьбы съ экономическими язвами современнаго общества). *Бутса.* Ц. 1 р.

Капитанская дочка. Повѣсть *А. Пушкина.* Роскошное изданіе, съ 188 рисунками. Ц. 60 к. Въ папкѣ 75 к. Въ перепл. 1 р.

Сочиненія Пушкина. Съ портретами, біографіей и 500 письмами. Полное собраніе въ 1-мъ и въ 10 томахъ. Цѣна 1-томнаго и 10-томнаго изданія одна и та же: безъ карт.—1 р. 50 к. Съ 44 картин.—2 р. 50 к. На лучшей бумагѣ—на 50 к. дороже. За переплеты: для 1-томнаго изданія—40 к. и 1 р. Для 10-томн. (5 переплетовъ) 1 р. и 2 р.

Большой альбомъ къ „Сочиненіямъ Пушкина“, 44 иллюстраціи. Ц. въ папкѣ 1 р. 50 к.

Малый альбомъ къ „Сочиненіямъ Пушкина“, Тѣ же иллюстраціи, но меньшаго формата. Ц. въ коленкор. переплетѣ—1 р. 25 к.

Сочиненія Лермонтова. Съ портретомъ, біографіей и 115 рисунками. Полное собраніе въ 1-мъ въ 4-хъ томахъ. Цѣна одна и та-же 1 рубль. Переплеты: для 1-томнаго 40 к. и 1 р., для 4-хъ т. (2 пер.) 50 к. и 1 рубль.

120 рисунковъ къ Лермонтову. Художествен. альбомъ *М. Малышева.* Цѣна въ папкѣ 50 к.

Исторія книги на Руси. *Бахтіарова.* Ц. 1 р. 50 к.

Русскіе фланеры въ Парижѣ. *Попова.* Ц. 1 р.

Наши офицерскіе суды. *Ф. Павленкова.* Ц. 35 к

Очерки новѣйшей исторіи. (1815—1891 г.) *И. Григоровича.* Съ 58 порт. 6-е изд. Ц. 2 р.

Новѣйшіе русскіе писатели. Хрестоматія для старшихъ классовъ гимназій и книга для домаш. чтенія. *Цвѣткова.* Съ 72 портр. Ц. 3 р

Сочиненія Н. В. Шелгунова. Въ двухъ томахъ. Съ портретомъ автора и статьей *Н. Михайловскаго.* Ц. за оба тома 3 р., въ пер. 4 р.

Повѣсти и разсказы И. Н. Потапенко. Четыре тома. Цѣна каждаго—1 руб Перепл. д. 2 томовъ вмѣстѣ по 50 к.

Исторія новѣйшей русской литературы (1848—1890 гг.) *А. М. Скабичевскаго.* Цѣна 2 ру

Сочиненія Глѣба Успенскаго. Въ 2 большихъ томахъ, съ портретомъ автора и статьей *Н. К. Михайловскаго.* Цѣна за два тома—3 р.

Сочиненія Гл. Успенскаго. Томъ 3-й. Ц. 1 р. 50 к.

Сочиненія А. М. Скабичевскаго. Критическіе очерки и литературныя характеристики. Съ портр. Цѣна за все собраніе въ 2 том. 3 р.

Сочиненія Ѳ. М. Рѣшетникова. Въ 2 большихъ томахъ, съ портрет. автора. Ц. 2 р. 50 к.

Тургеневъ о русскомъ народѣ. Чтеніе для народа. Съ портретомъ *Тургенева.* Ц. 15 к.

Въ поискахъ за истиной. *Макса Нордау.* Перев. съ 4-го нѣм. изд. *Э. Зауэръ.* 3-е изд. Ц. 1 р.

Счастье и трудъ. *П. Мантегацца.* Ц. 75 к.

Больная любовь. Гигіеническій романъ. *П. Мантегацца.* Изд. 2-е Ц. 50 к.

Роль общественнаго мнѣнія въ государственной жизни. Профес. *Гольцендорфа.* Цѣна 75 к.

Очерки самоуправленія—земскаго, городскаго и сельскаго. *С. Приклонскаго.* Ц. 2 р.

Борьба съ земельнымъ хищничествомъ. Бытовые очерки. *И. Тимощенкова.* Ц. 1 р. 50 к.

Брюхо Петербурга. Общественно-физіологическіе очерки. *А. Бахтіарова.* Цѣна 1 р.

Бесѣды о законахъ и порядкахъ. *Т. Горяновской,* подъ ред. *Я. Абрамова.* Цѣна 15 к.

Законы о гражданскихъ договорахъ. Составилъ *Фармаковскій.* Ц. 1 р. 25 к.

Въ небесахъ. Астрономическій романъ *К. Фламмаріона.* Съ рисун. 2-е изд. Ц. 75 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ПУШКИНСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

Русланъ и Людмила. Съ 8 картинками, ц. 10 к.—**Кавказскій плѣнникъ.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Братья Разбойники.** Съ 3 карт. ц. 2 к.—**Бахчисарайскій фонтанъ.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Цыганы.** Съ 3 карт., 3 к.—**Полтава.** Съ 5 карт., ц. 6 к.—**Галубъ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Сказка о царѣ Салтанѣ.** Съ 3 карт., ц. 4 к.—**Сказка о попѣ и работникѣ Балдѣ.** Съ 2 карт., ц. 2 к. **Сказка о мертвой царевнѣ.** Съ 2 карт., ц. 3 к.—**Сказка о золотомъ пѣтушкѣ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Пѣсни западныхъ славянъ.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Евгеній Онѣгинъ.** Съ 11 карт., ц. 20 к.—**Графъ Нулинъ.** Съ 3 карт., ц. 2 к.—**Домикъ въ Коломнѣ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Мѣдный всадникъ.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Анджело.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Борисъ Годуновъ.** Съ 9 карт., ц. 10 к.—**Скупой рыцарь.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Моцартъ и Сальери.**—Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Каменный гость.** Съ 3 карт., ц. 2 к.—**Пиръ во время чумы.** Съ 2 к., ц. 2 к.—**Русалка.** Съ 4 карт., ц. 3 к.—**Выстрѣлъ.** Съ 2 карт., ц. 3 к.—**Метель.** Съ 2 карт., ц. 3 к.—**Гробовщикъ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Станціонный смотритель.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Барышня-крестьянка.** Съ 2 карт., ц. 4 к.—**Пиковая дама.** Съ 3 карт., ц. 5 к.—**Дубровскій.** Съ 5 карт., ц. 10 к.—**Арапъ Петра Великаго.** Съ 3 карт., ц. 6 к.—**Капитанская дочка.** С 11 карт., ц. 20 к. — **Исторія Пугачевскаго бунта.** Съ мног. карт., ц. 20 к.—**Всѣ поэм** Съ 21 карт., ц. 25 к.—**Всѣ сказки.** Съ 6 кар ц. 10 к.—**Всѣ баллады и легенды.** Съ 4 кар ц. 10 к.—**Всѣ драмат. произведенія.** С 17 карт., ц. 20 к.—**Повѣсти Бѣлкина.** Съ 7 карт ц. 10 к.—**Всѣ письма.** Съ 26 портретами, ц. 2

617
M19

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

ЗЕМСКАЯ ГЕЛИЧНАЯ
БИБЛІОТЕКА.

Н. И. ПИРОГОВЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И НАУЧНО-ОБЩЕСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Ю. Г. Малиса.

Съ портретомъ Пирогова, гравированнымъ въ Петербургѣ К. Адтомъ.

3983

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія и хромолитографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12
1893

Популярно-научныя книги.

Философ'я Г. Спенсера въ сокращен. изложеніи *Г. Коллинса*. Пер. *И. Мокіевскаго*. Ц. 2 р.
Рабоч'й вопросъ. *Ф. А. Ланге*. Переводъ съ нѣмецкаго. Ц 1 р. 25 к.
Законы подражанія. *Тарда*. Ц. 1 р 50 к
Домашній опредѣлитель поддѣлокъ. *А. Алъмедингена*. Ц 60 коп.
На всякій случай! Научно-практическіе совѣты сельскимъ хозяевамъ *А. Алъмедингена*. Части 1 и 2-я. Ц каждой 50 к.
Бактеріи и ихъ роль въ жизни человѣка. *Мигулы*. Съ 35 рис. Ц. 1 р.
Берегите легкія! Гигіенич. бесѣды д-ра *Нимейера*. Съ 30 рис. Ц. 75 к
Сохраненіе здоровья. Общая гигіена въ примѣненіи къ обыденной жизни. *Д-ра Эйдама*. Съ 7 рис. Ц. 40 к
Предсказаніе погоды. *Г. Далле*. Переводъ съ франц съ 40 рис. Цѣна 1 р. 25 к
Дарвинизмъ. *Э. Ферьера*. Пер съ франц Популярное изложеніе ученія Дарвина Ц. 60 к.
Жизнь на Сѣверѣ и Югѣ. (Отъ полюса до экватора). *А. Брэма*. Со многими рис. Ц. 2 р
Первобытные люди. *Де ра*. Съ многими рисунками. Ц. 1 р
Фабричная гигіена. *В. Святловскаго*. 720 стр. и 153 рис Ц. 4
Огородничество. Практ скія наставленія для народн. учителей. *Шубелера*. Съ 137 рис. Ц. 60 к.
Который часъ? *И. Вавилова*. Руководство для повѣрки часовъ безъ часовщика и для устройства солнеч часовъ Съ 13 рис. Ц. 30 к.
Психологія вниманія. Д-ра *Рибо*. 2 изд. Ц. 40 к.
Записки желудка. Перев съ 10 анг изд Ц. 50 к
Физіологія души. *А. Герцена*. Ц. 1 р
Міръ грезъ. *Д-ра Симона*. Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, экстазъ, гипнотизмъ, иллюзіи. Перев. съ франц. Ц 1 р.
Ручной трудъ. *Графиньи*. Руководство къ домашнимъ занятіямъ ремеслами. Съ 400 рис. Ц. 1 р. 50 к. Въ папкѣ 1 р. 75 к. Въ пер.—2 р.
Экстазы человѣка. *П. Мантегацца*. Переводъ съ 5-го итальян. изданія Ц. 1 р 50 к
Умственныя эпидеміи. Историко-психіатрич. очерки. *Д-ра Ренгяра*. Съ 110 рис. Ц. 1 р. 75 к
Свѣтъ Божій. Популярные очерки міровѣдѣнія 5-е изд. (60 рис.) Ц. 30 к.
Общедоступная астрономія. *К. Фламмаріона*. 2-е изд. Съ 100 рис Ц. 1 р.
Телефонъ и его практическія примѣненія *Майера* и *Присса*. Съ 293 рис. Ц 2 р. 50 к.
Электрическіе элементы. Соч. *Нюде*. Со многими рисунками. Ц. 2 р.
Электр. аккумуляторы. *Ренье*. Съ 76 рис Ц. 1 р 25 к
Электрическое освѣщеніе. Составилъ *В. Чиколевъ*. Съ 151 рис Ц 2 р. 50 к.
Чудеса техники и электричества *Чиколева* 30 к.
О безопасности электрическаго освѣщенія. *В. Чиколева*. Съ 6-ю рисунками. Ц 25 к.
Электричество и магнитизмъ. *А. Гано* и *Ж. Маневрье* 340 рис. Ц. 1 р 50 коп
Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнитизмѣ. *Хвольсона*. Съ 230 рис Ц. 2 р.
Главнѣйшія приложенія электричества. *Э. Госпиталье*. Съ 115 рис. 2-е изд Ц 2 р 50 к.
Электричество въ домашнемъ быту. *Э. Госпиталье*. Со множествомъ рис Ц 2 р
Электрическіе звонки. *Боттона*. Съ крат. свѣдѣніями о воздушн звонкахъ 114 рис Ц. 1 р.
Что сдѣлалъ для науки Ч. Дарвинъ? Съ портретомъ Дарвина. Ц 75 к.
Психологія великихъ людей. Проф *Жоли*. Пер. съ франц. 2-е изд. Ц. 1 р
Соціальная жизнь животныхъ. *Эспинаса*. Пер. съ франц. *Ф. Павленкова*. 2-е изд Ц 2 р 50 к.
Единство физическихъ силъ. Опытъ популярно-научной философіи. *А Секки*. Перев. съ франц. *Ф. Павленкова* 3-е изд. Ц. 2 р. 50 к
Частная медицинская діагностика. Руководство для прак. врачей. Составилъ проф. *Да-Коста*. 704 стр. съ 43 рис. 2-е изд. Ц. 2 р
Современные психопаты. Д-ра *А. Кюллера*. Переводъ съ франц. Ц 1 р. 50 к.
Геніальность и помѣшательство. *Ц. Ломброзо*. Съ портретомъ автора и рис 2-е изд. Ц. 1 р.
Вредныя полевыя насѣкомыя. Сост. *Иверсенъ*. Съ 43 рис. Ц. 80 к.
Эйфелева башня. Состав. *Г. Тисандье*. Съ 34 рисун Ц. 50 к.
Хлѣбный жукъ. Чтеніе для народа, съ 3 рис. Бар. *Н. Корфа*. Ц 10 к.
Воздушное садоводство *Н. Жуковскаго*. Съ 73 рис 2-е изд. Цѣна 60 коп
Школьный садоводъ. Объ устройствѣ при сельскихъ школахъ питомниковъ и способахъ обученія первымъ началамъ садоводства. *А. Волотовскаго*. Ц. 20 к
Азбука домоводства и домашней гигіены. Состав. *М. Клима*. Пер. *Н. Корфъ*. Ц 75 к
Гигіена семьи. *Гебера*. Ц. 50 к.
Гигіена женщины. *М. Тило*. Ц. 40 к

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ БИБЛІОТЕКА.

1) **Экстазы человѣка.** *П. Мантегацца*. Въ 2-хъ частяхъ Ц 1 р. 50 к.; 2) **Психологія вниманія.** Д-ра *Рибо*. Ц. 40 к.; 3) **Берегите легкія!** Гигіеническія бесѣды д-ра *Нимейера*. Съ 30 рис. Ц. 75 к.; 4) **Современные психопаты,** д-ра *А. Кюллера*. Ц. 1 р. 50 к ; 5) **Предсказаніе погоды.** *А. Далле*. съ рис. Ц. 1 р. 25 к ; 6) **Физіологія души.** *А. Герцена*. Ц. 1 р ; 7) **Психологія великихъ людей.** *Г. Жоли*. 2-е изд. Ц. 1 р ; 8) **Дарвинизмъ.** *Э. Ферьера*. Общедоступное изложеніе идей Дарвина. Ц. 60 к ; 9) **Міръ грезъ.** Д-ра *Симона*. Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, гипнотизмъ, иллюзіи, Ц. 1 р. 10) **Первобытные люди.** *Дебьера*. Со многими рис. Ц. 1 р. 11) **Законы подражанія.** *Тарда*. Ц. 1 р. 50 к.; 12) **Геніальность и помѣшательство.** *Ц. Ломброзо*. Съ портр. автора и нѣсколькими рис. 2-е изд. Ц. 1 р. 13) **Общедоступная астрономія.** *К. Фламмаріона*. Съ 100 рис. 2-е изд. Ц. 1 р. 14) **Гигіена семьи.** *Гебера*. Ц. 50 к. 15) **Бактеріи** и ихъ роль въ жизни человѣка. *Мигулы*. Съ 35 рис. Ц. 1 р.

Н. И. Пироговъ.

ИРБИТСКАЯ
ЗЕМСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ
БИБЛІОТЕКА.
№_____

Фило
ни
Рабо
нѣ
Зако
Дома
ме
На в
сел
1 р
Бакт
гу
Бере
ра
Сохр
мѣ
Съ
Гред
фр
Дарв
ля
Жизн
эк
Перв
су
Фабр
ст
Огор
на
Кото
по
ст
Псих
Запи
Физі
Мрт
ци
ти
Ручн
ма
Ц.
Экст
съ
Умст
оче
Свѣ
5-
Общ
2-
Теле
Маг

---

1)
2-хъ
мані
Гигие
30 р
д-ра
ніе п
6) Ф
холо
Ц. 1
ступ

дозв. ценз. спб. 20 февраля 1893 г. тип. тов „общ. польза“ в. подъяч., 39

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. Раннее дѣтство.—Домашняя обстановка.—Первые учителя.—Пансіонъ Кряжева.—Разореніе семьи Пироговыхъ.—Поступленіе въ университетъ. . . . . .

II. Московскій университетъ 20-хъ годовъ.—Смерть отца.—Предложеніе Е. О. Мухина записаться въ профессорскій институтъ.—Выборъ хирургіи своею спеціальностью. — Лекарскій экзаменъ. — Экзаменъ въ Академіи Наукъ.—Отправленіе въ Дерптъ 10

III. Пріѣздъ въ Дерптъ.—В. М. Перевощиковъ, наблюдатель за профессорскими студентами. – Семейство профессора Мойера.—Научныя занятія.—Полученіе золотой медали.—Докторскій экзаменъ.—Отправленіе за границу, тамошнія занятія.—Вліяніе Лангенбека.—Возвращеніе въ Россію.—Болѣзнь въ Ригѣ 17

IV. Предложеніе Мойера.—Поѣздка въ Петербургъ и петербургскія впечатлѣнія.—Выборъ въ экстраординарные профессоры Дерптскаго Университета.—«Анналы хирургической клиники».—Поѣздка въ Парижъ.—«Чингисхановы нашествія».—Ученые труды Дерптскаго періода. 28

V. Хлопоты о переводѣ въ С.-Петербургъ.—Проэктъ учрежденія каѳедры госпитальной хирургіи. — Переводъ въ С.-Петербургскую Медико-Хирургическую Академію. — «Буцефалова глупость».—Устройство Анатомическаго Института и Музей патологической анатоміи. — Командировка на Кавказъ.—Первая аудіенція у В. К. Елены Павловны.—Холера въ Петербургѣ.—Ученые труды петербургскаго періода. 38

VI. Стремленіе Пирогова на театръ военныхъ дѣйствій. — Проэктъ великой княгини Елены Павловны.—Община сестеръ милосердія.—Прибытіе въ Севастополь. — Введеніе Пироговымъ системы сортировки раненыхъ.—Главный перевязочный пунктъ въ Дворянскомъ собраніи. – Отъѣздъ Пирогова въ Петербургъ.—Вторичный пріѣздъ въ Крымъ.—Дѣятельность въ Симферополѣ —«Начала общей военно-полевой хирургіи» 52

VII. «Морской Сборникъ». –«Вопросы жизни».—Назначеніе попечителемъ въ Одессу.—Первое посѣщеніе новаго попечителя.—Отношеніе къ учителямъ и ученикамъ. — Литературныя бесѣды. — Сотрудничество въ «Одесскомъ Вѣстникѣ».—«Быть и казаться». . 64

VIII. Пріѣздъ въ Кіевъ.—Университетскій вопросъ.—Воскресныя школы.—Циркуляры по учебному округу.—Пироговъ—мировой посредникъ.—Командировка за границу 75

IX. Жизнь въ деревнѣ.—Хирургическая практика.—Осмотръ военно-санитарныхъ учрежденій въ франко-прусскую войну (1870).—Осмотръ военно-санитарныхъ учрежденій въ русско-турецкую войну (1878). — Юбилейное торжество въ Москвѣ.—Болѣзнь и смерть.—Заключеніе. 88

МАТЕРІАЛОМЪ для составленія настоящаго біографическаго очерка послужили главнымъ образомъ «Посмертныя записки Н. И. Пирогова» («Русская Старина», 1884 г. Сентябрь — Декабрь, и 1885 г. Январь — Февраль). Но и въ другихъ его статьяхъ какъ медицинскаго содержанія, такъ въ особенности и публицистическаго (Сочиненія Н. И. Пирогова. С.-Петербургъ. 1887. Томъ II) мы находимъ много эпизодовъ и замѣтокъ, носящихъ автобіографическій характеръ.

Кромѣ того мы пользовались слѣдующими источниками:

1) *Розановъ*. Выписка изъ метрическихъ книгъ о рожденіи Н. И. Пирогова. («Русская Старина», 1881).

2) *Н. Тихонравовъ*. Николай Ивановичъ Пироговъ въ московскомъ университетѣ. (1824—1828). Справки изъ документовъ университетскаго архива. Москва. 1881.

3) *Album Academicum* der Kaiserlichen Universität Dorpat. Bearbeitet von A. Hasselblatt und Dr. G. Otto.

4) *Л. Ѳ. Змѣевъ*. Русскіе врачи писатели. С.-Петербургъ, 1886—1887.

5) *Biographisches Lexicon* der hervorragendsten Aerzte. (Біографическая замѣтка о Пироговѣ составлена проф. L. Stieda, бывшимъ проф. анатоміи въ Дерптѣ, нынѣ въ Кенигсбергѣ).

6) *Фробенъ, Л.* О дѣятельности Н. И. Пирогова въ дерптскомъ университетѣ. (Протоколы и труды Русскаго Хирургическаго Общества Пирогова за 1882—83 гг. С.-Петербургъ, 1883; стр. 133—150).

7) *Каде, Э.* Воспоминаніе о Н. И. Пироговѣ. (Ibidem, стр. 74—98).

8) *Флоринскій, В. М.* Воспоминаніе о дѣятельности Н. И. Пирогова въ С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи. (Ученыя записки казанскаго университета, 1881).

9) *Стоюнинъ, В. Я.* Педагогическія сочиненія. С.-Петербургъ. 1892.

10) *Ушинскій*. Педагочическія сочиненія Пирогова. (Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія. 1892).

11) *Острогорскій*. Русскіе педагогическіе дѣятели. С.-Петербургъ, 1888.

12) *Добровъ, Л.* Воспоминанія о Н. И. Пироговѣ: одесскій періодъ его дѣятельности. («Русская Старина», 1885, Іюнь).

Наконецъ рядъ мелкихъ статей и замѣтокъ о Н. И. Пироговѣ, разбросанныхъ какъ въ общей, такъ и въ медицинской печати.

I.

Раннее дѣтство.—Домашняя обстановка.—Ученіе азбуки по каррикатурамъ на французовъ.—Раннее чтеніе.—Первые учители.—Пансіонъ Кряжева.—Разореніе семьи Пироговыхъ.—Совѣтъ Е. О. Мухина.—Поступленіе въ университетъ.

13 Ноября 1810 года у казначея Московскаго провіантскаго депо, Ивана Ивановича Пирогова, происходило весьма частое въ его семейной жизни торжество: у него родился тринадцатый ребенокъ, мальчикъ Николай,—будущій «хирургъ-мыслитель». «Малъ бѣхъ въ братіи моей и юнѣйшій въ домѣ отца моего», говоритъ по этому поводу въ своихъ «Запискахъ» самъ Н. И.

Родители Пирогова жили въ то время въ собственномъ домикѣ въ приходѣ Троицы, въ Сыромятникахъ. Черезъ два года, во время нашествія французовъ семья Пироговыхъ, какъ и остальное населеніе Москвы, должна была бѣжать изъ города; Пироговы поѣхали во Владиміръ. По возвращеніи въ Москву отецъ Пирогова построилъ новый домъ.

Обстановка, въ которой протекало дѣтство Пирогова, была чрезвычайно благопріятна. Отецъ его былъ отличный семьянинъ, и какъ онъ, такъ и мать горячо любили дѣтей. Средства къ жизни были болѣе, чѣмъ достаточны; отецъ сверхъ порядочнаго по тому времени жалованья занимался еще веденіемъ частныхъ дѣлъ. Вновь отстроенный домъ былъ просторный и веселый, съ небольшимъ, но хорошимъ садомъ, цвѣтниками, дорожками. Отецъ, любитель живописи и сада, разукрасилъ стѣны комнатъ и даже печки фресками какого-то доморощеннаго живописца, а садъ—бесѣдочками и разными садовыми играми. Въ саду были кегли, игры въ крючки и кольца. Нѣтъ ничего удивительнаго, что Пироговъ съ живостью и удовольствіемъ вспоминаетъ о своемъ дѣтствѣ и говоритъ, что «жизнь его ребенкомъ до 13 лѣтъ была весела и привольна, а потому не могла не оставить одни пріятныя воспоминанія».

Такая жизнь давала ребенку возможность свободно развиваться, и результатомъ ея было то, что мальчикъ въ 6 лѣтъ выучился грамотѣ шутя, по каррикатурамъ на французовъ, из-

даннымъ въ видѣ азбуки въ картинкахъ. Научившись читать, мальчикъ набросился конечно на чтеніе, и чтеніе дѣтскихъ книгъ было для него истиннымъ наслажденіемъ. Имъ овладѣла, какъ нѣмцы выражаются, *Lesewuth* (бѣшенство чтенія). Масса дѣтскихъ книгъ, бывшихъ тогда въ ходу («Зрѣлище вселенной», Золотое зеркало для дѣтей», «Дѣтскій вертоградъ», «Дѣтскій магнитъ», «Пальнаевы и Эзоповы басни») были проглочены и потомъ прочитаны по нѣскольку разъ. Отецъ обыкновенно дѣлалъ дѣтямъ подарки книгами. Особенно сильное впечатлѣніе произвело на мальчика «Дѣтское Чтеніе» Карамзина, такъ что въ своихъ «Запискахъ» Пироговъ даже называетъ по именамъ разныхъ дѣйствующихъ тамъ лицъ, и этотъ подарокъ отца считаетъ самымъ лучшимъ въ своей жизни. Басни Крылова, — также очень нравились мальчику. Одинъ изъ посѣщавшихъ домъ Пироговыхъ читалъ эти басни очень хорошо. Маленькій Коля выучилъ самъ своею охотой «Квартетъ», «Демьянову Уху», «Тришкинъ Кафтанъ»; «какъ видно, пишетъ знаменитый ученый, нравились мнѣ наиболѣе юмористическія», вѣроятно благодаря тому, что грамотѣ онъ учился по юмористическимъ картинкамъ на обращенныхъ въ бѣгство французовъ.

Въ такой привольной и довольно интеллигентной обстановкѣ прошло домашнее воспитаніе Пирогова до поступленія въ школу. Мальчикъ занимался только тѣмъ, что его интересовало само по себѣ. На это жалуется семидесятилѣтній старецъ въ своихъ «Запискахъ», говоря, что культурой его внимательности никто и не думалъ заниматься, и считая это главнымъ пробѣломъ своего первоначальнаго воспитанія.

До 9 лѣтъ съ мальчикомъ занимались мать и сестра, потомъ онъ перешелъ въ руки учителей. Первымъ его учителемъ русскаго языка былъ студентъ университета. «Я помню довольно живо, говоритъ Пироговъ, молодаго, красиваго человѣка и помню не столько весь его обликъ, сколько однѣ румяныя щеки и улыбку на лицѣ... Воспоминанія о щекахъ, улыбкѣ, туго накрахмаленныхъ воротничкахъ и бѣлыхъ съ тоненькими, синенькими полосками панталонахъ моего перваго учителя какъ то слились въ памяти съ понятіемъ о частяхъ рѣчи». Слѣдующіе два учителя, студентъ Московской Медико-хирургической Академіи, занимавшійся латинскимъ, и другой — французскимъ языкомъ, не оставили и такихъ внѣшнихъ впечатлѣній. Этотъ педагогическій тріумвиратъ оставилъ въ памяти Пирогова очень немного и слѣдовательно для развитія его сдѣлалъ очень мало.

Одною изъ любимыхъ игръ мальчика была игра въ лекаря... Возникновеніемъ своимъ это весъма оригинальная игра обязана болѣзни старшаго брата Н. И., къ которому былъ наконецъ приглашенъ проф. Е. О. Мухинъ, имѣвшій большое значеніе въ дальнѣйшей жизни Пирогова. Обстановка визита знаменитости и поразительный эффектъ леченія произвели сильное впечатлѣніе на бойкаго и развитаго мальчика. Долгое время въ домѣ Пироговыхъ только и было разговору о Мухинѣ и его визитѣ. Въ одинъ прекрасный день маленькій Пироговъ «попросилъ кого-то изъ домашнихъ лечь въ кровать, а самъ, принявъ видъ и осанку доктора, важно подошелъ къ мнимо-больному, пощупалъ пульсъ, посмотрѣлъ на языкъ, далъ какой-то совѣтъ, вѣроятно, также о приготовленіи декокта, распрощался и вышелъ преважно изъ комнаты». Это представленіе забавляло, разумѣется, домашнихъ, и вызывало частыя повторенія. Будущій великій клиницистъ усовершенствовался и «сталъ разыгрывать роль доктора, посадивъ и положивъ нѣсколькихъ особъ, между прочимъ, и кошку, переодѣтую въ даму: переходя отъ одного мнимобольнаго къ другому, онъ садился за столъ, писалъ рецепты и толковалъ, какъ принимать лекарства». «Не знаю, говоритъ Пироговъ, получилъ ли бы я такую охоту играть въ лекаря, если бы вмѣсто весьма быстраго выздоровленія братъ мой умеръ».

На 12 году Пирогова отдали въ частный пансіонъ Кряжева. В. С. Кряжевъ занималъ довольно видное мѣсто среди московскихъ педагоговъ того времени. Въ 1811 году онъ открылъ въ Москвѣ частный пансіонъ: «Своекоштное отечественное училище для дѣтей благороднаго званія». Программа пансіона была довольно широкая, потому что цѣлью его учрежденія было «доставить родителямъ средства воспитать дѣтей ихъ такъ, чтобы они могли быть способными для государственной службы чиновниками». Курсъ былъ шестилѣтній, распадавшійся на 3 разряда или класса, по два года въ каждомъ. Пансіонъ Кряжева пользовался очень хорошею репутаціей и считался однимъ изъ лучшихъ частныхъ пансіоновъ. Въ 1822 году, 5 февраля, Пироговъ поступилъ полупансіонеромъ въ этотъ пансіонъ. О своемъ пребываніи въ пансіонѣ онъ сохранилъ весьма хорошія воспоминанія, въ особенности о самомъ директорѣ Кряжевѣ, преподававшемъ новые языки, и о преподавателѣ русскаго языка Войцеховичѣ. Пироговъ былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ у Войцеховича. Впослѣдствіи ученикъ и учитель встрѣтились въ клиникѣ, гдѣ Войцеховичъ ле-

жалъ больной. Войцеховичъ былъ тронутъ посѣщеніемъ Пирогова и крайне удивленъ, что онъ пошелъ по медицинскому факультету, а не словесному. Во время пребыванія въ пансіонѣ Кряжева, Пироговъ основательно познакомился съ русскимъ и французскимъ языками. Латинскій языкъ, который онъ зналъ впослѣдствіи превосходно, проходился въ пансіонѣ Кряжева плохо по винѣ неумѣлаго преподавателя-священника.

Во время пребыванія Пирогова въ пансіонѣ Кряжева на его семью обрушился рядъ нравственныхъ и матеріальныхъ катастрофъ: смерть сестры и брата, растрата казенныхъ денегъ другимъ братомъ и наконецъ вынужденный выходъ въ отставку отца Пирогова. Послѣднее, разумѣется, было тяжелымъ матеріальнымъ ударомъ и произошло по слѣдующимъ обстоятельствамъ. Одинъ изъ чиновниковъ коммиссаріата былъ отправленъ на Кавказъ, чтобы отвезти туда 30,000 руб. Послѣдній вмѣстѣ съ деньгами исчезъ безслѣдно, и И. И. Пироговъ, какъ казначей, неизвѣстно почему былъ привлеченъ къ отвѣтственности и долженъ былъ возмѣстить значительную часть этой суммы. Въ концѣ концовъ пришлось уплатить, и поэтому все имѣніе и все наличное имущество были описаны и взяты въ казну. Матеріальное положеніе семьи пошатнулось, и Николая пришлось взять изъ пансіона Кряжева, гдѣ плата за ученье была довольно высокая. Не желая все-таки испортить карьеру мальчика, по отзывамъ учителей способнаго, отецъ Пирогова вздумалъ обратиться за совѣтомъ къ Е. О. Мухину, уже поставившему одного сына на ноги,—авось, поможетъ и другому.

Мухинъ принялъ участіе въ судьбѣ юноши и, какъ увидимъ ниже, благодѣтельно повліялъ на его дальнѣйшую карьеру. Мухинъ посовѣтовалъ отцу Пирогова готовить своего 14-лѣтняго сына прямо къ вступительному экзамену на медицинскій факультетъ московскаго университета. Согласно этому совѣту Пироговъ, «еще наканунѣ игравшій со своими школьными товарищами въ саду въ солдаты, причемъ отличился изумительною храбростью, разорвавъ нѣсколько сюртуковъ и надѣлавъ не мало синяковъ», былъ взятъ изъ пансіона Кряжева, пробывъ тамъ лишь около двухъ лѣтъ.

Для приготовленія его къ экзамену пригласили студента медицины, кончающаго курсъ, Ѳеоктистова, добраго и смирнаго человѣка, какъ характеризуетъ его въ своихъ воспоминаніяхъ Пироговъ. Этотъ студентъ поселился у Пироговыхъ и занимался съ Николаемъ главнымъ образомъ латинскимъ языкомъ.

Изъ знакомыхъ, бывавшихъ въ то время у отца Пирогова, осо-

бенно интересовали его двое: Григорій Михайловичъ Березкинъ и Андрей Михайловичъ Клаусъ, оба изъ врачебнаго, правда, низшаго персонала, старые сослуживцы московскаго воспитательнаго дома. Березкинъ толковалъ съ будущимъ медикомъ о медицинѣ, подарилъ ему какой-то писанный на латинскомъ языкѣ сборникъ съ описаніемъ въ алфавитномъ порядкѣ лекарственныхъ травъ. Словоохотливый Березкинъ — большой шутникъ—потѣшалъ мальчика своими постоянными шутками и прибаутками. Клаусъ, знаменитый оспопрививатель екатерининскихъ временъ, былъ оригинальнѣйшая и извѣстная тогда въ Москвѣ личность. Имѣя большую практику въ семьѣ И. И. Пирогова, у котораго было 14 человѣкъ дѣтей, старикъ Клаусъ обязательно навѣщалъ Пироговыхъ въ табельные дни. Любознательнаго мальчика онъ особенно занималъ имѣвшимся всегда при немъ маленькимъ микроскопомъ.

«Раскрывался, вспоминаетъ Пироговъ, черный ящикъ, вынимался крошечный, блестящій инструментъ, брался цвѣтной лепестокъ съ какого-нибудь комнатнаго растенія, отдѣлялся иглой, клался на стеклышко, и все это дѣлалось тихо, чинно, аккуратно, какъ будто совершалось какое-то священнодѣйствіе. Я не сводилъ глазъ съ Андрея Михайловича и ждалъ съ замираніемъ сердца минуту, когда онъ приглашалъ взглянуть въ его микроскопъ.

— Ай, ай, какая прелесть! Отчего это такъ видно, Андрей Михайловичъ?

— А это, дружокъ, тутъ стекла вставлены, что въ 50 разъ увеличиваютъ. Вотъ, смотри-ка. Слѣдовала демонстрація».

Занятія съ Θеоктистовымъ не были обременительны и шли успѣшно. Ученикъ дѣтски радовался, что готовится въ университетъ, и занимался прилежно. Ему доставляло наслажденіе разсматривать медицинскія книги Θеоктистова. А когда однажды Θеоктистовъ принесъ каталогъ университетскихъ лекцій, будущій студентъ разбиралъ его съ какимъ-то невыразимо-пріятнымъ трепетомъ и распрашивалъ своего ментора, какія лекціи онъ будетъ слушать, поступивъ въ университетъ.

Желанный моментъ наконецъ наступилъ. 11 сентября 1824 года, въ правленіе московскаго университета поступило собственноручное прошеніе Пирогова:

«Родомъ я изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, сынъ коммиссіонера 9-го кл., Ивана Пирогова, отъ роду имѣется мнѣ 16 лѣтъ, обучался на первое въ домѣ родителей моихъ, а потомъ въ пансіонѣ г-на Кряжева: Закону Божію, россійскому, латинскому, нѣмецкому и французскому языкамъ, исторіи, географіи, ариѳметикѣ и геометріи. Нынѣ-же желаю ученіе мое продолжать въ семъ университетѣ въ званіи студента; почему правленіе Императорскаго московскаго университета покорнѣйше прошу допустить меня по надлежащемъ испытаніи къ слушанію профессорскихъ лекцій и включить въ число своекоштныхъ студентовъ медицинскаго отдѣленія. Свидѣтельство-же о родѣ моемъ и лѣтахъ при семъ прилагаю».

Приложенное вмѣсто метрики свидѣтельство, выданное 4 сентября 1824 года изъ коммиссіи московскаго Коммиссаріатскаго Депо, удостовѣряло, что Николай Пироговъ имѣетъ нынѣ отъ роду «шестнадцать лѣтъ». Ему не было еще полныхъ 14 лѣтъ, и лѣта его были показаны невѣрно, чтобы открыть доступъ въ университетъ: въ то время никто не могъ вступить въ студенты, не имѣя 16 лѣтъ отъ роду. Въ числѣ представленныхъ документовъ находилось и свидѣтельство изъ пансіона Кряжева о двухгодичномъ пребываніи тамъ Пирогова.

«Вступленіе въ университетъ, говоритъ Пироговъ, было такимъ для меня громаднымъ событіемъ, что я, какъ солдатъ, идущій на бой, на жизнь или смерть, осилилъ и перемогъ волненіе и шелъ хладнокровно». На экзаменѣ въ качествѣ декана факультета присутствовалъ и Мухинъ, что дѣйствовало ободряющимъ образомъ на экзаменующагося. Экзаменаторами были проф. Мерзляковъ, Котельницкій и Чумаковъ. Экзаменъ сошелъ благополучно. Профессоры остались довольны отвѣтами и подали въ такомъ смыслѣ донесеніе правленію университета. Студента-ребенка отецъ повезъ въ кондитерскую и угостилъ шоколадомъ.

II.

Московскій университетъ 20-хъ годовъ.—Профессоры, студенты.—Десятый номеръ.—Смерть отца.—Окончательное разореніе семьи.—Предложеніе Е. О. Мухина записаться въ профессорскій институтъ.—Выборъ хирургіи своею спеціальностью.—Лекарскій экзаменъ.—Отправленіе въ Петербургъ.—Экзаменъ въ Академіи Наукъ.—Отправленіе въ Дерптъ.

Московскій университетъ двадцатыхъ годовъ представлялъ собою по составу профессоровъ довольно безотрадное зрѣлище. За весьма немногими исключеніями большинство профессоровъ отличалось своею бездарностью, отсутствіемъ знанія и совершенно чиновничьимъ отношеніемъ къ дѣлу преподаванія. Такіе преподаватели не могли импонировать своимъ слушателямъ и заинтересовать ихъ. Они вносили, по выраженію Пирогова, въ университетское преподаваніе «комическій элементъ».

Одни изъ этихъ почтенныхъ ученыхъ вмѣсто изложенія науки занимали студентовъ семейными хрониками и проповѣдями о нравственности. Другіе «читали» студентамъ не лекціи и даже не свои тетрадки (записки), а просто-на-просто старые учебники, да и то

съ ошибками. У третьяго «комика» въ началѣ каждой лекціи прочитывался протоколъ предыдущей лекціи: «на прошедшей лекціи 1824 года такого-то числа Василій Григорьевичъ такой-то, надворный совѣтникъ и кавалеръ, излагалъ своимъ слушателямъ то-то и то-то»... На лекціяхъ этихъ профессоровъ-чудаковъ собирались студенты разныхъ даже факультетовъ ради потѣхи и, какъ истые школьники, превращали самыя лекціи въ балаганныя представленія. Благодарный матеріалъ для студенческихъ проказъ заключался въ тогдашней системѣ контроля занятій студентовъ, въ системѣ перекличекъ по спискамъ на лекціяхъ. Нѣкоторые профессоры, придерживаясь усердно системы перекличекъ, получили наконецъ неизъяснимое отвращеніе къ тѣмъ слушателямъ, которые не значились въ спискахъ. Этою антипатіей къ постороннимъ слушателямъ, къ чужакамъ, какъ ихъ называли, и пользовались студенты. Они нарочно приводили въ аудиторіи профессоровъ-чужеѣдовъ посторонихъ лицъ, а потомъ уже во время лекціи заявляли о присутствіи «чужаковъ» и устраивали изгнаніе пришельцевъ съ достаточнымъ шумомъ и гамомъ.

Внѣшнія отношенія профессоровъ къ студентамъ на лекціяхъ носили на себѣ характеръ какой-то патріархальной халатности. Профессоры говорили слушателямъ «ты», острили надъ ними. Такъ, Мудровъ, одинъ изъ выдающихся тогдашнихъ профессоровъ медицинскаго факультета, однажды на лекціи о нервной психической болѣзни учителей и профессоровъ, обнаруживающейся какою-то непреодолимою боязнью уже при входѣ въ аудиторію, сказалъ своимъ слушателямъ: «а чего бы васъ-то бояться, вѣдь вы—бараны», а аудиторія наградила его за эту остроту общимъ веселымъ смѣхомъ.

Нечего и говорить, что преподаваніе естественныхъ и медицинскихъ наукъ было совершенно лишено демонстративнаго характера. Лекціи читались по руководствамъ 1750-тыхъ годовъ, когда даже въ рукахъ у студентовъ были болѣе новые учебники текущаго столѣтія. Единственное почти исключеніе составляло преподаваніе анатоміи. Профессоромъ анатоміи былъ тогда въ московскомъ университетѣ Юстъ Христіанъ Лодеръ, личность оригинальная, выдающаяся и европейская знаменитость. Его наглядное и демонстративное преподаваніе заинтересовало Пирогова, и послѣдній съ увлеченіемъ занимался анатоміей, но только теоретически, потому что практическихъ занятій на трупахъ (препарованіе) не существовало въ то время.

Другую основную науку медицинскаго факультета—физіологію читалъ Ефремъ Осиповичъ Мухинъ, игравшій столь значительную роль въ судьбѣ Пирогова. Мухинъ былъ собственно спеціалистомъ по внутреннимъ болѣзнямъ и имѣлъ въ Москвѣ громадную практику. Къ профессорскимъ обязанностямъ онъ по-своему относился добросовѣстно и прочитывалъ свою физіологію (по иностранному руководству съ добавленіями и комментаріями) отъ доски до доски. Лекціи Мухина не отличались, повидимому, ни содержательностью, ни формой, потому что Пироговъ, аккуратно посѣщая ихъ въ теченіи 4 лѣтъ, «ни разу не могъ дать себѣ отчетъ, выходя съ лекціи, о чемъ собственно читалось; это онъ приписывалъ собственному невѣжеству и слабой подготовкѣ, ни разу не усомнясь въ глубокомыслiи наставника».

Клиницисты-профессоры того времени не могли оказать особенное вліяніе на Пирогова. Терапевтъ М. Я. Мудровъ, тогдашняя московская знаменитость, принесъ ему пользу только тѣмъ, что безпрестанно толковалъ о необходимости учиться патологической анатоміи, о вскрытіи труповъ, и тѣмъ поселилъ въ немъ желаніе познакомиться съ этою наукой. Хирургъ Ф. А. Гильдебрандтъ, искусный и опытный практикъ, умный острякъ, какъ профессоръ однако былъ изъ рукъ вонъ плохъ. Онъ такъ сильно гнусилъ, что, стоя въ двухъ-трехъ шагахъ отъ него, на лекціи нельзя было ни слова понять, тѣмъ болѣе, что онъ читалъ и говорилъ всегда по-латыни. Лекціи его и его адъюнкта Альфонскаго состояли въ перефразировкѣ изданнаго Гильдебрандтомъ тощаго учебника хирургіи на латинскомъ языкѣ. Объ упражненіяхъ въ операціяхъ на трупахъ не было и помину. Изъ операцій на живыхъ Пирогову случилось видѣть только нѣсколько разъ литотомію (вырѣзываніе камней) у дѣтей и только однажды ампутацію голени.

Гораздо сильнѣе, нежели вліяніе профессоровъ, было на мальчика-студента вліяніе старшихъ товарищей. Въ виду отдаленности дома Пироговыхъ отъ университета, онъ проводилъ обѣденное время у своего бывшаго учителя Ѳеоктистова и только вечеромъ, т. е. въ 4—5 часовъ возвращался домой. Ѳеоктистовъ былъ казенно-коштнымъ студентомъ и жилъ въ общежитіи съ пятью другими товарищами въ № 10 корпуса студентскихъ квартиръ. Впечатлѣнія, вынесенныя изъ ежедневныхъ посѣщеній 10 номера, были чрезвычайно разнообразны. «Чего я не насмотрѣлся и не наслушался въ 10 нумерѣ!» говоритъ Пироговъ. Споры объ отвле-

ченныхъ предметахъ, о политикѣ, чтеніе запрещенныхъ стихотвореній Рылѣева и другихъ вплоть до легкомысленныхъ произведеній поэта-студента Полежаева, дикіе кутежи въ дни получки денегъ—вотъ жизнь десятаго нумера. Шумъ и гамъ, царившіе въ общежитіи казенныхъ студентовъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, доходили до такихъ гомерическихъ размѣровъ, что, по словамъ Пирогова, проходящіе мимо этого питомника дѣтей Аполлона крестились и отплевывались. Въ такую-то безшабашную компанію попалъ 14-лѣтній Пироговъ прямо изъ дѣтской комнаты, изъ семьи, гдѣ соблюдались всѣ посты, вся обрядовая часть религіи. Вліяніе 10 нумера было громадно, оно обусловило переломъ нравственный и умственный въ богато одаренной натурѣ Пирогова, оно дало могучій толчекъ его развитію, расширивъ очень его кругозоръ. Даже кутежи 10 нумера сослужили Пирогову ту службу, что впослѣдствіи, въ Дерптѣ, бьющій часто черезъ край разгулъ студенческой жизни не представлялъ для него уже ничего новаго и увлекательнаго. Кутежи въ Дерптѣ, гдѣ Пироговъ былъ вполнѣ уже самостоятельнымъ человѣкомъ и находился внѣ вліянія родной семьи, могли бы имѣть для него роковое значеніе, какъ и для многихъ русскихъ юношей, попадавшихъ въ Дерптъ прямо съ гимназической или школьной скамьи.

Съ десятымъ нумеромъ связанъ также эпизодъ, характеризующій, какимъ еще ребенкомъ былъ Пироговъ въ первое время студенчества и какъ этотъ ребенокъ жаждалъ знанія. Одинъ изъ студентовъ 10 нумера предложилъ ему купить прекрасно составленный гербарій за 10 рублей ассигнаціями. Пироговъ въ восхищеніи отъ покупки и внѣ себя отъ радости привезъ домой гербарій и сталъ показывать домашнимъ растенія и объяснять ихъ. Когда оказалось однако, что за эту драгоцѣнность слѣдуетъ заплатить 10 рублей, то поднялась цѣлая буря. Мать назвала эту покупку самоуправствомъ, легкомысліемъ, расточительностью и пригрозила, что отецъ не дастъ денегъ. «Я, пишетъ Пироговъ,—въ слезы, ухожу къ себѣ, ложусь въ постель и плачу навзрыдъ, и такъ цѣлый вечеръ, нейду ни къ чаю, ни къ ужину; приходятъ сестры, уговариваютъ, утѣшаютъ. Я угрожаю, что останусь дома и не буду ходить на лекціи». Наконецъ, благодаря ходатайству сестеръ, дѣло уладилось.—Юный ученый долго занимался этимъ гербаріемъ; не зная ботаники, онъ заучилъ на память наружный видъ многихъ растеній, въ особенности медицинскихъ; лѣтомъ экскурсировалъ и дополнялъ свою коллекцію.

Кромѣ гербарія Пироговъ пріобрѣлъ изъ 10 нумера кости. «Когда я привезъ кулекъ съ костями домой, то мои домашніе не безъ душевной тревоги смотрѣли, какъ я опоражнивалъ кулекъ и раскладывалъ драгоцѣнный подарокъ 10 нумера по ящикамъ пустого комода, а моя нянюшка, случайно пришедшая къ намъ въ гости, увидѣвъ у меня человѣческія кости, прослезилась почему-то; когда-же я сталъ ей демонстрировать очень развязно поворачивая въ рукахъ лобную кость, бугры, вѣнечный шовъ и надбровныя дуги, то она только качала головой и приговаривала: Господи Боже мой, какой ты вышелъ у меня безстрашникъ».

Во время студенчества Пирогова матеріальное положеніе семьи пришло въ окончательный упадокъ. Выходъ въ отставку сильно повліялъ на старика-отца, подорвалъ его энергію и потому неблагопріятно отразился на занятіяхъ частными дѣлами. Въ концѣ перваго года студенчества (1 мая 1825 года) отецъ Пирогова внезапно умеръ. Уже чрезъ мѣсяцъ послѣ смерти отца, семья, состоявшая изъ матери, двухъ сестеръ и студента Николая, должна была предоставить домъ и все, что въ немъ находилось, казнѣ и частнымъ кредиторамъ. Выброшенной буквально на улицу семьѣ помогъ троюродный дядя Пирогова Андрей Филимоновичъ Назарьевъ, засѣдатель какого-то московскаго суда, жившій съ многочисленнымъ своимъ семействомъ въ маленькомъ собственномъ домикѣ, въ которомъ онъ уступилъ мезонинъ съ 3 комнатами и чердакомъ осиротѣвшей семьѣ Пироговыхъ. Назарьевъ представлялъ «типъ небольшаго чиновника—муравья». «Эта добрѣйшая и тишайшая душа, говоритъ Пироговъ, поилъ иногда и меня чаемъ въ ближайшемъ трактирѣ, когда я заходилъ въ судъ у Иверскихъ воротъ, отвозилъ меня иногда на извощикѣ изъ университета домой и однажды—этого я никогда не забывалъ—замѣтивъ у меня отставшую подошву, купилъ мнѣ сапоги». Впослѣдствіи, будучи уже профессоромъ въ Дерптѣ, Пироговъ, желая отблагодарить А. Ф. Назарьева «не столько за даровой пріютъ, сколько за сапоги», взялъ къ себѣ на воспитаніе его маленькаго сына. Попытка отблагодарить такимъ путемъ дядю не увѣнчалась успѣхомъ: изъ мальчика ничего не вышло. Впослѣдствіи Пирогову говорили, что его воспитанникъ получилъ мѣсто въ московской полиціи. «Могъ ли я ожидать, восклицаетъ по этому поводу Пироговъ, что сдѣлаюсь воспитателемъ квартальныхъ». Въ домѣ дяди Пироговы прожили годъ, а потомъ они наняли квартиру и держали жильцовъ. Мать и сестры кромѣ того занимались мелкими работами, одна изъ сестеръ поступила надзирательницей въ какое-то благотворительное дѣтское заведеніе. Уроки давать Пироговъ не могъ, потому что

одна ходьба въ университетъ и обратно брала 4 часа времени. «Лѣтомъ въ сухую погоду, куда ни шло, я бѣгалъ по Никитской исправно, но въ грязь осенью, ночью, ой, ой, ой, какъ плохо приходилось мнѣ, бѣдному мальчику!» вспоминаетъ знаменитый хирургъ. Къ тому же и мать была противъ того, чтобы онъ работалъ на себя, и слышать не хотѣла, чтобы онъ сдѣлался стипендіатомъ или казеннокоштнымъ, считая это какъ будто чѣмъ-то унизительнымъ. «Ты будешь, говорилось, чужой хлѣбъ заѣдать; пока хоть какая-нибудь есть возможность, живи на нашемъ».

Впрочемъ расходы на университетъ были тогда невелики: платы за слушаніе лекцій не полагалось, мундировъ не существовало. Когда позднѣе ввели мундиры, сестры сшили Пирогову изъ стараго фрака какую-то мундирную куртку съ краснымъ воротникомъ, и Пироговъ, чтобы не обнаруживать несоблюденія формы, сидѣлъ на лекціяхъ въ шинели, выставляя на видъ только свѣтлыя пуговицы и красный воротникъ.

Семьѣ помогалъ также крестный отецъ Пирогова, московскій именитый гражданинъ, Семенъ Андреевичъ Лукутинъ.

Такъ перебивалась семья, какъ рыба объ ледъ, и благодаря самоотверженности матери и обѣихъ сестеръ, будущему свѣтилу русской медицины удалось пройти университетскій курсъ. «Какъ я или лучше мы, говоритъ Пироговъ, пронищенствовали въ Москвѣ, во время моего студенчества, это для меня осталось загадкой».

Въ концѣ 1822 года послѣдовало Высочайше повелѣніе объ учрежденіи при Дерптскомъ университетѣ института «изъ двадцати природныхъ россіянъ», предназначенныхъ для замѣщенія со временемъ профессорскихъ каѳедръ въ четырехъ русскихъ университетахъ.

Идея учрежденія профессорскаго института принадлежала академику Парроту и была вызвана необходимостью обновить составъ профессоровъ научно подготовленными силами. Кромѣ немногихъ иностранныхъ знаменитостей, приглашенныхъ въ Россію, профессора во всѣхъ русскихъ университетахъ принадлежали къ типу московскихъ «комиковъ». Одинъ только дерптскій университетъ стоялъ въ то время на подобающей научной высотѣ. Поэтому Парротъ, бывшій раньше профессоромъ физики въ дерптскомъ университетѣ, и выработалъ проэктъ, чтобы окончившихъ курсъ въ разныхъ университетахъ отправляли въ Дерптъ на два года для спеціальнаго изученія какой-либо науки. Послѣ двухлѣтняго пребыванія въ дерптскомъ университетѣ молодые ученые посылались еще на два года за границу и по возвращеніи оттуда назначались профессо-

рами. Выборъ студентовъ и окончившихъ университетскій курсъ для отправленія въ профессорскій институтъ предоставлялся Совѣтамъ университетовъ. Всѣхъ кандидатовъ отправляли на казенный счетъ въ Петербургъ, гдѣ они подвергались контрольному испытанію въ Академіи Наукъ по своей спеціальности. По выдержаніи этого испытанія они посылались въ Дерптъ, въ противномъ же случаѣ съ Совѣта соотвѣтствующаго университета взыскивались деньги, издержанныя на отправленіе кандидатовъ въ Петербургъ.

Какъ только московскій университетъ получилъ предписаніе министра о выборѣ кандидатовъ въ профессорскій институтъ Е. О. Мухинъ вспомнилъ о своемъ protégé и предложилъ ему ѣхать въ Дерптъ. Пироговъ сейчасъ согласился и выбралъ своею спеціальностью хирургію. Быстрое рѣшеніе Пирогова обусловливалось тѣмъ, что его тяготило семейное положеніе, т. е., что онъ на рукахъ матери и сестеръ, а также и тѣмъ, что «московская наука, не смотря на свою отсталость и поверхностность, всетаки оставила кое-что, не дававшее покоя и звавшее впередъ». Окончаніе курса не сулило впереди никакого обезпеченнаго положенія въ виду отсутствія средствъ и связей, а между тѣмъ даровитаго юношу обуревало «неотступное желаніе учиться и учиться». Что касается выбора спеціальности, то Пироговъ въ виду того, что другая наука, кромѣ забракованной Мухинымъ физіологіи, основанная на анатоміи, есть *хирургія* и только хирургія, остановился на послѣдней. Въ своихъ воспоминаніяхъ Пироговъ самъ ставитъ вопросъ: «А почему не самую анатомію? А вотъ поди, узнай у самого себя почему? Навѣрное не знаю, но мнѣ сдается, что гдѣ-то издалека какой-то внутренній голосъ подсказалъ тутъ хирургію. Кромѣ анатоміи есть еще и жизнь, и, выбравъ хирургію, будешь имѣть дѣло не съ однимъ трупомъ».

Когда Пироговъ былъ уже записанъ въ число кандидатовъ профессорскаго института, онъ объявилъ своимъ домашнимъ торжественно и не безъ гордости: «Ѣду путешествовать на казенный счетъ».

Къ радости юнаго кандидата, мать и сестры, хотя и опечаленныя неожиданнымъ извѣстіемъ, не оказали противодѣйствія. Пироговъ сталъ готовиться къ лекарскому экзамену. Послѣдній прошелъ для него легко, даже легче обыкновеннаго весьма поверхностнаго, можетъ быть потому, что его назначеніе въ кандидаты профессорскаго института считалось уже эквивалентомъ лекарскаго испытанія.

Въ маѣ 1828 года, Пироговъ сдалъ экзаменъ на степень

лѣкаря перваго отдѣленія, и черезъ два дня всѣ московскіе кандидаты Профессорскаго института въ числѣ семи человѣкъ отправились въ Петербургъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ будущимъ профессорамъ, остановившимся сначала въ какой-то гостинницѣ, отвели пустопорожнее помѣщеніе въ тогдашнемъ университетскомъ домѣ. Потомъ они представлялись сперва директору департамента Д. И. Языкову, отъ котораго получили приглашеніе на обѣдъ, прошедшій крайне скучно и безмолвно, а затѣмъ—министру нар. просвѣщенія, кн. Ливену.

Уже послѣ всего этого былъ назначенъ экзаменъ въ академіи наукъ. Пирогова экзаменовалъ профессоръ Бушъ. Профессоры Бушъ и Велланскій были приглашены изъ медико-хирургической академіи для экзамена врачей. Кандидаты побаивались этого экзамена и были безконечно рады, когда экзаменъ сошелъ благополучно.

За нѣсколько дней до начала II семестра 1828 года, Пироговъ и его товарищи по профессорскому институту прибыли въ Дерптъ. Отправлялись изъ Москвы вмѣстѣ съ Пироговымъ: Шиховскій—по ботаникѣ, Сокольскій—по терапіи, Рѣдкинъ—по римскому праву, Корнухъ-Троцкій—по акушерству, Коноплевъ—по восточнымъ языкамъ и Шуманскій—по исторіи; изъ нихъ въ академіи наукъ по окончаніи испытанія двое были найдены «ненадежными», именно Коноплевъ и П. Г. Рѣдкинъ. Послѣдній однако же поѣхалъ въ Дерптъ на свой счетъ.

III.

Пріѣздъ въ Дерптъ.—В. М. Перевощиковъ, наблюдатель за профессорскими студентами.—Семейство профессора Мойера.—Научныя занятія.—Полученіе золотой медали.—Докторскій экзаменъ.—Поѣздка въ Москву.—Диссертація.—Отправленіе за границу и тамошнія занятія.—Вліяніе Лангенбека.—Возвращеніе въ Россію.—Болѣзнь въ Ригѣ.—Пріѣздъ въ Дерптъ.—Потеря каѳедры въ Москвѣ.

5083

Въ Дерптѣ «профессорскіе студенты» нашли приготовленныя уже для нихъ заранѣе квартиры. Пироговъ поселился вмѣстѣ съ Корнухъ-Троцкимъ и Шиховскимъ, въ довольно глухомъ мѣстѣ, почти наискосокъ противъ дома профессора хирургіи Мойера. Присланные въ профессорскій институтъ находились «подъ командой» профессора русскаго языка В. М. Перевощикова, перешедшаго въ Дерптъ изъ Казани. Это былъ типъ сухого, безжизненнаго, скрыт-

наго бюрократа изъ школы Магницкаго, положившаго глубокій отпечатокъ на всю его дѣятельность и даже на самую физіономію. Перевощиковъ повелъ будущихъ ученыхъ гурьбой по профессорамъ. Для Пирогова было самымъ отраднымъ посѣщеніе дома проф. Мойера.

Іоганъ Христіанъ Мойеръ, или, какъ его по-русски звали, Иванъ Филипповичъ Мойеръ, занимавшій тогда каѳедру хирургіи въ дерптскомъ университетѣ, былъ по мнѣнію самого Пирогова замѣчательною и высокоталантливой личностью. Для характеристики его онъ прибѣгаетъ къ весьма мѣткому выраженію: «талантливый лѣнивецъ». Воспитанникъ дерптскаго университета, Мойеръ, вскорѣ по окончаніи курса въ 1813 году, отправился въ Павію къ знаменитому хирургу, Антоніо Скарпа. Продолжительныя занятія у Скарпа и посѣщеніе госпиталей Милана и Вѣны сдѣлали изъ Мойера основательно образованнаго хирурга. Какъ профессоръ и хирургъ, Мойеръ своимъ практическимъ умомъ и обширными знаніями принесъ Пирогову большую пользу. Лекціи Мойера отличались простотой, ясностью и пластичной наглядностью изложенія. Какъ операторъ, онъ владѣлъ истинно хирургической ловкостью, не суетливою, не спѣшною и не грубою.

Ко времени прибытія въ Дерптъ Пирогова, Мойеръ значительно уже поохладѣлъ къ наукѣ и интересовался болѣе орловскимъ имѣніемъ своей покойной жены, нежели хирургіей. Появленіе студентовъ профессорскаго института, посвятившихъ себя изученію хирургіи, въ особенности пылкое отношеніе къ занятіямъ со стороны Пирогова, оживило Мойера.

Семья Мойера состояла изъ его тещи и семилѣтней дочери Кати. Теща Мойера, Екатерина Афанасьевна Протасова, урожденная Бунина и сестра поэта Жуковскаго, заинтересованная вѣроятно молодостью и неопытностью Пирогова, взяла его подъ свое покровительство. Въ домѣ Мойера Пироговъ познакомился съ Жуковскимъ. Благодаря заступничеству Екатерины Афанасьевны, ему счастливо обошлась исторія съ Перевощиковымъ. Дѣло въ томъ, что Перевощиковъ считалъ своею обязанностью посѣщать студентовъ въ разное время и невзначай. Въ одинъ изъ такихъ визитовъ Перевощикова, когда онъ бесѣдовалъ съ сожителями Пирогова, послѣдній, не замѣтивъ визитатора, прошелъ прямо съ улицы въ свою комнату въ шапкѣ. Объяснивъ это неуваженіемъ къ начальству, Перевощиковъ послалъ въ концѣ семестра въ Петербургъ донесеніе, весьма неблагопріятное для будущаго профессора. Дѣло могло бы разыграться, но Мойеру удалось оправдать своего ученика.

Эта исторія еще тѣснѣе сблизила Пирогова съ семьей Мойера. Екатерина Афанасьевна пригласила молодого человѣка постоянно обѣдать у нихъ, а передъ переѣздомъ на квартиру въ клинику, онъ прожилъ даже нѣсколько мѣсяцевъ въ домѣ Мойера.

Въ клиникѣ Пироговъ прожилъ 4 года до самаго отъѣзда заграницу въ одной комнатѣ съ другимъ профессорскимъ студентомъ Ф. И. Иноземцовымъ. Рѣзкая разница во всемъ складѣ характера, а также и значительная разница лѣтъ исключали всякую возможность сближенія между двумя молодыми людьми. Проживъ столько лѣтъ вмѣстѣ, они остались совершенно чуждыми другъ другу. Впослѣдствіи Иноземцовъ занялъ обѣщанную Пирогову каѳедру хирургіи въ московскомъ университетѣ.

Дерптская жизнь Пирогова сложилась очень скромно. Весь погрузившись въ занятія анатоміей и хирургіей, молодой ученый немногіе свободные часы проводилъ преимущественно у Мойеровъ.

Научный багажъ, который привезъ Пироговъ изъ Москвы въ Дерптъ, былъ довольно легковѣсенъ. Но взамѣнъ того онъ привезъ съ собой страстное желаніе учиться и непреодолимую жажду знанія. Во время московскаго студенчества Пироговъ занимался всего болѣе анатоміей, интересъ къ которой въ немъ возбудилъ талантливый и глубокообразованный представитель ея въ московскомъ университетѣ Лодеръ. Пріѣхавъ въ Дерптъ, Пироговъ, никогда раньше не занимавшійся практически анатоміей, не сдѣлавшій ни одной операціи ни на живомъ, ни даже на трупѣ, не видѣвшій вовсе операцій на трупѣ, съ жаромъ принялся прежде всего за препарованіе и за операціи на трупѣ. То обстоятельство, что Пирогова въ первое время тянуло болѣе къ секціонному, нежели къ операціонному столу, указываетъ на то, что онъ, по выраженію Гиртля, считалъ путь къ каѳедрѣ хирургіи лежащимъ чрезъ анатомическій театръ, а не чрезъ заднее крыльцо министерскихъ квартиръ. Не имѣя ни малѣйшаго представленія объ экспериментальныхъ научныхъ занятіяхъ, Пироговъ съ увлеченіемъ сталъ экспериментировать, стараясь рѣшать вопросы клинической хирургіи путемъ опытовъ надъ животными. Онъ желалъ такимъ образомъ прежде, нежели подвергнуть живого человѣка оперативному вмѣшательству, уяснить себѣ, какъ переноситъ подобное вмѣшательство организмъ животнаго. Онъ не смотрѣлъ на больного, какъ на chair de bistouri, благодаря которому можно легко пріобрѣсти себѣ громкое имя. Такая постановка занятій указывала на глубокое серьезно-научное направленіе 18-ти-лѣтняго юноши, на его стремленіе всесторонне и

вполнѣ освоиться съ вопросомъ прежде, чѣмъ примѣнять свои знанія у постели больнаго.

Въ первое же полугодіе Пироговъ взялъ у прозектора анатомическаго института, д-ра Вахтеля, privatissimum (частный курсъ). Вахтель прочелъ одному только Пирогову вкратцѣ весь курсъ описательной анатоміи на свѣжихъ трупахъ и спиртовыхъ препаратахъ. Ни одинъ частный курсъ, слышанный имъ впослѣдствіи въ германскихъ и французскихъ университетахъ, не принесъ, по сознанію самого Пирогова, столько пользы, сколько курсъ, прочитанный Вахтелемъ. Профессоръ же анатоміи Цихоріусъ, остроумный и даровитый человѣкъ, но большой поклонникъ Бахуса, ограничивался однимъ чтеніемъ лекцій и нисколько не интересовался занятіями Пирогова. Первое время занятіями молодыхъ хирурговъ, Пирогова, Иноземцева и Даля, руководилъ Мойеръ и проводилъ съ ними цѣлые часы въ анатомическомъ институтѣ. Вскорѣ занятія Пирогова получили вполнѣ самостоятельный характеръ. Ихъ главнымъ предметомъ была топографическая анатомія. Топографическая анатомія, иначе называемая хирургическою, или анатомія областей разсматриваетъ взаимное расположеніе органовъ въ опредѣленной, ограниченной части тѣла. Это была наука въ то время новая, разработываемая преимущественно во Франціи и Англіи, въ Россіи же и даже въ Германіи ея почти не знали. Пироговъ положилъ ее въ основу своихъ занятій по хирургіи, въ особенности оперативной.

Результаты направленія, принятаго Пироговымъ при своихъ занятіяхъ, не заставили себя долго ждать. Медицинскій факультетъ предложилъ на медаль хирургическую тему о перевязкѣ артерій. Пироговъ рѣшилъ писать на эту тему; препаровалъ, перевязывалъ артеріи у собакъ и телятъ, занимался цѣлыми днями. Представленная имъ на латинскомъ языкѣ работа въ 50 писчихъ листовъ съ рисунками съ натуры, съ собственныхъ его препаратовъ, вышла очень солидною и была удостоена факультетомъ золотой медали. О работѣ этой заговорили и студенты, и профессора.

Продолжая заниматься исключительно анатоміей и хирургіей, Пироговъ все болѣе и болѣе спеціализировался, и познанія его въ топографической анатоміи становились все шире и глубже. Пироговъ пересталъ даже посѣщать лекціи по другимъ предметамъ; помимо того, что онъ интересовался извѣстнымъ цикломъ медицинскихъ наукъ, одиночныя занятія въ анатомическомъ институтѣ, клиникѣ и дома отучили его отъ слушанія лекцій. На

теоретическихъ лекціяхъ Пироговъ терялъ нить, дремалъ и засыпалъ; въ виду этого молодой ученый считалъ посѣщеніе лекцій непроизводительною для себя тратой времени, которое онъ слѣдовательно «кралъ отъ занятій своимъ спеціальнымъ предметомъ». Занятіе другими предметами такъ тяготило Пирогова, что онъ дошелъ до абсурднаго рѣшенія не держать экзамена на доктора медицины. Когда онъ сообщилъ объ этомъ Мойеру, послѣдній убѣдилъ его отказаться отъ своего страннаго рѣшенія и увѣрилъ Пирогова, что экзаминаторы примутъ навѣрное во вниманіе его отличныя занятія по анатоміи и хирургіи и отнесутся къ нему снисходительно.

Полагаясь на увѣренія Мойера, Пироговъ въ 1831 году приступилъ къ сдачѣ докторскаго экзамена, не смотря на то, что почти не занимался прочими медицинскими науками. Желая изъ упрямства показать факультету, что онъ не самъ идетъ на экзаменъ, а его посылаютъ насильно, Пироговъ по собственному признанію откинулъ весьма неприличную штуку. Въ Дерптѣ тогда и долгое время спустя экзаменъ на степень производился на дому у декана. Докторантъ присылалъ на домъ къ декану обыкновенно чай, сахаръ, нѣсколько бутылокъ вина, тортъ и шоколадъ для угощенія собравшихся экзаминаторовъ. Пироговъ ничего этого не сдѣлалъ. Деканъ Ратке принужденъ былъ подать экзаминаторамъ свое угощеніе. Жена Ратке, какъ Пирогову потомъ разсказывалъ педель, бранила его за это, на чемъ свѣтъ стоитъ. Экзаменъ однако сошелъ благополучно.

По кончаніи экзамена Пироговъ на рождественскіе праздники поѣхалъ въ Москву повидать свою старушку-мать и сестеръ. Въ бытность свою студентомъ профессорскаго института онъ не оказывалъ матеріальной поддержки матери.

«Денегъ я не могъ посылать, говоритъ Пироговъ въ своихъ запискахъ: собственно по совѣсти могъ-бы и долженъ-бы былъ высылать. Квартира и отопленіе были казенныя, столъ готовый, платье въ Дерптѣ было недорогое и прочное. Но тутъ явилась на сцену борьба благодарности и сыновняго долга съ любознаніемъ и любовью къ наукѣ. Почти все жалованье я расходовалъ на покупку книгъ и опыты надъ животными, а книги, особенно французскія, да еще съ атласами стоили недешево; покупка и содержаніе собакъ и телятъ сильно били по карману. Но если, по тогдашнему моему образу мыслей, я обязанъ былъ жертвовать всѣмъ для науки и знанія, а потому и оставлять мою старушку и сестеръ безъ матеріальной помощи, то зато ничего не стоившія мнѣ письма были исполнены юношескаго лиризма».

Для этой поѣздки потребовалась сравнительно значительная сумма, а Пироговъ обыкновенно страдалъ отсутствіемъ денегъ, никогда не могъ свести концы съ концами и иногда доходилъ до того,

что отъ жалованья къ концу мѣсяца ничего не оставалось, и онъ сидѣлъ безъ чаю и сахару,—въ такомъ случаѣ чай замѣнялся ромашкой, мятой или шалфеемъ. Въ данномъ случаѣ нашъ ученый нашелся. Отобравъ свои часы, Иліаду Гнѣдича, подарокъ тещи Мойера, и еще ненужныя книги, русскія и французскія, и старый самоварчикъ да еще кое-что, онъ устроилъ лотерею. Съ вырученными отъ лотереи деньгами у него набралось болѣе сотни рублей. Въ виду скромныхъ рессурсовъ Пироговъ нанялъ для этой поѣздки случайно подвернувшагося подводчика изъ Московской губерніи, который порожнемъ возвращался въ Москву. Землякъ-возница чуть не утопилъ счастливаго докторанта въ полыньяхъ озера Пейпуса.

Впечатлѣнія, вынесенныя Пироговымъ изъ поѣздки въ Москву, не представлялись особенно лестными для культурнаго развитія первопрестольной столицы тогдашняго времени.

По возвращеніи изъ Москвы онъ принялся за докторскую диссертацію, взявши темой для своей работы перевязку брюшной аорты, вопросъ, заинтересовавшій его какъ въ хирургическомъ, такъ и въ физіологическомъ отношеніяхъ. На человѣкѣ эта операція была тогда произведена только одинъ разъ знаменитымъ англійскимъ хирургомъ Астлеемъ Купером и окончилась смертью больнаго. Пироговъ хотѣлъ экспериментальнымъ путемъ рѣшить вопросъ относительно умѣстности этой операціи, что ему отчасти и удалось.

30-го ноября 1832 года послѣ защиты диссертаціи Пироговъ былъ удостоенъ ученой степени доктора медицины.

Теперь предстояла поѣздка на два года за границу, а потомъ профессура въ одномъ изъ русскихъ университетовъ, можетъ быть въ родномъ, въ Московскомъ—мечталъ Пироговъ.

Эти нѣсколько мѣсяцевъ, протекшіе отъ защиты диссертаціи до поѣздки за границу, Пироговъ считаетъ самымъ пріятнымъ временемъ въ своей жизни. Семейство Мойеровъ, а съ нимъ и молодой ученый, жило въ деревнѣ въ 12′ верстахъ отъ города. Къ Мойерамъ пріѣхали погостить двѣ барышни, и Пироговъ, на время покинувъ анатомическій театръ, занялся домашнимъ театромъ. Былъ поставленъ «Недоросль», и нашъ серьезный хирургъ обнаружилъ значительный комическій талантъ, сыгравъ съ большимъ успѣхомъ роль Митрофанушки.

Въ маѣ 1833 года послѣдовало рѣшеніе министерства объ отправкѣ будущихъ профессоровъ за границу: медиковъ, юристовъ, филологовъ и историковъ—въ Берлинъ, естественниковъ—въ Вѣну. Студенты профессорскаго института пробыли въ Дерптѣ такимъ

образомъ вмѣсто двухъ лѣтъ—пять, въ виду революціонныхъ движеній въ Европѣ. Насколько при отправленіи въ Дерптъ въ профессорскій институтъ Пироговъ по своимъ познаніямъ въ избранной имъ спеціальности представлялъ собою почти *tabula rasa*, настолько, отправляясь теперь въ заграничную научную поѣздку, онъ былъ вполнѣ подготовленъ къ дальнѣйшему самостоятельному научному труду. Серьезныя занятія втеченіи пятилѣтняго пребыванія въ Дерптѣ анатоміей и хирургіей сдѣлали изъ Пирогова основательно знающаго свой предметъ спеціалиста. Одинъ весьма важный для хирурга и очень трудный отдѣлъ анатоміи—ученіе о фасціяхъ (покрывающихъ мышцы оболочкахъ)—онъ изучилъ такъ основательно, что едва ли кто-нибудь могъ быть опытнѣе его. Въ этомъ убѣдились потомъ и въ Берлинѣ такіе корифеи науки, какъ Шлеммъ и Іоганнъ Мюллеръ. Хирургію Пироговъ изучалъ по монографіямъ, работая и оперируя на трупахъ. Но, опираясь на прочную почву анатоміи, Пироговъ видѣлъ вѣрнѣйшій путь къ уясненію многихъ вопросовъ клинической хирургіи въ опытѣ надъ животнымъ. И до Пирогова прибѣгали къ опытамъ надъ животными для рѣшенія различныхъ хирургическихъ вопросовъ, онъ же потребовалъ права гражданства для экспериментальной хирургіи, науки, всю важность которой для клиники недостаточно уяснили себѣ еще и теперь.

Такое безусловно раціональное направленіе, выработанное Пироговымъ вполнѣ самостоятельно, было совершенно ново и ставило его цѣлою головой выше современныхъ ему хирурговъ. Приложить принятый имъ методъ въ большемъ масштабѣ—вотъ что необходимо было Пирогову. Въ Дерптѣ въ его распоряженіи было слишкомъ мало: и мертваго матеріала—труповъ, и живаго матеріала—клиническихъ больныхъ. Послѣднее было особенно ощутительно для молодого хирурга. Для того, чтобы выработать изъ себя клинициста, Пирогову нужно было лишь позаняться въ большихъ заграничныхъ клиникахъ и госпиталяхъ подъ руководствомъ выдающихся клиническихъ наставниковъ. Это-то и должна была дать заграничная поѣздка.

Съ прекрасной подготовкой и съ девизомъ «je prends mon bien partout, où je le trouve» явился молодой русскій хирургъ въ заграничныя клиники.

Германская медицина тридцатыхъ годовъ переживала переходное время. Въ то время, какъ въ Англіи и во Франціи клиническая медицина, а въ особенности хирургія, основывались на анатоміи, физіологіи и патологической анатоміи, выдающіеся германскіе кли-

ницисты были крайне малосвѣдущи въ этихъ основныхъ медицинскихъ наукахъ. Особенно поражало отсутствіе анатомическаго базиса у хирурговъ.

Въ Берлинѣ Пироговъ работалъ у профессора Шлемма по анатоміи и оперативной хирургіи на трупахъ, слушалъ клиническія лекціи хирурга Руста, былъ практикантомъ (велъ больныхъ) у Грефе въ хирургической и глазной клиникахъ и занимался оперативной хирургіей у Диффенбаха. Изъ своихъ берлинскихъ профессоровъ Пироговъ особенно сошелся съ Шлеммомъ. Съ перваго же раза еще очень юный слушатель и уже пожилой профессоръ полюбили другъ друга. Шлеммъ видѣлъ въ Пироговѣ иностранца, любившаго его любимыя занятія и притомъ знавшаго многое изъ того отдѣла анатоміи, которымъ самъ Шлеммъ занимался мало. Шлеммъ былъ въ то время первостепеннымъ техникомъ по анатоміи и кромѣ того превосходно оперировалъ на трупахъ.

Клиницистами-хирургами были тогда въ Берлинѣ Грефе, Рустъ, Диффенбахъ и Юнгкенъ. Клиника Руста считалась въ то время молодыми нѣмецкими врачами едва ли не самою образцовою въ Германіи, и дѣйствительно Рустъ былъ въ извѣстномъ смыслѣ наиболѣе реалистъ между врачами тогдашняго времени. Онъ стремился основать свою діагностику исключительно на однихъ объективныхъ признакахъ болѣзни; поэтому онъ требовалъ въ своей клиникѣ отъ практикантовъ прежде разспроса больнаго изслѣдованія самого пацієнта.

«Принципъ превосходный, замѣчаетъ Пироговъ: распросы и разсказы больного, особливо необразованнаго, нерѣдко служатъ вмѣсто раскрытія истины къ ея затемнѣнію. Но медицина, не говоря уже о временахъ Руста, и до сихъ поръ не владѣетъ еще такимъ запасомъ надежныхъ физическихъ или органическихъ, т. е., объективныхъ признаковъ, на который можно было бы положиться, не прибѣгая къ распросамъ больнаго и не полагая ихъ въ основу распознаванія. И вотъ Рустъ въ самонадѣянности, при маломъ запасѣ вѣрныхъ физическихъ признаковъ болѣзней, по неволѣ допускалъ цѣлую кучу мечтательныхъ».

Послѣднее обстоятельство вело, разумѣется, весьма часто къ неправильнымъ діагнозамъ. Чтобы не обнаруживать такихъ діагностическихъ промаховъ, иногда довольно грубыхъ, больныхъ въ дальнѣйшемъ теченіи ихъ болѣзни старались скрывать отъ студентовъ и практикантовъ. Дѣло велось такъ, что вновь поступившаго больнаго присылали въ клиническую аудиторію, здѣсь опредѣляли болѣзнь и назначали леченіе, а потомъ больного уносили,—и о немъ ни слуху, ни духу. Не смотря на всѣ эти недостатки, способъ діагноза à la Рустъ былъ въ то время такъ привлекателенъ своею кажущеюся положительностью и точностью, что принятъ былъ и дру-

гими клиницистами. Самъ Пироговъ признается, что въ первые годы своей клинической дѣятельности въ Дерптѣ держался этого способа и увлекалъ имъ молодежь.

Рустъ самъ въ то время уже не оперировалъ, а предоставилъ въ своей клиникѣ оперативную часть Диффенбаху. Послѣдній пріобрѣлъ себѣ уже тогда славу и имя своими пластическими операціями (возстановляющими надлежащія формы внѣшнихъ органовъ, напр. носа). Въ самомъ дѣлѣ, по словамъ Пирогова, это былъ геній-самородокъ для пластическихъ операцій. Изобрѣтательность Диффенбаха въ этой хирургической спеціальности была безпредѣльна. Каждая изъ его пластическихъ операцій отличалась чѣмъ-нибудь новымъ, импровизованнымъ. На своихъ частныхъ курсахъ оперативной хирургіи Диффенбахъ и знакомилъ своихъ слушателей съ этими, тогда еще совершенно новыми операціями.

Если клинику Руста посѣщали, чтобы слышать оракульское изреченіе врача-оригинала, то въ клинику другого хирурга Грефе шли, чтобы видѣть истиннаго маэстро, виртуоза-оператора. Операціи Грефе удивляли всѣхъ ловкостью, аккуратностью, чистотою и необыкновенною скоростью производства. Ассистенты Грефе знали наизусть всѣ требованія и всѣ хирургическія замашки и привычки своего знаменитаго маэстро: во время операціи все дѣлалось самособой, безъ словъ и разговоровъ. Въ клиникѣ Грефе было въ особенности то хорошо, что практиканты всѣ могли слѣдить за больными и оперированными и сами допускались къ производству операцій, но не иначе, какъ по способу Грефе и инструментами его изобрѣтенія. Такъ, и Пирогову, какъ практиканту, досталось тоже сдѣлать у Грефе три операціи. Грефе остался доволенъ его техникой, «но онъ не зналъ, замѣчаетъ Пироговъ, что всѣ эти операціи я исполнилъ бы вдесятеро лучше, еслибы не дѣлалъ ихъ неуклюжими и несподручными мнѣ инструментами».

Наибольшее вліяніе и значеніе для Пирогова имѣлъ самый выдающійся германскій хирургъ того времени, знаменитый геттингенскій профессоръ, Конрадъ Лангенбекъ. По своему направленію, родственному направленію самого Пирогова, Лангенбекъ естественно долженъ былъ заинтересовать его. Лангенбекъ былъ тогда въ Германіи единственный хирургъ-анатомъ, между тѣмъ, какъ большинство хирурговъ того времени вообще представляли собой лишь хирурговъ-техниковъ. Знанія Лангенбека въ анатоміи были такъ же обширны, какъ и въ хирургіи. Въ то время, не знавшее анэстезіи, быстрое оперированіе имѣло еще болѣе громадное значеніе для больныхъ,

потому что сокращало время боли. Между тѣмъ нѣкоторые хирурги возводили въ принципъ медленное оперированіе, находя, что при этомъ дѣло ведется надежнѣе, и операція можетъ имѣть больше шансовъ на успѣхъ. Лангенбекъ стоялъ принципіально за быстрое производство операцій. Сторонникомъ такого взгляда являлся и Пироговъ: живой темпераментъ и пріобрѣтенная долгимъ упражненіемъ на трупахъ вѣрность руки, дѣлали для него по истинѣ противною эту злую медленность по принципу. Даже и теперь при операціяхъ подъ наркозомъ медленное оперированіе какого-либо хирурга-кунктатора производитъ довольно тяжелое впечатлѣніе. Какое же впечатлѣніе должно было оно производить тогда, когда операціи сопровождались воплями и криками больного? И если Пирогова приводило въ восторгъ необыкновенно скорое, ловкое и гладкое оперированіе Грефе, то на него еще гораздо большее и лучшее впечатлѣніе произвело скорое, научное и оригинальное оперированіе Лангенбека. Лангенбекъ достигалъ этого отчетливымъ знаніемъ анатомическаго положенія частей и основанными на этомъ знаніи, имъ изобрѣтенными оперативными способами. Это обусловливалось еще и природною ловкостью, заключавшеюся въ замѣчательномъ искусствѣ приспособлять при операціи движенія ногъ и всего туловища къ дѣйствію оперирующей руки. На privatissimum Лангенбека Пироговъ первый разъ увидѣлъ такое искусство приспособленія;а это дѣлалось не случайно, не какъ нибудь, но по извѣстнымъ правиламъ, указаннымъ опытомъ.

«Впослѣдствіи—пишетъ Пироговъ—мои собственныя упражненія на трупахъ показали мнѣ практическую важность этихъ пріемовъ». Далѣе Лангенбекъ возводилъ въ принципъ при производствѣ хирургическихъ операцій избѣгать давленія рукою на ножъ и пилу. «Ножъ долженъ быть смычкомъ въ рукѣ настоящаго хирурга», говаривалъ Лангенбекъ. «Лангенбекъ—замѣчаетъ Пироговъ—научилъ меня не держать ножа полною рукой, кулакомъ, не давить на него, а тянуть, какъ смычекъ, по разрѣзываемой ткани. И я строго соблюдалъ это правило во все время моей хирургической практики вездѣ, гдѣ можно было это сдѣлать». Такимъ образомъ въ отношеніи оперативной техники, Пироговъ усвоилъ себѣ принципы Лангенбека. Самая личность Лангенбека, оригинальная и симпатичная, осталась не безъ вліянія на Пирогова, тѣмъ болѣе, что жизнь въ маленькомъ университетскомъ городкѣ допускала большую возможность сближенія между профессорами и слушателями. Впослѣдствіи

въ своихъ «Анналахъ дерптской клиники» Пироговъ съ благодарностью вспоминаетъ о Лангенбекѣ и его privatissimum.

Двухгодичное пребываніе за-границей приближалось къ концу. Незадолго до отъѣзда, будущіе профессора получили отъ министерства Уварова запросъ, въ какомъ университетѣ желалъ бы каждый изъ нихъ занять каѳедру. Пироговъ отвѣчалъ конечно, не задумываясь,—въ Москвѣ, на родинѣ. Увѣренный въ этомъ, онъ извѣстилъ потомъ свою старушку-мать, чтобы она загодя распорядилась квартирой и т. д.

Съ мечтами на эту тему выѣхалъ Пироговъ въ маѣ 1835 года изъ Берлина. Въ дорогѣ онъ неожиданно расхворался и совершенно больной, безъ копейки денегъ, пріѣхалъ въ Ригу. Ѣхать дальше представлялось немыслимымъ, и Пироговъ написалъ о своемъ положеніи жившему въ Ригѣ попечителю дерптскаго университета, бывшему одновременно остзейскимъ генералъ-губернаторомъ. «Не помню,—говоритъ онъ,—что, но, судя по результату, я, должно быть, въ этомъ письмѣ навалялъ что-нибудь очень забористое». Не прошло и часу времени, какъ къ Пирогову прилетѣлъ отъ генералъ-губернатора медицинскій инспекторъ, докторъ Леви, съ приказаніемъ тотчасъ принять всѣ мѣры къ облегченію участи проѣзжаго. Леви отнесся съ живѣйшимъ участіемъ къ больному и былъ, по выраженію самого Пирогова, его «геніемъ-хранителемъ во все время пребыванія въ Ригѣ».

Пирогова со всѣми возможными удобствами помѣстили въ большомъ загородномъ военномъ госпиталѣ, гдѣ онъ пролежалъ около двухъ мѣсяцевъ. Когда молодой ученый уже поправился, его посѣтилъ генералъ-губернаторъ и сообщилъ, что онъ сносился уже объ немъ съ министромъ, и что ему нѣтъ нужды торопиться отъѣздомъ. Успокоенный попечителемъ, Пироговъ остальное время своего пребыванія въ Ригѣ посвятилъ хирургической практикѣ, представившейся ему какъ въ городѣ, такъ и въ самомъ госпиталѣ, гдѣ не оказалось оператора. Послѣ цѣлаго ряда блестящихъ операцій, Пироговъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ покинулъ Ригу, чтобы ѣхать въ Петербургъ представиться министру до занятія каѳедры въ Москвѣ.

По пути онъ рѣшилъ завернуть на нѣсколько дней въ Дерптъ и повидаться съ семействомъ Мойера и другими знакомыми. Здѣсь его ожидало извѣстіе, поразившее какъ громъ, извѣстіе о назначеніи на московскую каѳедру не его, а Иноземцева.

«Первая новость, услышанная мною въ Дерптѣ, пишетъ Пироговъ, была та, что я покуда остался за штатомъ и прогулялъ мое мѣсто въ Москвѣ. Я узналъ, что попечитель московскаго университета Строгоновъ настоялъ

у министра объ опредѣленіи на каѳедру хирургіи въ Москвѣ Иноземцева. Первое впечатлѣніе отъ этой новости было, сколько помню, очень тяжелое недаромъ-же у меня никогда не лежало сердце къ моему товарищу по наукѣ... Это онъ былъ назначенъ разрушить мои мечты и лишить меня, мою бѣдную мать и бѣдныхъ сестеръ перваго счастія въ жизни! Сколько счастья доставляло и имъ, и мнѣ думать о томъ днѣ, когда наконецъ я явлюсь, чтобы жить вмѣстѣ и отблагодарить ихъ за всѣ ихъ попеченія обо мнѣ въ тяжкое время спротства и нищенства! И вдругъ всѣ надежды, всѣ счастливыя мечты, все пошло прахомъ!»

Съ такими тяжелыми мыслями и грустнымъ чувствомъ, въ полномъ невѣдѣніи своей дальнѣйшей судьбы Пироговъ порѣшилъ пока остаться въ Дерптѣ. «Теперь, пишетъ онъ, спѣшить было некуда. Одно дѣйствіе на сценѣ жизни кончилось, занавѣсъ опустился. Отдохнемъ отъ испытанныхъ волненій и подождемъ другого».

IV.

Предложеніе Мойера.—Поѣздка въ Петербургъ и петербургскія впечатлѣнія.—Выборъ въ экстраординарные профессора дерптскаго университета.—Пироговъ-профессоръ и клиницистъ.—«Анналы хирургической клиники».—Отношенія къ студентамъ.—Поѣздка въ Парижъ.—«Чингисхановы нашествія» на Ригу и Ревель.—Ученые труды дерптскаго періода.

Недолго однако пришлось Пирогову ждать слѣдующаго дѣйствія, одного изъ самыхъ блестящихъ въ его жизни.

Ко времени возвращенія Пирогова въ Дерптъ тамошняя хирургическая клиника была въ печальномъ состояніи. Избранный ректоромъ, Мойеръ за массой дѣлъ не велъ совсѣмъ клиники и не читалъ никакихъ лекцій. Клиника была предоставлена ассистенту А. Струве, позднѣе профессору харьковскаго университета.

Пироговъ сталъ усердно посѣщать клинику. Какъ разъ въ клиникѣ скопилось нѣсколько весьма интересныхъ и трудныхъ оперативныхъ случаевъ. Мойеръ поручилъ молодому хирургу распорядиться съ этими больными по своему усмотрѣнію. Между ними былъ мальчикъ съ каменной болѣзнью, которому нужно было сдѣлать операцію удаленія камня (литотомію). Одинъ изъ бывшихъ въ Берлинѣ одновременно съ Пироговымъ студентъ разсказалъ въ Дерптѣ о необыкновенной скорости, съ какою молодой хирургъ дѣлаетъ литотомію на трупѣ.

«Вслѣдствіе этого, пишетъ Пироговъ, набралось много зрителей смотрѣть, какъ и какъ скоро сдѣлаю я литотомію у живаго. А я, подражая знаменитому Грефе, поручилъ ассистенту держать наготовѣ каждый инструментъ между пальцами по порядку. Зрители также приготовились и многіе вынули часы. Разъ, два, три—не прошло и двухъ минутъ, какъ камень былъ

извлеченъ. Всѣ, не исключая и Мойера, смотрѣвшаго также на мой подвигъ, были видимо изумлены.—*Въ двѣ минуты, даже менѣе двухъ минутъ, это удивительно*, слышалось со всѣхъ сторонъ».

За этою операціей послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ очень трудныхъ, блестяще произведенныхъ Пироговымъ. Хирургическая клиника ожила, въ ней закипѣла жизнь.

Скоро послѣ этого, въ одинъ прекрасный день Мойеръ пригласилъ къ себѣ Пирогова и, какъ нѣкогда Мухинъ удивилъ его предложеніемъ ѣхать въ Дерптъ, такъ и Мойеръ еще больше поразилъ его, предложивъ ему ни болѣе, ни менѣе, какъ занять каѳедру хирургіи въ дерптскомъ университетѣ. Пироговъ, мечты котораго о профессорствѣ и жизни въ Москвѣ вмѣстѣ съ матерью и сестрами были разбиты, съ радостью принялъ столь лестное для него предложеніе. Медицинскій факультетъ, которому Мойеръ предложилъ Пирогова, какъ своего преемника, единогласно выбралъ его въ профессора. Дѣло перешло въ Совѣтъ университета, а Пироговъ отправился въ Петербургъ, чтобы представиться министру и ожидать окончательнаго рѣшенія.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, сдѣлавъ оффиціальные визиты, молодой профессоръ сталъ посѣщать городскія больницы и госпитали, преимущественно Обуховскую больницу и Маріи Магдалины. Больничные врачи въ Петербургѣ, какъ и въ Ригѣ, при первомъ же знакомствѣ съ Пироговымъ, выразили желаніе выслушать у него курсъ хирургической анатоміи, науки, даже названіе которой было неизвѣстно многимъ врачамъ. Лекціи эти продолжались недѣль шесть, слушателей было свыше 20, въ томъ числѣ лейбъ-медикъ П. Ф. Арендтъ и профессоръ Медико-хирургической академіи Саломонъ. Обстановка лекцій была самая жалкая. Аудиторіей служила покойницкая Обуховской больницы, небольшая, довольно грязная комната, освѣщенная нѣсколькими сальными свѣчами. Днемъ лекторъ приготовлялъ препараты, обыкновенно на нѣсколькихъ трупахъ; на самой лекціи онъ демонстрировалъ на своихъ препаратахъ положеніе частей какой либо области и тутъ же дѣлалъ на другомъ трупѣ всѣ операціи, дѣлаемыя въ этой области, съ соблюденіемъ требуемыхъ хирургическою анатоміей правилъ. Этотъ наглядный способъ въ особенности заинтересовалъ слушателей; онъ для всѣхъ нихъ былъ новъ, хотя почти всѣ слушали курсы и въ заграничныхъ университетахъ. Лекціи эти въ виду состава своихъ слушателей Пироговъ читалъ по нѣмецки.

Пироговъ перезнакомился съ массой петербургскихъ врачей и съ профессорами Медико-Хирургической Академіи. Не мало опе-

рацій произвелъ онъ въ это первое свое пребываніе въ Петербургѣ въ Обуховской и больницѣ Маріи Магдалины. Вотъ какъ разсказываетъ онъ о своемъ времяпрепровожденіи въ Петербургѣ:

«Цѣлое утро въ госпиталяхъ — операціи и перевязки оперированныхъ, потомъ въ покойницкой Обуховской больницы — приготовленіе препаратовъ для вечернихъ лекцій. Лишь только темнѣло (въ Петербургѣ зимой между 3—4 часами), бѣгу въ трактиръ на углу Сѣнной и ѣмъ пироги съ подливкой. Вечеромъ, въ семь, опять въ покойницкую и тамъ до 9-ти; оттуда позовутъ куда-нибудь на чай, и тамъ до 12-ти. Такъ изо дня въ день. Не смотря на усиленную дѣятельность съ ранняго утра до поздней ночи, меня не тяготила эта жизнь: мнѣ жилось привольно въ своемъ элементѣ».

Между тѣмъ въ Совѣтѣ университета выборы Пирогова на кафедру хирургіи затянулись. Въ особенности возстали противъ него представители теологическаго факультета. Дерптскіе богословы открыли какой-то законъ перваго основателя дерптскаго университета, Густава-Адольфа шведскаго, въ силу котораго одни только протестанты могли быть профессорами университета.

«Существовалъ ли такой законъ, замѣчаетъ Пироговъ, или нѣтъ, Богъ его знаетъ, но при Николаѣ Павловичѣ на него нельзя было ссылаться. Это понимали вѣроятно не хуже другихъ и дерптскіе богословы».

Во всякомъ случаѣ въ Совѣтѣ поднялись безконечные споры.

Пироговъ терялъ терпѣніе, выходилъ изъ себя и бомбардировалъ Мойера письмами, объявивъ ему наконецъ, что рѣшается принять каѳедру въ Харьковѣ, предложенную ему чрезъ Арендта попечителемъ гр. Головкинымъ.

Наконецъ въ мартѣ 1836 года онъ получилъ извѣстіе о своемъ избраніи въ экстраординарные профессора.

«Матушку и сестеръ, пишетъ Пироговъ, я не рѣшался перевезти изъ Москвы въ Дерптъ. Такой переходъ, мнѣ казалось, былъ бы для нихъ впослѣдствіи непріятенъ. И языкъ, и нравы, и вся обстановка были слишкомъ отличны, а мать и сестры слишкомъ стары, а главное слишкомъ москвички, чтобы привыкнуть и освоиться».

Итакъ «мигъ вожделѣнный насталъ» — Пироговъ получилъ каѳедру.

«Вотъ я наконецъ, восклицаетъ Н. И., профессоръ хирургіи и теоретической, и оперативной, и клинической. Одинъ, нѣтъ другого. Это значило, что я одинъ долженъ былъ: 1) держать клинику и поликлинику, по малой мѣрѣ, $2^1/_2$ — 3 часа въ день; 2) читать полный курсъ теоретической хирургіи 1 часъ въ день; 3) оперативную хирургію и упражненія на трупахъ 1 часъ въ день; 4) офтальмологію и глазную клинику 1 часъ въ день; итого 6 часовъ въ день. Но шести часовъ почти никогда не хватало; клиника и поликлиника брали гораздо больше времени, и приходилось 8 часовъ въ день. Положивъ столько-же часовъ на отдыхъ, оставалось еще отъ сутокъ 8 часовъ, и вотъ они то, всѣ эти 8 часовъ, и употреблялись на приготовленіе къ лекціямъ, на эксперименты надъ животными, на анатомиче-

скія изслѣдованія для задуманной мною монографіи и наконецъ на небольшую хирургическую практику въ городѣ».

Какъ же справлялся со всею массой работы 26-лѣтній ученый? Какимъ профессоромъ былъ Пироговъ? Какимъ клиническимъ учителемъ? «Пусть учится только тотъ, кто хочетъ учиться,—это его дѣло. Но кто хочетъ у меня учиться, тотъ долженъ чему-нибудь научиться—это мое дѣло, такъ долженъ думать каждый совѣстливый преподаватель». Вотъ девизъ, съ которымъ взошелъ на профессорскую каѳедру Пироговъ.

Занимаясь спеціально своимъ предметомъ цѣлыхъ 8 лѣтъ до своей профессуры, Пироговъ могъ смѣло сказать, что «зналъ его нехуже другихъ». Не считая себя принадлежащимъ къ безталантнымъ доцентамъ, не будучи также трусомъ, молодой профессоръ, не приготовившись, не изложивъ мысли на бумагу, не наведя справокъ и не записавъ ихъ точно, никогда не рѣшался въ первые годы выступить на кафедру. Составленныя имъ записки занимали 300 листовъ мелкаго письма.

Стараясь дать своимъ слушателямъ возможно полныя теоретическія свѣдѣнія по всякому вопросу, Пироговъ вмѣстѣ съ тѣмъ поставилъ себѣ задачей дѣлать свои лекціи какъ можно болѣе наглядными. Такъ на своихъ лекціяхъ Пироговъ производилъ вивисекціи, опыты надъ животными. Онъ воспроизводилъ напр. на кошкахъ и собакахъ проникающія раны грудной полости, чтобы обратить вниманіе слушателей на особенный свистъ, обусловленный выхожденіемъ воздуха при подобнаго рода раненіи груди; или же онъ воспропзводилъ проникающія раны брюшной полости и кишекъ, чтобы демонстрировать на живомъ организмѣ наложеніе разнаго рода швовъ. Такое демонстративное наглядное преподаваніе хирургіи, котораго никогда не видѣли въ Дерптѣ ни до, ни даже послѣ Пирогова, да и вообще врядъ ли гдѣ и въ другомъ университетѣ, способно было въ высшей степени привлечь слушателей и помочь имъ уяснить и усвоить себѣ слышанное изъ устъ профессора.

Въ основаніе своихъ клиническихъ занятій со студентами Пироговъ положилъ способъ, принятый Рустомъ, но конечно не утрируя его и не шарлатаня, какъ это зачастую дѣлалъ Рустъ. Методъ Руста, о которомъ мы уже говорили въ свое время, былъ тогда еще новъ. Кромѣ того Пироговъ требовалъ отъ студентовъ, чтобы они при изслѣдованіи больного и при клиническомъ разборѣ случая, отдавали себѣ строгій отчетъ во всемъ томъ, что отвѣчаютъ профессору, не могли бы отдѣлываться какимъ либо общимъ

мѣстомъ; а или говорили бы дѣло, или же сознавались въ своемъ незнаніи. Ведя такимъ образомъ свои клиническія занятія, Пироговъ училъ студентовъ *систематически мыслить у постели больнаго*. Между тѣмъ лишь немногіе клиницисты заботятся о развитіи этой существенно важной для будущей профессіональной дѣятельности способности въ своихъ слушателяхъ, а очень многіе изъ клиническихъ наставниковъ, къ сожалѣнію, не дѣлаютъ этого по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ, именно—за отсутствіемъ у нихъ самихъ этой способности.

Выдающеюся чертою, дѣлающею величайшую честь Пирогову, какъ клиническому наставнику, представляется его научная добросовѣстность по отношенію къ своимъ ученикамъ, его откровенное признаніе предъ аудиторіей своихъ ошибокъ. Въ бытность свою заграницей онъ «достаточно убѣдился, что научная истина далеко не есть главная цѣль знаменитыхъ клиницистовъ и хирурговъ». Пироговъ видѣлъ тамъ, что въ знаменитыхъ клиникахъ нерѣдко принимались мѣры не для открытія, а для затемнѣнія научной истины. «Вездѣ, говоритъ онъ, было замѣтно стараніе показать товаръ лицомъ, и это бы еще ничего, но съ тѣмъ вмѣстѣ товаръ худой и недоброкачественный продавался за хорошій и кому?—Молодежи, неопытной, незнакомой съ дѣломъ, но инстинктивно ищущей научной правды».

Это недостойное и несимпатичное стремленіе шло совершенно въ разрѣзъ со взглядами нашего ученаго на обязанности клиническаго наставника. «Для учителя такой прикладной науки, какъ медицина, писалъ онъ, необходима, кромѣ научныхъ знаній и опытности, еще добросовѣстность, пріобрѣтаемая только труднымъ искусствомъ самосознанія, самообладанія и знанія человѣческой натуры». И вотъ, чтобы приблизиться, сколько можно, къ тому идеалу, который Пироговъ составилъ себѣ объ обязанностяхъ профессора хирургіи, онъ положилъ себѣ за правило при первомъ своемъ вступленіи на каѳедру ничего не скрывать отъ своихъ учениковъ, откровенно сознаваться предъ своими слушателями въ своихъ ошибкахъ и во всѣхъ промахахъ у постели больнаго.

Осуществленіемъ такого рѣшенія на дѣлѣ явилось изданіе Пироговымъ «Анналовъ (лѣтописей) хирургической клиники» за первые два года его профессорства, составленныхъ имъ въ этомъ духѣ. Анналы эти представляютъ собраніе клиническихъ лекцій Пирогова и описаніе случаевъ, наблюдавшихся въ клиникѣ. Обыкновенно подобные клиническіе отчеты носили и носятъ совершенно

92
П-33

иной характеръ. Выбираются наиболѣе блестящіе клиническіе случаи въ смыслѣ діагноза или леченія, и о нихъ-то главнымъ образомъ и повѣствуется ad maiorem gloriam автора отчета; о неудачныхъ же въ лучшемъ случаѣ упоминается либо вскользь, либо за волосы притягиваются всѣ возможныя и невозможныя извиняющія и смягчающія вину обстоятельства. Въ «Анналахъ» Пирогова мы видимъ діаметрально-противоположное направленіе. Взявъ эпиграфомъ слова Ж. Ж. Руссо изъ его «Исповѣди»: «Que la trompette du jugement dernier sonne quand elle voudra; je viendrai ce livre à la main me présenter devant le souverain juge. Je dirai hautement: Voila ce que j'ai fait, ce que j'ai pensé, ce que je fus», Пироговъ въ своей клинической исповѣди также не щадилъ себя и откровенно сознавался въ своихъ ошибкахъ какъ при діагнозѣ, такъ и въ леченіи, подробно останавливаясь на такихъ случаяхъ. Въ предисловіи своемъ молодой профессоръ заявилъ, что пишетъ книгу эту не для того, чтобы служить молодымъ врачамъ примѣромъ дѣйствій при постели больного, а для того, чтобы не служить.

Какое отрадное впечатлѣніе своею научной добросовѣстностью произвели анналы Пирогова, можно судить по слѣдующему факту. Когда печатались анналы, неожиданно ночью является къ Пирогову цензоръ, профессоръ минералогіи Энгельгардтъ, вынимаетъ изъ кармана одинъ листъ анналовъ, читаетъ вслухъ взволнованнымъ голосомъ и со слезами на глазахъ откровенное признаніе автора въ грубѣйшей ошибкѣ діагноза и сопровождающій это признаніе упрекъ собственному тщеславію и самомнѣнію. Прочитавъ, старичекъ-профессоръ принялся обнимать Пирогова и сказалъ, совершенно растроганный: *Ich respectiere Sie* (я уважаю Васъ). «Этой сцены, говоритъ Пироговъ, я никогда не забуду; она была слишкомъ отрадна для меня.... За это задушевное respectiere старика я готовъ былъ перенести не одну, а тысячу критикъ».

Пироговъ, раскрывая самъ свои ошибки и критикуя себя безпощадно, не предполагалъ, что найдутся охотники воспользоваться его положеніемъ и въ критическомъ разборѣ снова выставить на видъ признанные имъ самимъ грѣхи его. Критикъ однако нашелся, и «началъ валять» Пирогова. «Дѣло было, говоритъ онъ, конечно не трудное. Я самъ облегчилъ ему этотъ трудъ, потому что, печатая свои ошибки, валялъ себя безъ милосердія». Критикъ, такъ отвалявшій Пирогова, былъ его петербургскій знакомый, д-ръ Задлеръ, написавшій огромную критическую статью.

Инв. 7732

Съ этою статьей въ рукахъ, Пироговъ явился въ свою аудиторію и доказалъ, что въ ней еще многія изъ его ошибокъ не были выставлены. «Я выигралъ въ глазахъ моихъ слушателей, говоритъ онъ, и, благодаря этой критикѣ, они мнѣ начали вѣрить вдвое болѣе прежняго».

Такимъ образомъ, если анналы не должны были, по заявленію ихъ автора, служить молодымъ врачамъ примѣромъ дѣйствій при постели больного, то съ другой стороны научная добросовѣстность, которою дышала эта клиническая исповѣдь, должна была служить молодымъ и даже старымъ профессорамъ образцомъ подражанія.

Вполнѣ естественно, что молодой профессоръ, вложившій всю душу въ свой предметъ, съ увлеченіемъ преподававшій любимую науку, работавшій неутомимо для студентовъ и для себя, быстро завоевалъ себѣ симпатіи молодежи. А Пирогову пришлось дѣйствительно завоевывать эти симпатіи. Избранный не безъ давленія высшей административной власти, новый профессоръ былъ встрѣченъ студентами, горячо стоявшими за права университета, съ сильнымъ предубѣжденіемъ и неудовольствіемъ. Сближеніе между профессоромъ и аудиторіей произошло однако такъ быстро и стоило такъ мало труда Пирогову, что онъ могъ бы съ полнымъ правомъ сказать о себѣ Цезарево: «пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ». Со свойственною молодежи инстинктивной чуткостью студенты съ первой же лекціи оцѣнили въ Пироговѣ знающаго наставника.

Вотъ какъ описываетъ эту первую лекцію Пирогова одинъ изъ его учениковъ:

«Въ первыхъ числахъ апрѣля мѣсяца 1836 года была первая лекція Пирогова въ анатомическомъ театрѣ. Предметомъ ея было ученіе о суставахъ, онъ показывалъ при этомъ свои препараты, дѣланные имъ самимъ, еще бывши студентомъ. Мы (студенты старшихъ семестровъ) пошли всѣ, но не очень охотно, хотя всѣ были убѣждены, что надо учиться. Н. И. говорилъ тогда очень худо по-нѣмецки, такъ что образованіе фразъ у него выходило иногда очень смѣшно, почему мы иногда очень громко хохотали. Пироговъ немного конфузился, краснѣлъ, но серьезно продолжалъ свою лекцію. По окончаніи лекціи онъ обратился къ намъ съ слѣдующими словами: Господа, вы слышите, что я худо говорю по-нѣмецки, по этой причинѣ я, разумѣется, не могу быть такъ яснымъ, какъ-бы того желалъ, почему прошу васъ, господа, говорить мнѣ каждый разъ послѣ лекціи, въ чемъ я не былъ достаточно вами понятъ, и я готовъ повторять и объяснять любые препараты» (Фробенъ).

Студенты изъ этой первой лекціи Пирогова вынесли то впечатлѣніе, что молодой профессоръ, хотя иногда и выражается плохо, но предметъ свой знаетъ отлично, и что «наконецъ-то они узнаютъ что-нибудь изъ хирургіи». На второй лекціи студенты

уже мало смѣялись, а на третьей и вовсе нѣтъ. Разумная же и интересная постановка клиническихъ занятій совершенно примирила студентовъ съ новымъ профессоромъ.

«Правду сказать, удивительно было, да и рѣдко вообще можетъ случиться, чтобы человѣкъ, встрѣченный съ негодованіемъ, втеченіи нѣсколькихъ недѣль сдѣлался многоуважаемымъ, любимымъ массою молодыхъ людей. Только такому даровитому человѣку, какимъ былъ Пироговъ, и возможно было этого достигнуть такъ скоро» (Фробенъ).

Вскорѣ студенты совершенно забыли о возстаніи деритскихъ богослововъ противъ выбора Пирогова; онъ сдѣлался любимымъ профессоромъ. Не только медики, но и студенты другихъ факультетовъ приходили въ хирургическую клинику и анатомическій институтъ слушать интересныя лекціи молодого профессора; при этомъ не играло никакой роли то, что Пироговъ не владѣлъ еще въ совершенствѣ нѣмецкимъ языкомъ. Позднѣе, иллюстрируя въ одной изъ своихъ статей по университетскому вопросу международный характеръ науки, Пироговъ не безъ гордости упоминаетъ объ этомъ: «Моя милость читала также лекціи цѣлыхъ пять лѣтъ на ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ; нѣмецкіе слушатели, слушали меня такъ же охотно, какъ и русскіе, а нѣмцы чувствительнѣе нашего къ грамматическимъ промахамъ и ошибкамъ въ произношеніи».

Взаимныя отношенія новаго профессора и его ближайшихъ слушателей становились все дружественнѣе и дружественнѣе, почти совершенно товарищескими. Послѣ вечернихъ обходовъ клиники Пироговъ со слушателями очень часто заходилъ въ квартиру ассистента, и здѣсь велась совершенно непринужденная бесѣда часовъ до 11 — 12. Каждую субботу вечеромъ человѣкъ 10—15 собирались у Пирогова къ чаю. Разговоры были всегда очень оживленные, научные и ненаучные, веселые и остроумные.

Пироговъ, какъ мы видимъ, не считалъ нужнымъ вводить въ свои отношенія къ студентамъ «генеральскій» элементъ. Онъ видѣлъ въ нихъ младшихъ товарищей, ищущихъ знанія у старшаго, свѣдущаго и опытнаго товарища. Онъ не окружалъ себя ореоломъ непогрѣшимости, не пытался развивать въ своихъ ученикахъ слѣпой вѣры въ авторитетъ, а старался будить въ нихъ критическій духъ, поощрять стремленіе къ самостоятельному взгляду на факты. Это и должны были найти слушатели Пирогова въ клинической исповѣди своего наставника, въ анналахъ его клиники. Университетъ также по достоинству оцѣнилъ Пирогова-профессора и на другой же годъ (1837) избралъ его въ ординарные профессоры, а потомъ (въ 1838 г.) отправилъ съ ученой

цѣлью за границу, въ Парижъ, выдавъ ему пособіе изъ университетскихъ суммъ.

Пирогова конечно сильно интересовали медицинскій Парижъ и тамошніе корифеи хирургіи. Онъ поѣхалъ въ Парижъ прямо изъ Дерпта и, нигдѣ не отдыхая, пробылъ въ пути 13 дней. Не смотря на 13 ночей, проведенныхъ въ экипажѣ, неутомимый ученый сейчасъ же по пріѣздѣ отправился осматривать госпитали. Парижъ въ хирургическомъ отношеніи не произвелъ на Пирогова особенно благопріятнаго впечатлѣнія. Всего болѣе поразила его значительная смертность въ госпиталяхъ. Самые госпитали, по выраженію Пирогова, смотрѣли угрюмо. Представителями хирургіи въ Парижѣ были тогда такія знаменитости, какъ Вельпо, Ру, Лисфранкъ, Амюсса. Изъ всѣхъ парижскихъ хирурговъ самое пріятное впечатлѣніе на него произвелъ Вельпо.

«Можетъ быть, разсуждаетъ онъ, Вельпо нравился мнѣ и потому, что на первыхъ же порахъ сильно пощекоталъ мое авторское самолюбіе. Когда я пришелъ къ нему въ первый разъ, то засталъ его читающимъ два первые выпуска моей «Хирургической анатоміи артерій и фасцій». Когда я ему рекомендовался глухо: Je suis un medécin russe (я русскій врачъ), то онъ тотчасъ же спросилъ меня, не знакомъ ли я съ professeur de Dorpat, M. Pirogoff, и когда я ему объявилъ, что я самъ и есть Пироговъ, то Вельпо принялся расхваливать мое направленіе въ хирургіи, мои изслѣдованія фасцій, рисунки и т. д.»

Пироговъ записался на различные частные курсы и лекціи, но вскорѣ разочаровался въ нихъ. Всѣ privatissima, взятыя имъ у парижскихъ спеціалистовъ, по его выраженію, не стоили выѣденнаго яйца, и онъ напрасно только потерялъ свои луидоры.

Занятія Пирогова въ Парижѣ состояли единственно въ посѣщеніи госпиталей, анатомическаго театра и бойни для вивисекцій надъ больными животными (лошадьми). Это было единственное privatissimum Амюсса съ демонстраціями на живыхъ животныхъ. Самъ Амюсса впрочемъ рѣдко являлся на живодерню. Чтобы воспользоваться рѣдкимъ случаемъ вивисекцій на больныхъ животныхъ, Пироговъ сошелся съ нѣсколькими американскими врачами съ цѣлью производить вивисекціи въ живодернѣ на общій счетъ.

Кромѣ этой научной поѣздки въ Парижъ, Пироговъ во время своего профессорства въ Дерптѣ каждые каникулы предпринималъ хирургическія экскурсіи въ Ригу, Ревель, а также и въ другіе города Балтійскаго края. Одинъ изъ его пріятелей называлъ эти экскурсіи по множеству проливавшейся въ нихъ крови *Чингисхановыми нашествіями*. Мысль объ этихъ хирургическихъ набѣгахъ возникла у Пирогова въ 1837 году, когда слава о немъ стала

распространяться по Лифляндіи и сосѣднимъ губерніямъ, и въ клинику не только стали являться больные изъ ближняго сосѣдства, а начали поступать просьбы о принятіи больныхъ въ хирургическую клинику изъ разныхъ городовъ. Маленькая дерптская клиника (22 кровати) не могла, разумѣется, удовлетворить предъявляемымъ требованіямъ. Въ виду такого увеличивающагося спроса на хирургическую помощь Пироговъ и сталъ производить свои «Чингисхановы нашествія», беря съ собою нѣсколькихъ ассистентовъ. По иниціативѣ мѣстныхъ врачей въ маленькихъ городахъ пасторы сосѣднихъ деревень объявляли въ церквахъ всенародно о прибытіи дерптскаго хирурга. Къ нему стекались всѣ слѣпые, хромые, страдающіе паростами, однимъ словомъ, разнообразнѣйшіе хирургическіе больные. Пироговъ и его ассистенты оказывали каждому всѣ возможныя оперативныя пособія.

Пироговъ занималъ профессуру въ Дерптѣ втеченіи пяти лѣтъ, съ 1836 по 1841 годъ. За этотъ періодъ Пироговъ издалъ 2 тома клиническихъ анналовъ (1837—1839), свою «Хирургическую анатомію артеріальныхъ стволовъ и фасцій», сразу завоевавшую ему имя въ наукѣ, и монографію о перерѣзкѣ ахиллесова сухожилія. Клиническіе анналы, о характерѣ и цѣли которыхъ мы уже говорили выше, свидѣтельствуютъ живо о томъ, какъ содержательны, остроумны и блестящи были лекціи Пирогова.

Хирургическая анатомія артеріальныхъ стволовъ и фасцій представляетъ собой атласъ рисунковъ, литографированныхъ съ препаратовъ, спеціально сдѣланныхъ Пироговымъ, съ латинскимъ и нѣмецкимъ текстомъ. Позднѣе были выпущены русскія изданія этого классическаго труда, частью самимъ Пироговымъ, частью другими хирургами (изданія Шимановскаго, Коломнина).

Наконецъ монографія его о перерѣзкѣ ахиллесова сухожилія имѣетъ своимъ предметомъ процессъ заживленія перерѣзаннаго сухожилія. Монографія эта представляетъ собой образецъ того, какъ Пироговъ ставилъ работы по экспериментальной хирургіи, и доказываетъ, какіе прекрасные результаты, какіе важные и поучительные выводы могутъ давать такія работы. Пироговъ посвятилъ также много времени и труда экспериментальному рѣшенію вопроса относительно радикальнаго излеченія грыжъ. Результаты этихъ опытовъ изложены имъ въ его клиническихъ анналахъ на страницахъ, посвященныхъ леченію грыжъ. Вообще при рѣшеніи многихъ вопросовъ клиники Пироговъ обращался къ вивисекціи. Онъ требовалъ всегда такую массу животныхъ, что въ самомъ Дерптѣ не

хватало уже кошекъ, собакъ и кроликовъ, и его ассистенты часто принуждены были объѣзжать сосѣднія деревни для покупки этихъ животныхъ.

Желая распространить въ публикѣ болѣе здравые взгляды на хирургію, поднять довѣріе къ ней и поколебать страхъ публики предъ ножомъ хирурга, молодой профессоръ скоро послѣ своего появленія въ Дерптѣ прочелъ въ университетѣ публичную лекцію «О предубѣжденіи публики противъ хирургіи».

Когда Пироговъ покидалъ дерптскій университетъ, слушатели его при прощаніи съ нимъ выразили единодушное желаніе поставить его портретъ въ операціонной залѣ. Довольно удачный портретъ, писанный масляными красками русскимъ художникомъ Хрипковымъ, жившимъ тогда въ Дерптѣ, украшаетъ и понынѣ операціонный залъ, по крайней мѣрѣ находился тамъ до половины 80-хъ годовъ.

V.

Хлопоты о переводѣ въ Петербургъ.—Проэктъ учрежденія каѳедры госпитальной хирургіи.—Переводъ въ с.-петербургскую медико-хирургическую академію.—Буцефалова глупость.—Медицинская коммиссія при министерствѣ народнаго просвѣщенія.—Устройство анатомическаго института.—Музей патологической анатоміи.—Изслѣдованія объ анэстезированіи.—Командировка на Кавказъ.—Первая аудіенція у В. К. Елены Павловны.—Холера въ Петербургѣ.—Ученые труды петербургскаго періода.

Монотонная жизнь маленькаго провинціальнаго городка и скромное положеніе профессора маленькой клиники провинціальнаго университета не могли, разумѣется, удовлетворить той жаждѣ кипучей и широкой дѣятельности, которую долженъ былъ испытывать Пироговъ. Будучи первымъ въ деревнѣ, пользовавшійся тогда уже европейской извѣстностью, онъ имѣлъ всѣ права и данныя на то, чтобы сдѣлаться первымъ въ Ригѣ. Въ скоромъ времени ему представилась возможность къ этому, благодаря преобразованію с.-петербургской медико-хирургической академіи.

Медико-хирургическая академія, находившаяся до 1838 года въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ, перешла въ декабрѣ 1838 года въ управленіе военнаго министерства и поступила въ ближайшее распоряженіе графа П. А. Клейнмихеля. Президентомъ (начальникомъ) ея былъ назначенъ И. В. Шлегель, бывшій глав-

нымъ докторомъ военнаго госпиталя въ Ригѣ; занимавшій же мѣсто вице-призидента академіи профессоръ хирургіи Бушъ вышелъ въ отставку. Такимъ образомъ въ академіи оказалась вакантною каѳедра хирургіи. На эту то каѳедру и стали приглашать Пирогова. Но проф. Бушъ, занимая каѳедру хирургіи, не завѣдовалъ клиникой, хирургическая же клиника находилась въ завѣдованіи проф. Саломона. Пироговъ, считая хирургическую профессуру безъ клиники за nonsens, не соглашался занять эту каѳедру, но вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ такую комбинацію, съ помощью которой онъ могъ бы имѣть отвѣчающую его желаніямъ каѳедру въ академіи.

Новая комбинація Пирогова была ни болѣе, ни менѣе, какъ учрежденіе въ академіи новой каѳедры госпитальной хирургіи. Проектъ объ учрежденіи этой каѳедры былъ представленъ Пироговымъ самому Клейнмихелю.

«Молодые врачи, говоритъ онъ въ своемъ проэктѣ, выходящіе изъ нашихъ учебныхъ учрежденій, почти совсѣмъ не имѣютъ практическаго медицинскаго образованія, такъ какъ наши клиники обязаны давать имъ только главныя основныя понятія о распознаваніи, ходѣ и леченіи болѣзней. Поэтому наши молодые врачи, вступая на службу и дѣлаясь самостоятельными при постели больныхъ, въ больницахъ, военныхъ лазаретахъ и частной практикѣ приходятъ въ весьма затруднительное положеніе, не приносятъ ожидаемой отъ нихъ пользы и не достигаютъ цѣли своего назначенія».

Имѣя въ виду устранить этотъ важный пробѣлъ въ нашихъ учебныхъ медицинскихъ учрежденіяхъ, Пироговъ и предложилъ сверхъ обыкновенныхъ клиникъ учредить еще и госпитальныя.

Въ петербургской медико-хирургической академіи Пироговъ видѣлъ возможность тотчасъ же приступить къ этому нововведенію, такъ какъ при академіи почти въ одной и той же мѣстности помѣщался 2-й военно-сухопутный госпиталь, и оба учрежденія, академія и названный госпиталь, принадлежали одному и тому же вѣдомству. Далѣе, по его проекту въ госпиталѣ предполагалось устроить двѣ обширныя клиники, терапевтическую и хирургическую съ аудиторіями по этимъ каоедрамъ и кабинетами. Для устраненія однообразія военно-клиническаго матеріала, предположено было въ хирургическомъ отдѣленіи учредить гражданское отдѣленіе на 75 больныхъ, содержимыхъ на счетъ военнаго вѣдомства и принимаемыхъ по выбору профессора.

Проектъ этотъ былъ принятъ Клейнмихелемъ, а въ началѣ 1841 года Пироговъ былъ переведенъ въ с.-петербургскую медико-хирургическую академію профессоромъ госпитальной хирургіи и прикладной анатоміи и назначенъ завѣдовать всѣмъ хирургиче-

скимъ отдѣленіемъ 2-го военно-сухопутнаго госпиталя съ званіемъ главнаго врача хирургическаго отдѣленія. Врачебныя и учебныя дѣйствія Пирогова по этому отдѣленію госпиталя, заключавшему въ себѣ до 1,000 кроватей, были совершенно независимы отъ госпитальнаго начальства, и только по дѣламъ госпитальной администраціи Пироговъ обязанъ былъ сноситься съ главнымъ докторомъ.

Осмотрѣвъ свои новыя столь обширныя хирургическія владѣнія, ученый хирургъ пришелъ въ ужасъ отъ того, что представилось его глазамъ. Вотъ какую страшную картину представлялъ собой 2-й сухопутный госпиталь. Огромныя госпитальныя палаты (на 60—100 кроватей), плохо вентилируемыя, были переполнены больными съ рожистыми воспаленіями, острогнойными отеками и гнойнымъ зараженіемъ крови. Для операцій не было ни одного, хотя плохого, помѣщенія. Тряпки подъ припарки и компрессы переносились фельдшерами безъ зазрѣнія совѣсти отъ ранъ одного больного къ другому. Лекарства, отпускавшіяся изъ госпитальной аптеки, были похожи на что угодно, только не на лекарства. Вмѣсто хинина, напримѣръ, сплошь да рядомъ отпускалась бычья желчь, вмѣсто рыбьяго жира—какое-то нефтяное масло. Хлѣбъ и вся вообще провизія, отпускавшіеся на госпитальныхъ, были ниже всякой критики.

Воровство было не ночное, а дневное. Смотрители и комиссары проигрывали по нѣскольку сотъ рублей въ карты ежедневно. Мясной подрядчикъ на виду у всѣхъ развозилъ мясо по домамъ членовъ госпитальной конторы. Аптекарь продавалъ на сторону свои запасы уксуса, разныхъ травъ и т. п. Въ послѣднее время дошло до того, что госпитальное начальство начало продавать подержанныя и снятыя съ ранъ: корпію, повязки, компрессы и проч., и для этой торговой операціи складывало вонючія тряпки, снятыя съ ранъ, въ особыя камеры, расположенныя возлѣ палатъ съ больными.

Втеченіи цѣлаго года по пріѣздѣ въ Петербургъ Пироговъ занимался изо дня въ день въ страшныхъ помѣщеніяхъ 2-го госпиталя съ больными и оперированными и въ отвратительныхъ до невозможности старыхъ баняхъ этого же госпиталя; въ нихъ за неимѣніемъ другихъ помѣщеній онъ производилъ вскрытіе труповъ, иногда по 20 въ день, въ лѣтнія жары; а зимою во время ледохода переѣзжалъ ежедневно по два раза на Выборгскую, пробиваясь иногда часа по два между льдами.

Молодому и энергичному хирургу предстояло совершить одинъ

изъ подвиговъ Геркулеса—превратить авгіевы конюшни 2-го военно-сухопутнаго госпиталя въ благоустроенныя госпитальныя клиники. Задача была не изъ легкихъ. Административное «военно-ученое болото», въ которое попалъ Пироговъ, заволновалось. Населявшіе его гады всполошились и соединенными усиліями набросились на нарушителя ихъ мірной идилліи, основанной на общемъ попираніи человѣческихъ правъ и гражданскихъ законовъ. Но они не знали, что предъ ними былъ человѣкъ твердыхъ убѣжденій, человѣкъ, котораго можно только сломить, но согнуть нельзя, и который не позволитъ наступить себѣ на ногу. Одному изъ этихъ господъ, главному доктору госпиталя Лоссіевскому, пришлось на своей шкурѣ испытать это.

Сей почтенный мужъ былъ извѣстенъ среди своихъ товарищей подъ именемъ «Буцефала». «Хотя, говоритъ Пироговъ, извѣстная французская поговорка: «grande tête — grande bête» и грѣшитъ противъ физіологіи, но нѣтъ правилъ, даже физіологическихъ, безъ исключеній. Въ отношеніи къ головѣ Лоссіевскаго физіологія оказалась дѣйствительно неправою». Вотъ съ этимъ-то grande bête и происходили постоянныя стычки, закончившіяся эпизодомъ, который нашъ ученый называетъ въ своихъ запискахъ «Буцефаловой глупостью».

Дѣло происходило въ 1843 году. Лоссіевскій какъ-то призываетъ ассистента Пирогова и ординатора госпиталя, д-ра Неммерта, и спрашиваетъ его, не замѣтилъ ли онъ чего особеннаго въ поведеніи профессора Пирогова. Неммертъ говоритъ, что нѣтъ. На дальнѣйшій вопросъ Лоссіевскаго, почему же Пироговъ прописываетъ въ такихъ большихъ пріемахъ наркотическія средства, такъ однажды экстракта бѣлены до 5 гранъ на пріемъ, Неммертъ отвѣтилъ, что онъ не знаетъ, пусть Лоссіевскій самъ спроситъ у господина профессора. Тогда Лоссіевскій призываетъ Неммерта въ госпитальную контору и приказываетъ ему, какъ подчиненному, росписаться въ принятіи запечатаннаго пакета съ надписью: «секретно», подъ №..... Въ этой бумагѣ заключалось слѣдующее предписаніе ассистенту Пирогова:

«*Замѣтивъ въ поведеніи г. Пирогова нѣкоторыя дѣйствія, свидѣтельствующія объ его умопомѣшательствѣ, предписываю вамъ слѣдить за его дѣйствіями и доносить объ оныхъ мнѣ. Гл. д-ръ Лоссіевскій*».

Въ этомъ рискованномъ coup d'état Лоссіевскаго противъ Пирогова игралъ роль не экстрактъ бѣлены, а то обстоятельство,

что незадолго до того Пироговъ осадилъ Лоссіевскаго. Буцефалъ вздумалъ написать профессору бумагу по поводу того, что онъ издерживаетъ много іодовой настойки и предписывалъ ему замѣнить этотъ медикаментъ болѣе дешевымъ. Пироговъ письменно увѣдомилъ Лоссіевскаго, что тотъ не вправѣ дѣлать ему никакихъ предписаній относительно дѣйствій при постели больнаго; если же по его мнѣнію онъ расходуетъ лекарства не по госпитальному каталогу, то ему слѣдуетъ обратиться съ извѣщеніемъ къ ихъ общему начальнику, г. президенту медико-хирургической академіи.

Вотъ эта-то бумага Пирогова, а не экстрактъ бѣлены, и была причиной секретнаго предписанія Неммерту. А про экстрактъ Пироговъ сказалъ Лоссіевскому, чтобы тотъ велѣлъ приготовлять экстракты дѣйствительно изъ наркотическихъ средствъ, а не изъ золы разныхъ растеній.

Получивъ это предписаніе, Неммертъ принесъ его къ Пирогову и спросилъ, что ему дѣлать. Тотъ направилъ Неммерта къ президенту Шлегелю. Когда Неммертъ показалъ Шлегелю полученное отъ Лоссіевскаго предписаніе, послѣдній спросилъ его, улыбаясь: «вѣдь вы однако ничего не замѣтили?» и сказалъ ему, чтобы онъ оставилъ бумагу при себѣ и никому не показывалъ.

Узнавъ отвѣтъ Шлегеля, Пироговъ попросилъ Неммерта одолжить ему бумагу на одинъ часъ времени, обѣщаясь ему, что это нисколько не повредитъ его служебной карьерѣ. Съ этою бумагой въ рукахъ онъ отправился къ попечителю академіи, дежурному генералу Веймарну и объявилъ ему, что подаетъ сейчасъ просьбу объ отставкѣ, если всему этому вопіющему дѣлу не будетъ дано хода. Веймарнъ, видимо смущенный, успокоилъ Пирогова обѣщаніемъ, что завтра же будетъ имъ все улажено, если же онъ и тогда останется недоволенъ, то можетъ дать всему дѣлу законный ходъ. Вслѣдъ за уходомъ Пирогова Веймарнъ послалъ за Лоссіевскимъ фельдъегеря, который и привезъ его въ штабъ. На другой день была получена бумага, въ которой предписывалось Лоссіевскому въ присутствіи президента Шлегеля, ординатора Неммерта, писаря, писавшаго бумагу, и всѣхъ, видѣвшихъ ее, членовъ госпитальной конторы, просить у Пирогова прощенія въ убѣдительнѣйшихъ выраженіяхъ, и если Пироговъ не согласится извинить дерзкій поступокъ Лоссіевскаго, то дѣлу будетъ данъ законный ходъ.

«На другой день, разсказываетъ Пироговъ, меня пригласили въ контору госпиталя, и тамъ разыгралась истинно позорная и притомъ дѣтски-позорная сцена. Лоссіевскій въ парадной формѣ, со слезами на глазахъ, дрожа-

щимъ голосомъ и съ поднятіемъ рукъ къ небу, просилъ у меня извиненія за свою необдуманность и дерзость, увѣряя, что впредь онъ мнѣ никогда не дастъ ни малѣйшаго повода къ неудовольствію. Тутъ же въ присутствіи президента я ему показалъ на мерзѣйшій хлѣбъ, розданный больнымъ, и замѣтилъ, что его прямая обязанность въ госпиталѣ—наблюденіе за порядкомъ, пищей и всею служебною администраціей. Тѣмъ дѣло о моемъ умопомѣшательствѣ и кончилось».

Ассистенту Пирогова Неммерту пригрозилъ было при Пироговѣ президентъ Шлегель послѣ того, какъ Лоссіевскій извинился. Но Пироговъ остановилъ Шлегеля, заявивъ, что Неммертъ поступилъ тутъ, какъ честный и благородный человѣкъ, и онъ не видитъ, за что Шлегель такъ несправедливо относится съ выговоромъ къ Неммерту; онъ могъ бы принять неумѣстный выговоръ Шлегеля на свой счетъ и не согласиться въ такомъ случаѣ на извиненіе Лоссіевскаго. «Шлегель прикусилъ языкъ, и съ тѣхъ поръ я не замѣчалъ никакихъ притѣсненій по службѣ», заканчиваетъ знаменитый ученый свой разсказъ о Буцефаловой глупости.

Послѣ этого неожиданнаго репримanda, которымъ окончилась Буцефалова глупость для ея автора, Лоссіевскій и К° присмирѣли, и Пироговъ могъ спокойно заниматься своею клиникой.

«Новая хирургическая клиника сдѣлалась высшею школой русскаго хирургическаго образованія. Высокоталантливый профессоръ, стяжавшій себѣ громкое имя не только въ Россіи, но и во всей Европѣ, естественно долженъ былъ дѣйствовать обаятельнымъ образомъ не только на всѣхъ студентовъ академіи, но и на молодое поколѣніе медиковъ Петербурга. Этому содѣйствовали кромѣ высокаго авторитета необычайный даръ преподаванія и несравненная техника Н. И. въ производствѣ хирургическихъ операцій, при громадномъ количествѣ и разнообразіи клиническаго матеріала. Пироговъ поставилъ хирургическую каѳедру академіи на такую высоту, до которой она не поднималась ни до, ни послѣ него» (Флоринскій).

Вскорѣ по своемъ переселеніи въ Петербургъ Пироговъ былъ назначенъ членомъ медицинскаго совѣта, а позднѣе членомъ комитета для предварительнаго соображенія мѣръ къ преобразованію медицинской учебной части въ заведеніяхъ мин. нар. просвѣщенія.

Этотъ временный медицинскій комитетъ былъ очень удачно составленъ изъ И. Т. Спасскаго, бывшаго профессора М.-Х. Академіи, лейбъ-медика Рауха, профессоровъ Зейдлица и Пирогова подъ предсѣдательствомъ лейбъ-медика Маркуса. Министръ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровъ передавалъ въ этотъ комитетъ всѣ дѣла и даже выборы медицинскихъ факультетовъ всѣхъ университетовъ. Открывавшійся въ то время медицинскій факультетъ Кіевскаго университета почти цѣликомъ учреждался и избирался этимъ комитетомъ. Въ названномъ комитетѣ преобладалъ взглядъ на фа-

культетскія дѣла не бюрократическій, а научный, и всѣ прогрессивныя требованія факультетовъ находили тамъ и поддержку, и дальнѣйшее развитіе. Самымъ важнымъ дѣломъ Пирогова и его товарищей былъ пересмотръ экзаменаціоннаго устава. Въ качествѣ весьма дѣятельнаго члена этой коммиссіи Пироговъ предложилъ и провелъ цѣлый рядъ преобразованій. Такъ, въ старомъ экзаменаціонномъ уставѣ допускалось цѣлыхъ шесть медицинскихъ степеней: три степени лекаря (лекарь 1-го, 2-го и 3-го отдѣленія), докторъ медицины, докторъ медицины и хирургіи и медико-хирургъ. Пироговъ предложилъ сокращеніе съ 6 степеней на двѣ: лекаря и доктора медицины; его проектъ не прошелъ, и вмѣсто двухъ приняты были три степени (лекарь, докторъ медицины и докторъ медицины и хирургіи). Впослѣдствіи, разсматривая въ одной изъ своихъ статей общій уставъ нашихъ университетовъ, Пироговъ указываетъ, какъ на одинъ изъ крупныхъ недостатковъ этого устава, на обиліе испытаній и ученыхъ степеней, составляющее тормазъ для университетской науки.

«Я знаю, говоритъ онъ, по собственному опыту, какъ спеціальное совѣстливое и ревностное занятіе наукой мало располагаетъ человѣка подвергаться продолжительнымъ и повторенным испытаніямъ: занимавшись спеціально и во время моего пребыванія въ университетѣ, и послѣ хирургіей, я никогда бы не рѣшился подвергнуться испытанію на степень доктора медицины и хирургіи, если бы отъ меня этого потребовали для занятія каѳедры хирургіи».

Стремясь сократить число испытаній и ученыхъ степеней, Пироговъ настаивалъ вмѣстѣ съ тѣмъ на безполезности при оцѣнкѣ знаній разныхъ дробей и отмѣтокъ вродѣ: «удовлетворительно, посредственно, хорошо, отлично». Вмѣсто такихъ тонкихъ различій онъ предложилъ ввести лишь двѣ отмѣтки, которыя при факультетскихъ экзаменахъ на степень давали бы категорическій отвѣтъ: *да* или *нѣтъ*, т. е. достоинъ ли экзаменующійся искомой имъ степени или недостоинъ.

Введеніе демонстративныхъ испытаній изъ анатоміи, терапіи и хирургіи было предложено Пироговымъ и единогласно принято членами комитета. Новыя каѳедры госпитальной хирургіи и терапіи, учрежденныя по проэкту Пирогова въ м.-х. академіи, также были приняты комитетомъ и утверждены министромъ народнаго просвѣщенія для всѣхъ университетовъ.

Поставивъ преподаваніе хирургіи въ медико-хирургической академіи на небывалую высоту, связавъ каѳедру хирургіи съ клиникой, Пироговъ не удовлетворился однако этимъ и задумалъ преобразовать тоже и преподаваніе анатоміи введеніемъ систематиче-

скихъ практическихъ занятій на трупахъ. 21 октября 1844 года профессоры Бэръ, Зейдлицъ и Пироговъ внесли въ конференцію академіи предложеніе объ учрежденіи особаго анатомическаго института, которое и было Высочайше утверждено 28 января 1846 г. Въ своемъ рапортѣ Пироговъ характеризуетъ направленіе своихъ анатомическихъ занятій, какъ по преимуществу прикладное, и указываетъ на важность изученія анатоміи для врачей.

«Самою высшею для меня наградой, писалъ онъ, я почелъ бы убѣжденіе, что мнѣ удалось доказать нашимъ врачамъ, что анатомія не составляетъ, какъ многіе думаютъ, одну только азбуку медицины, которую можно безъ вреда и забыть, когда мы научимся кое-какъ читать по складамъ; но что изученіе ея такъ же необходимо для начинающаго учиться, какъ и для тѣхъ, которымъ довѣряются жизнь и здоровье другихъ».

Пироговъ былъ назначенъ директоромъ ново-учрежденнаго анатомическаго института. Въ февралѣ 1846 года Пироговъ получилъ 7-мѣсячный отпускъ и посѣтилъ Германію, Францію и Италію, откуда привезъ разные приборы и инструменты для анатомическаго института, между прочимъ микроскопы, которыхъ въ академіи до того не было, и потомъ принялся за устройство анатомическаго института. Въ скоромъ времени онъ пригласилъ на должность перваго прозектора д-ра Грубера, занимавшаго ту-же должность въ пражскомъ анатомическомъ институтѣ, а впослѣдствіи съ честью замѣнившаго Пирогова, какъ директора института.

«Анатомическій институтъ, основанный Пироговымъ, скоро стяжалъ себѣ громкую научную извѣстность и получилъ значеніе истинной научной школы, давшей Россіи цѣлую плеяду анатомовъ и хирурговъ» (Флоринскій).

Обладая до 1847 года сравнительно небольшимъ количествомъ препаратовъ, большею частью пріобрѣтенныхъ за границей или подаренныхъ частными лицами, анатомическій институтъ получилъ въ непродолжительномъ времени значеніе музея. Равнымъ образомъ и музей патологической анатоміи, можно сказать, обязанъ своимъ существованіемъ трудамъ и энергіи Пирогова. Когда въ 1841 году вмѣстѣ съ лекціями хирургіи Пироговъ сталъ читать и лекціи патологической анатоміи, конференція академіи поручила ему устроить кабинетъ патологической анатоміи. Пироговъ началъ съ того, что передалъ въ устраиваемый имъ музей патологической анатоміи 200 собственныхъ препаратовъ, привезенныхъ имъ изъ Дерпта. Потомъ онъ систематически собиралъ всѣ представлявшіеся ему на вскрытіяхъ интересные препараты. А вскрытій Пироговъ во время своего профессорства въ медико-хирургической академіи произвелъ около 12,000 съ составленіемъ подробнаго протокола каждаго вскрытія.

Въ новооткрытомъ институтѣ Пироговъ прежде всего принялся за экспериментальныя изслѣдованія по вопросу только-что возникавшему и радостно взволновавшему всѣхъ хирурговъ, вопросу объ анэстезіи помощью эфирнаго и хлороформнаго наркоза. Оперировать подъ наркозомъ, т. е. когда больной погруженъ въ искусственный сонъ съ потерей чувствительности, — къ этому хирурги стремились съ незапамятныхъ временъ. Но всѣ попытки въ этомъ направленіи оставались безуспѣшны: хирурги не могли открыть свой философскій камень. Почти наканунѣ введенія въ хирургію эфира, какъ анэстезирующаго средства, знаменитый французскій хирургъ Вельпо высказалъ по этому поводу, что это пустая мечта, за которою не слѣдуетъ гоняться. «Устраненіе боли при операціяхъ, говоритъ онъ,—химера, о которой непозволительно даже думать. Рѣжущій инструментъ и боль—два понятія неотдѣлимыя другъ отъ друга въ умѣ больного». Такіе мрачные взгляды на возможность безболѣзненныхъ операцій исповѣдовалъ Вельпо въ 1840 г. А въ 1846 году были уже произведены операціи подъ эфирнымъ наркозомъ. Грезы хирурговъ оперировать безъ боли осуществились, и человѣчество обогатилось чрезвычайно важнымъ открытіемъ. Всюду стали появляться изслѣдованія относительно дѣйствія эфира, какъ болеутоляющаго средства, и относительно примѣненія его въ хирургической практикѣ, какъ анэстезирующаго.

Пироговъ, разумѣется, также заинтересовался вопросомъ объ этеризаціи, причемъ, изучая дѣйствіе эфира на животный организмъ, произвелъ рядъ весьма тщательныхъ опытовъ надъ животными, главнымъ образомъ, собаками. Кромѣ того, онъ испыталъ дѣйствіе эфира на здоровыхъ людей и произвелъ 50 операцій подъ эфирнымъ наркозомъ. Работая съ эфиромъ, Пироговъ, кромѣ обыкновеннаго способа этеризаціи помощью вдыханія, примѣнялъ еще другой принадлежащій ему способъ введенія паровъ эфира въ кишечный каналъ черезъ прямую кишку. Онъ придумалъ также два прибора. какъ для наркоза по своему способу, такъ и для вдыханія.

Пользуясь съ успѣхомъ эфирнымъ наркозомъ въ госпитальной и частной практикѣ, Пироговъ возымѣлъ прекрасную мысль примѣнить этеризацію въ военно-полевой хирургіи, при оказаніи хирургическихъ пособій на полѣ сраженія. Въ это время Кавказъ былъ постояннымъ театромъ военныхъ дѣйствій, и вотъ Пироговъ получилъ командировку на Кавказъ для распространенія среди врачей кавказскаго-округа этеризаціи, какъ болеутоляющаго средства при операціяхъ. Кромѣ этой главной цѣли командировки ему

было поручено сообщить врачамъ кавказскаго округа всѣ крупныя усовершенствованія въ практикѣ хирургическихъ операцій и осмотрѣть всѣ госпитали Кавказа.

8 іюля 1847 года Пироговъ выѣхалъ на Кавказъ. По пути, уже въ Москвѣ, онъ произвелъ нѣсколько операцій подъ эфирнымъ наркозомъ. Прибывъ на Кавказъ, знаменитый хирургъ остановился въ Пятигорскѣ, гдѣ пробылъ около 2 недѣль. Здѣсь онъ нашелъ нѣкоторый хирургическій матеріалъ, подробно ознакомилъ врачей со способами этеризаціи и произвелъ рядъ операцій подъ наркозомъ. Въ Темиръ-ханъ-Шурѣ Пироговъ изложилъ собравшимся въ военномъ госпиталѣ врачамъ свои способы этеризаціи. Здѣсь такъ же, какъ и въ Пятигорскѣ, при производствѣ операцій подъ наркозомъ присутствовали кромѣ врачей мѣстные военные начальники и много офицеровъ, интересовавшихся на опытѣ видѣть дѣйствіе эфирныхъ паровъ.

Въ Оглахъ, гдѣ раненые были размѣщены въ лагерныхъ палаткахъ и не было отдѣльнаго помѣщенія для производства операцій, Пироговъ сталъ нарочно оперировать въ присутствіи другихъ раненыхъ, чтобы убѣдить послѣднихъ наглядно въ болеутоляющемъ дѣйствіи эфирныхъ паровъ. Такая наглядная система оказала весьма благотворное вліяніе на раненыхъ, и они съ охотой подвергали себя наркозу. Въ виду такого эффекта Пироговъ допустилъ присутствовать и здоровымъ солдатамъ въ тѣхъ же цѣляхъ.

Наконецъ онъ прибылъ въ Самурскій отрядъ, который расположился у укрѣпленнаго аула Салты. Осада этого укрѣпленія продолжалась около двухъ мѣсяцевъ (августъ и сентябрь). Здѣсь то и проявилась впервые его дѣятельность, какъ военно-полеваго хирурга.

Въ кавказскихъ экспедиціяхъ врачамъ дѣйствующихъ отрядовъ приходилось работать подъ мѣткимъ ружейнымъ огнемъ горцевъ. Врачей очень часто ранили и убивали, поэтому на полѣ сраженія невозможно было устроить правильные перевязочные пункты; раненымъ оказывались только самыя неотложныя хирургическія пособія, а для операцій отправляли въ постоянные госпитали. Желая приложить этеризацію на полѣ сраженія при большихъ операціяхъ, Пироговъ устроилъ при главной квартирѣ отряда, находившейся внѣ линіи выстрѣловъ, полевой лазаретъ. Этотъ крайне примитивно устроенный лазаретъ составляли нѣсколько шалашей изъ древесныхъ вѣтвей, покрытыхъ сверху соломой. Вмѣсто коекъ служили двѣ длинныя скамьи, сложенныя

изъ камней и покрытыя тоже соломой; между ними были прорыты канавы для стока воды. На этихъ же камняхъ Пироговъ со своими ассистентами дѣлалъ свои операціи и перевязки, обыкновенно стоя на колѣняхъ и въ согнутомъ положеніи тѣла. Въ дни штурмовъ приходилось такъ работать болѣе 12 часовъ въ сутки. Подъ Салтами Пироговъ имѣлъ случай произвести 100 хирургическихъ операцій съ эфирнымъ наркозомъ. Все время осады Салтовъ Пироговъ прожилъ въ солдатской палаткѣ, безъ пола.

Какъ военно-полевой хирургъ, Пироговъ оказался изумительно активнымъ. Въ этотъ первый дебютъ свой на поприщѣ военно-полевой хирургіи онъ былъ ярымъ сторонникомъ ампутацій, высказывая, что врачъ, уступающій изъ неумѣстнаго человѣколюбія больнымъ въ желаніи сохранить раздробленные члены, «несравненно болѣе повредитъ имъ и несравненно болѣе потеряетъ больныхъ, нежели сохранитъ рукъ и ногъ». Относительно транспорта раненыхъ, условія котораго Пироговъ нашелъ печальными, онъ согласно данному порученію сталъ испытывать пригодность для Кавказа алжирскихъ транспортныхъ средствъ: сидѣекъ и лежалокъ, прикрѣпляемыхъ съ обѣихъ сторонъ къ сѣдламъ вьючныхъ животныхъ. Пироговъ лично сопровождалъ одинъ транспортъ и пришелъ къ тому заключенію, что алжирскія транспортныя средства вполнѣ пригодны на Кавказѣ, и что сидѣйки и лежалки заслуживаютъ предпочтенія передъ ручными носилками. Знаменитаго хирурга въ бытность его на Кавказѣ живо интересовали его азіатскіе товарищи по профессіи. Туземные врачи — *хакимы* — славились своимъ искусствомъ лечить огнестрѣльныя поврежденія. Пироговъ довольно подробно описываетъ ихъ способы леченія. Осмотрѣвъ на обратномъ пути госпитали и военно-лечебныя заведенія Кавказа, онъ вернулся въ Петербургъ.

Свои изслѣдованія и наблюденія въ Кавказскую экспедицію Пироговъ изложилъ въ нѣсколькихъ статьяхъ и трактатахъ. Въ этихъ трудахъ разсматриваются кардинальные вопросы военно-полевой хирургіи: огнестрѣльныя раны, ихъ природа, свойства и леченіе; ампутаціи, какъ самое значительное и энергичное хирургическое пособіе, причемъ Пироговъ приводитъ сравнительную статистику этой операціи. Вопросу объ анэстезіи здѣсь отведено довольно много мѣста, и приведена статистика всѣхъ операцій, сдѣланныхъ за этотъ періодъ времени въ Россіи подъ эфирнымъ и хлороформнымъ наркозомъ. Личный опытъ Пирогова составлялъ уже тогда до 400 наркозовъ эфиромъ и до 300 хлороформомъ.

Главная цѣль научнаго путешествія Пирогова на театръ военныхъ дѣйствій, на Кавказъ — примѣненіе анэстезированія на полѣ сраженія—была достигнута съ блестящимъ успѣхомъ. «Съ чувствомъ внутренняго самодовольствія, говоритъ онъ, можемъ сказать, что мы первые опытомъ доказали возможность приложенія анэстезированія на полѣ сраженія. Мы надѣемся, что отнынѣ эфирный приборъ будетъ составлять точно такъ же, какъ и хирургическій ножъ, необходимую принадлежность каждаго врача во время его дѣйствій на бранномъ полѣ». Надежды Пирогова блестяще оправдались: маска для хлороформированія, вытѣснившаго этеризацію, пріобрѣла полное право гражданства на перевязочныхъ пунктахъ. Честь введенія анэстезированія при поданіи первой хирургической помощи раненымъ принадлежитъ всецѣло Пирогову и составляетъ самую раннюю его заслугу въ военно-полевой хирургіи, ознаменовавшую его первое появленіе на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Вскорѣ послѣ своего возвращенія въ Петербургъ знаменитый хирургъ получилъ приглашеніе къ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, которую крайне интересовала цѣль его научной командировки на Кавказъ. Вотъ какъ Пироговъ описываетъ первую свою аудіенцію у великой княгини и нѣкоторыя обстоятельства, случайно предшествовавшія этому и свидѣтельствующія, съ какимъ бюрократическимъ тупоумiемъ относились высшія военно административныя власти къ такому научному дѣятелю, какъ Пироговъ.

«Никогда не забуду, говоритъ онъ въ письмѣ къ баронессѣ Раденъ, въ какомъ душевномъ разстройствѣ я предсталъ предъ ней тогда, почти немедленно послѣ оффиціальной аудіенціи у военнаго министра, гдѣ получилъ незаслуженный выговоръ. Утомленный мучительными трудами, въ нервномъ возбужденіи отъ результата своихъ испытаній на полѣ битвы, я велѣлъ доложить о себѣ военному министру почти тотчасъ по своемъ пріѣздѣ и не обратилъ вниманія, въ какомъ платьѣ я къ нему явился. За это я долженъ былъ выслушать рѣзкій выговоръ на счетъ моего нерадѣнія къ установленной формѣ отъ г. Анненкова (генералъ адъютантъ Н. И. Анненковъ, назначенный послѣ смерти Веймарна попечителемъ Медико-Хирургической Академіи). Я былъ такъ разсерженъ, что со мною приключился истерическій припадокъ со слезами и рыданіемъ (я теперь сознаюсь въ своей слабости). Послѣ этой выходки *я рѣшился подать въ отставку и проститься съ академіей*. Но аудіенція у великой княгини возвратила мнѣ бодрость духа и такъ меня успокоила, что я не обратилъ болѣе никакого вниманія на это отсутствіе такта въ моемъ начальствѣ. Великая княгиня выразила мнѣ своею любознательностью и уваженіемъ къ знанію то, что выразить слѣдовало бы главѣ научнаго заведенія. Она входила во всѣ подробности моихъ занятій на Кавказѣ, интересовалась различными результатами анэстизаціи на полѣ сраженія; словомъ обращеніе великой княгини со мною было таково, что я устыдился своей минутной слабости. Убѣжденный, что около трона я найду

лучшихъ судей, одаренныхъ бо́льшимъ пониманіемъ, я разсудилъ, что мнѣ слѣдуетъ смотрѣть на безтактность моего начальства, какъ на своевольную грубость лакеевъ».

На слѣдующій годъ послѣ бурной дѣятельности военно-полеваго хирурга Кавказской экспедиціи Пироговъ принялся за совершенно мирную, но не менѣе трудную работу, за изученіе азіатской холеры, эпидемія которой вспыхнула въ Петербургѣ въ 1848 году. Для того, чтобы изучить эту тогда еще мало изслѣдованную болѣзнь, Пироговъ устроилъ въ своей клиникѣ особое холерное отдѣленіе. Его преимущественно интересовала патолого-анатомическая сторона вопроса, т. е. тѣ стойкія болѣзненныя измѣненія въ тканяхъ и органахъ тѣла, которыя вызываются холерой. За время эпидеміи Пироговъ сдѣлалъ болѣе 800 вскрытій труповъ холерныхъ больныхъ, умершихъ въ госпиталѣ и городскихъ больницахъ. Результаты своихъ изслѣдованій Пироговъ изложилъ въ весьма солидномъ трудѣ, носившемъ заглавіе: «Патологическая анатомія азіатской холеры» и появившемся въ 1849—50 годахъ на двухъ языкахъ, русскомъ и французскомъ. За это сочиненіе, снабженное атласомъ съ раскрашенными рисунками, Пирогову была присуждена Академіей Наукъ полная Демидовская премія.

Профессорская дѣятельность Пирогова въ Медико-Хирургической Академіи обнимаетъ собой 14-лѣтній періодъ времени, съ 1841 по 1854 годъ. Это было время полнаго расцвѣта силъ Пирогова, время многосторонней и плодотворной научной и практической его дѣятельности. Занимая созданную имъ каѳедру госпитальной хирургіи, онъ читалъ вмѣстѣ съ тѣмъ лекціи патологической и топографической анатоміи и завѣдывалъ громадною хирургическою клиникой. Какъ директоръ вызваннаго имъ къ жизни анатомическаго института, онъ руководилъ занятіями студентовъ и врачей и самъ съ увлеченіемъ разработывалъ огромный анатомическій матеріалъ, находившійся въ его распоряженіи. Въ этомъ же институтѣ онъ продолжалъ свои занятія экспериментальною хирургіей, ставилъ опыты надъ животными. Помимо занятій по Академіи, Пироговъ состоялъ еще консультантомъ большихъ петербургскихъ больницъ, Обуховской, Маріи Магдалины, Петропавловской и Максимиліановской лѣчебницы. Наконецъ онъ имѣлъ первую хирургическую практику во всей столицѣ.

Изъ ученыхъ трудовъ Пирогова за петербургскій періодъ кромѣ указанныхъ уже выше обращаютъ вниманіе его прекрасный «Курсъ прикладной анатоміи человѣческаго тѣла» и назначенныя преимущественно для судебныхъ врачей «Анатомическія изображенія наружнаго вида и положенія органовъ, заключающихся въ трехъ глав-

ныхъ полостяхъ человѣческаго тѣла». Но капитальнымъ трудомъ Пирогова по анатоміи является его знаменитая топографическая анатомія по распиламъ чрезъ замороженные трупы. Исходя изъ той мысли, что обычный принятый въ анатоміи способъ изслѣдованія (препарованіе), т. е. изолированіе частей другъ отъ друга съ удаленіемъ связывающей ихъ клѣтчатки помощью ножа, не даетъ полнаго и, главное, правильнаго представленія о взаимномъ соотношеніи частей въ натурѣ, Пироговъ ввелъ въ науку новый методъ анатомическаго изслѣдованія помощью распиловъ чрезъ замороженные трупы. При этомъ вполнѣ сохранялись нормальное положеніе органовъ и соотношеніе частей. Въ этомъ своемъ руководствѣ, представляющемъ четыре тома таблицъ рисунковъ и четыре тетради текста in folio, Пироговъ всесторонне примѣнилъ свой методъ и, благодаря этому, обогатилъ науку цѣлымъ рядомъ цѣнныхъ фактовъ. Въ своемъ сочиненіи для лучшаго уясненія анатомическихъ данныхъ авторъ сплошь и рядомъ дѣлаетъ ссылки на исторію развитія и сравнительную анатомію, а анатомическими данными онъ пользуется для объясненія особенностей хода болѣзненныхъ процессовъ въ данной области тѣла, что даетъ возможность дѣлать выводы, непосредственно приложимые къ клиникѣ. Этимъ трудомъ, до сихъ поръ не имѣющимъ себѣ равнаго во всей европейской литературѣ, Пироговъ безспорно создалъ себѣ монументъ aere perennius.

Изъ трудовъ по хирургіи на первомъ мѣстѣ стоитъ изданная Пироговымъ на нѣмецкомъ языкѣ «Клиническая хирургія». Это—собраніе монографій по вопросамъ клинической хирургіи. Въ первой изъ нихъ описывается операція вылущенія стопы, съ которою съ тѣхъ поръ въ хирургіи связано имя Пирогова. Вторая трактуетъ весьма интересный вопросъ о трудностяхъ хирургическаго діагноза и о счастьѣ въ хирургіи. Въ третьей описывается гипсовая повязка Пирогова; четвертая и послѣдняя представляетъ отчетъ объ операціяхъ, произведенныхъ имъ въ теченіи 1852—53 учебнаго года.

«Бросая общій взглядъ на дѣятельность Н. И. Пирогова въ Медико-Хирургической Академіи, оцѣнивая теперь издали значеніе его для этого учебнаго заведенія, невольно останавливаешься на мысли, какъ много можетъ сдѣлать одинъ человѣкъ, одаренный талантами и запасомъ энергіи. Онъ, какъ высокій артистъ на сценѣ, не только въ совершенствѣ исполняетъ свою роль, но дѣйствуетъ возвышающимъ образомъ на окружающую среду, производитъ обаятельную атмосферу, въ которой и другіе менѣе талантливые артисты чувствуютъ подъемъ своихъ силъ. То же самое и въ духовномъ мірѣ науки: одинъ выдающійся талантъ можетъ поднять репутацію цѣлаго учебнаго заведенія болѣе, чѣмъ десятки посредственностей. Подобное значеніе имѣлъ и Н. И. Пироговъ. Съ его выходомъ изъ Медиц. Академіи научный тонъ ея

сразу опустился, и это произошло тѣмъ замѣтнѣе, что Пироговъ, вслѣдствіе неожиданности своего выхода, не успѣлъ приготовить себѣ по всѣмъ отдѣламъ преподаваемыхъ имъ наукъ достойныхъ преемниковъ», (Флоринскій).

Оффиціально Пироговъ вышелъ изъ состава профессоровъ М.-Х. Академіи въ 1856 г., фактически же онъ оставилъ Академію въ 1854 г., когда отправился на театръ военныхъ дѣйствій въ Крымъ.

VI.

Стремленіе Пирогова на театръ военныхъ дѣйствій.—Проэктъ великой княгини Елены Павловны.—Община сестеръ милосердія.—Отъѣздъ Пирогова въ Крымъ.—Прибытіе въ Севастополь. — Раненые подъ Балаклавой и Инкерманомъ.—Введенная Пироговымъ система сортировки раненыхъ. — Докладная записка главнокомандующему Горчакову.—Второе бомбардированіе Севастополя.—Главный перевязочный пунктъ въ Дворянскомъ собраніи.—Отъѣздъ Пирогова въ Петербургъ —Вторичный пріѣздъ въ Крымъ.—Дѣятельность въ Симферополѣ.—«Начала общей военно-полевой хирургіи».

Россія переживала одинъ изъ знаменательнѣйшихъ моментовъ своей исторіи—Восточную войну. Столкновеніе съ Турціей выросло въ борьбу съ могущественными державами Европы, Франціей и Англіей. Союзныя войска вступили уже въ предѣлы Россіи, французскія и англійскія пушки громили Севастополь. Центръ тяжести всей кампаніи совершенно неожиданно перешелъ въ небольшой приморскій городъ. На югѣ Россіи разыгрывалась вторая Иліада. Все русское общество встрепенулось, всѣ взоры обратились къ Севастополю. Каждый, по мѣрѣ своихъ силъ и возможности, старался изъ своего далека принять участіе такъ или иначе въ защитѣ Севастополя.

Пироговъ, имѣвшій уже извѣстную опытность, какъ военно-полевой хирургъ, объявилъ себя «готовымъ употребить всѣ свои силы и познанія для пользы арміи на боевомъ полѣ». Просьба его давно была подана, но все ходила по инстанціямъ. Пироговъ рвался всею душой въ Крымъ, но Буцефаловъ было еще много, и они были въ силѣ еще. И вотъ въ то время, какъ въ Севастополѣ раненые гибли тысячами, первый хирургъ во всей странѣ, европейская знаменитость, Пироговъ долженъ былъ просить, какъ милости, чтобы его послали на театръ военныхъ дѣйствій. Онъ уже начиналъ отчаяваться въ успѣхѣ своей просьбы. Но совершенно неожиданно дѣло приняло благопріятный для него оборотъ. Пироговъ получилъ приглашеніе къ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Она тотчасъ объявила ему къ великой его радости, что взяла на свою отвѣтственность разрѣшить его просьбу.

Затѣмъ она объяснила знаменитому хирургу свой гигантскій планъ—организовать женскую помощь раненымъ и больнымъ на полѣ битвы—причемъ предложила Пирогову самому избрать медицинскій персоналъ и взять управленіе всѣмъ дѣломъ на себя. Къ вечеру того же дня великая княгиня прислала ему собственноручную записку съ извѣстіемъ, что просьба его принята.

Чтобы правильно оцѣнить всю ту массу добра и благодѣянія, которую долженъ былъ принести несчастнымъ севастопольскимъ страдальцамъ проектъ великой княгини Елены Павловны, нужно знать, что такое умѣлый женскій уходъ за больнымъ со стороны сестеръ милосердія. Объ этомъ можетъ судить лишь тотъ, кто знакомъ съ дѣятельностью сестеръ милосердія не по наслышкѣ только. Каждый врачъ которому приходилось работать съ сестрами милосердія, долженъ преклониться предъ этимъ институтомъ. Здѣсь ярко выступаютъ всѣ лучшія стороны женской натуры: «сестричка» окружаетъ больнаго атмосферой нѣжной заботливости, проникнутой сердечнымъ сочувствіемъ къ его горю и страданіямъ, она умѣетъ угадывать и предупреждать желанія больнаго, она терпѣливо выслушиваетъ его безконечныя жалобы и всегда находитъ въ своемъ женскомъ лексиконѣ слово утѣшенія, она умѣетъ внушить ему бодрость и заставить забыть его безпомощность. Таково благотворное нравственное вліяніе сестры милосердія на ввѣреннаго ея попеченіямъ больнаго. Съ другой стороны мягкость движеній при манипуляціяхъ надъ больнымъ, прирожденная ловкость движеній, чистоплотность, аккуратность и исполнительность дѣлаютъ такой женскій уходъ за больнымъ идеальнымъ. Сестра милосердія является, благодаря этому, незамѣнимою помощницей для врача, въ особенности для хирурга. Къ этому присоединяются еще поражающія каждаго наблюдателя выносливость и неутомимость въ работѣ сестры милосердія, какъ выраженіе эластичности женской натуры.

Женскій уходъ въ больницахъ существовалъ тогда уже и въ Европѣ, а также и у насъ. Но доставить раненымъ и больнымъ на самомъ театрѣ военныхъ дѣйствій, на перевязочныхъ пунктахъ и въ полевыхъ лазаретахъ, ближайшихъ къ полю сраженія, благодѣяніе женскаго ухода—объ этомъ никто не помышлялъ. Эта смѣлая и совершенно новая мысль впервые возникла въ Крымскую кампанію у великой княгини и великой женщины Елены Павловны. Просьбамъ Елены Павловны удалось склонить императора Николая Павловича къ допущенію такого неслыханнаго эксперимента. Великая княгиня обратилась съ воззваніемъ къ патріотизму русскихъ женщинъ и собственной рукой въ госпитальной клиникѣ Пирогова наложила повязку

на оперированнаго съ цѣлью доказать, что подобнаго рода помощь ближнему не можетъ имѣть ничего предосудительнаго. На призывъ великой княгини откликнулись русскія женщины, и изъ всѣхъ слоевъ общества явились желавшія самоотверженно принять на себя высокія и трудныя обязанности сестеръ милосердія. Такимъ образомъ, великою княгиней была основана «Крестовоздвиженская Община сестеръ попеченія о раненыхъ и больныхъ». «Первымъ Крестовоздвиженскимъ сестрамъ, говоритъ Пироговъ, пришлось прямо идти въ огонь страшной крымской войны». Вести въ этотъ огонь и руководить ихъ дѣятельностью великая княгиня и предложила Пирогову. Принимая это предложеніе, Пироговъ былъ между прочимъ убѣжденъ, что нравственный контроль сестеръ милосердія, благодаря женскому такту, ихъ чувствительности и независимому отъ служебныхъ условій положенію, гораздо дѣйствительнѣе можетъ вліять на отвратительныя злоупотребленія госпитальной администраціи, чѣмъ разнаго рода оффиціальныя коммисіи. А какова была эта администрація въ крымскую кампанію, и что творилось въ госпиталяхъ Севастополя въ началѣ войны, это намъ достаточно полно рисуетъ одна маленькая фраза, сказанная впослѣдствіи Пироговымъ казан. профессору Н. О. Ковалевскому. «Въ то время, когда вся Россія щипала корпію для Севастополя, говоритъ онъ, корпіей этою перевязывали англичане, а у насъ была только солома».

Новое вызванное великою княгиней къ жизни учрежденіе было встрѣчено соотвѣтствующими административными сферами не особенно сочувственно. Люди стараго закала предвидѣли, что этимъ можетъ быть подорвано ненасытное хищничество госпитальной администраціи. Какъ единственный аргументъ противъ новаго института, эти «старые грѣшники», по выраженію Пирогова, позволяли себѣ дѣлать различные двусмысленные намеки. Но вскорѣ самоотверженная дѣятельность сестеръ заставила всѣхъ противниковъ преклониться предъ нимъ. «И замѣчательно, говоритъ онъ, что самыя простыя и необразованныя изъ нихъ выдѣляли себя болѣе всѣхъ своимъ самоотверженіемъ и долготерпѣніемъ въ исполненіи своихъ обязанностей». Одна изъ такихъ сестеръ посѣщала по собственному желанію наши форты и была извѣстна, какъ героиня. Она помогала раненымъ на бастіонѣ подъ самымъ огнемъ непріятельскихъ пушекъ. Многія сестры были контужены и ранены.

Роль руководителя молодой общины, взятая на себя Пироговымъ, была не изъ легкихъ. Первый выборъ большей части сестеръ не могъ конечно по тогдашнимъ обстоятельствамъ быть вполнѣ удачнымъ.

Онѣ преимущественно были набраны въ Петербургѣ, притомъ съ большой поспѣшностью. Пирогову приходилось входить въ различныя женскія дрязги, устранять столкновенія, мирить и прочее. «Община сестеръ милосердія, замѣчаетъ справедливо Пироговъ, почти, можно сказать, была съимпровизирована бѣдствіями военнаго времени и поэтому имѣла свои слабыя стороны». Несмотря на эти недостатки, знаменитый хирургъ въ общемъ съ восторгомъ отзывается о дѣятельности сестеръ. Такой же отзывъ даетъ о дѣятельности сестеръ и кіевскій профессоръ Гюббенетъ:

«Только очевидецъ, говоритъ онъ, могъ составить себѣ вѣрное понятіе о самоотверженіи и героизмѣ этихъ женщинъ. Съ рѣдкимъ мужествомъ переносили онѣ не только тяжкіе труды и лишенія, но и явныя опасности. Онѣ выдержали бомбардированіе съ геройствомъ, которое сдѣлало бы честь любому солдату. На перевязочныхъ пунктахъ и въ госпиталѣ онѣ продолжали дѣлать перевязки раненымъ, не трогаясь съ мѣста, не смотря на то, что бомбы то-и-дѣло летали кругомъ нихъ и наносили присутствующимъ тяжелыя раны».

Наконецъ въ октябрѣ 1854 г. Пироговъ съ отрядомъ врачей выѣхалъ въ Крымъ. Вслѣдъ за нимъ былъ высланъ въ Крымъ отрядъ сестеръ милосердія въ составѣ 28 сестеръ съ начальницей Стаховичъ.

Назначеніе Пирогова въ Крыму состояло, по словамъ проф. Гюббенета, главнымъ образомъ въ томъ, чтобы устроить надлежащимъ образомъ хирургическую часть, чтобы сортировать и отдѣлять разнородные случаи ранъ, чтобы высказать свое мнѣніе на счетъ важнѣйшихъ недостатковъ и несообразностей въ дѣлѣ призрѣнія больныхъ и своимъ авторитетомъ и неутомимою дѣятельностью поднять и довести его до возможной степени совершенства. Тутъ представилось его дарованіямъ широкое поле для введенія новыхъ способовъ операцій, и открылась для него возможность уяснить значеніе многихъ явленій при лѣченіи ранъ.

Въ первой половинѣ ноября Пироговъ прибылъ въ Севастополь.

«Я никогда не забуду, разсказываетъ онъ, моего перваго въѣзда въ Севастополь. Это было въ позднюю осень въ ноябрѣ 1854 года. Вся дорога отъ Бахчисарая на протяженіи 30 верстъ была загромождена транспортами раненыхъ, орудій и фуража. Дождь лилъ, какъ изъ ведра, больные и между ними ампутированные лежали по двое и по трое на подводѣ, стонали и дрожали отъ сырости; и люди и животныя едва двигались въ грязи по колѣно; падаль валялась на каждомъ шагу, изъ глубокихъ лужъ торчали раздувшіеся животы павшихъ воловъ и лопались съ трескомъ; слышались въ то же время и вопли раненыхъ, и карканье хищныхъ птицъ, цѣлыми стаями слетавшихся на добычу, и крики измученныхъ погонщиковъ, и отдаленный гулъ севастопольскихъ пушекъ. По неволѣ приходилось задуматься о судьбѣ нашихъ больныхъ; предчувствіе было неутѣшительно. Оно и сбылось».

Вся масса раненыхъ отправлялась изъ Севастополя главнымъ образомъ въ Симферополь, составлявшій узловой пунктъ всѣхъ дорогъ отъ осажденнаго города. Госпитальныхъ помѣщеній Симферополя не хватило на огромное количество раненыхъ, и послѣдніе были размѣщены въ оставленныхъ казенныхъ зданіяхъ и частныхъ домахъ. Несчастные, наполнявшіе дома, были лишены почти всякаго ухода. Многіе валялись безъ матрацовъ, на грязномъ полу, безъ всякаго разбора и присмотра. Воздухъ былъ страшно испорченъ. Недоставало людей, чтобы хоть немного привести этотъ невообразимый хаосъ въ извѣстность и порядокъ. Для того, чтобы упорядочить положеніе этихъ несчастныхъ и уходъ за ними, Пироговъ оставилъ первую партію сестеръ въ Симферополѣ и занялъ этихъ сестеръ госпитальнымъ уходомъ.

Прибывъ въ Севастополь, Пироговъ въ виду наступившаго затишья въ осадѣ занялся разборкой раненыхъ подъ Инкерманомъ, находившихся въ Севастопольскихъ госпиталяхъ въ числѣ около 1.500 человѣкъ. Здѣсь онъ впервые сталъ примѣнять свою гипсовую повязку для поврежденныхъ конечностей, которыя можно было надѣяться спасти и сохранить, не прибѣгая къ ампутированію.

Съ самаго начала осады главный перевязочный пунктъ былъ устроенъ въ прекрасномъ по архитектурѣ и положенію на берегу залива домѣ Севастопольскаго Дворянскаго собранія. Просторные, изящно отдѣланные танцзалъ, буфетъ и билліардная комната собранія были превращены въ операціонныя и перевязочныя.

«До этой минуты, разсказываетъ Пироговъ, мнѣ не случалось почти совсѣмъ быть въ столкновеніи съ оберъ-медиками; но когда я взялъ на себя попеченіе о главномъ перевязочномъ пунктѣ и о всѣхъ госпиталяхъ, сейчасъ же начались разныя контры между мною и администраціей. Теперь никто не можетъ себѣ представить всю отвратительность и тупоуміе тогдашняго оффиціальнаго администрировавшаго медицинскаго персонала. Эти господа сразу смекнули, куда поведетъ учрежденный мной нравственный присмотръ и контроль административнаго попеченія надъ руководителями госпитальныхъ порядковъ. Дѣла эти поручены были мной сестрамъ, женщинамъ и моимъ собственнымъ помощникамъ. Это смутило гг. администраторовъ, и они стали громко роптать на превышеніе власти съ моей стороны и только благодаря благосклонному вниманію генераловъ Сакена и Васильчикова я обязанъ тѣмъ, что, несмотря на всѣ интриги, за сестрами былъ удержанъ весь надзоръ въ госпиталяхъ. К. М. Бакунина вела всѣ дѣла присмотра за уходомъ больныхъ съ такимъ тактомъ, энергіей и совѣстливостью, что полученный успѣхъ оказался бестящимъ и для всѣхъ здравомыслящихъ людей неоспоримымъ».

«Все, что прежде удерживали и не выдавали, и теперь еще старались удерживать; но Бакунина, пунктуально исполняя мои и другихъ медиковъ предписанія, настоятельно вытребовала недоданное. Неудивительно, что по-

добное вмѣшательство и такая дѣятельность женщинъ не могли быть пріятны господамъ командирамъ и оффиціальнымъ инспекторамъ».

Пироговъ выработалъ первый прекрасную систему сортировки раненыхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они поступали на перевязочный пунктъ сотнями. До того на перевязочныхъ пунктахъ господствовалъ страшный безпорядокъ и хаосъ. Система Пирогова состояла въ томъ, что прежде всего раненые раздѣлялись на 4 главныя категоріи. Первую группу составляли смертельно-раненые, безнадежные, которые и поручались священнику и сестрамъ милосердія; этимъ страдальцамъ сестры старались доставлять послѣдній уходъ и предсмертныя утѣшенія. Во вторую категорію входили раненые, требующіе безотлагательной помощи тутъ же на перевязочномъ пунктѣ. Третья категорія обнимала собой тѣхъ, которые подлежали операціямъ на слѣдующій день или позднѣе, а пока слѣдовательно должны были быть отправлены въ госпиталь. Наконецъ четвертая категоріи заключала легко-раненыхъ, которыхъ перевязывали и отправляли обратно въ части. Благодаря введенію такой весьма простой и разумной сортировки, рабочія силы не разбрасывались, и дѣло помощи раненымъ шло быстро и толково.

Во второй половинѣ февраля произошла смѣна главнокомандующаго. Мѣсто кн. Меньшикова заступилъ кн. Горчаковъ. Какъ только Горчаковъ прибылъ въ Севастополь, Пироговъ подалъ ему докладную записку, въ которой доказывалъ, что «мы теперь такъ же мало приготовлены принять и устроить большое число раненыхъ, какъ и въ началѣ осады послѣ Инкерманскаго сраженія», и предложилъ двѣ главныя и, по его убѣжденію, единственныя мѣры для предупрежденія подобнаго неустройства. Первою мѣрой должна была служить совершенная эвакуація (опорожненіе) городскихъ госпиталей чрезъ безпрерывную транспортировку. Второй необходимой мѣрой являлось устройство госпитальныхъ палатокъ на безопасномъ мѣстѣ, на Сѣверной сторонѣ. Далѣе въ докладной запискѣ Пироговъ указываетъ на то безотрадное медицинское положеніе нашей арміи, которое достигало геркулесовыхъ столбовъ неустройства. Такъ, напр., на требованіе хины и хинина, отправленное въ Херсонъ въ декабрѣ 1854 года, не было еще никакого отвѣта въ мартѣ 1855 года?! Въ декабрѣ 1854 г. при сильномъ морозѣ и самой бурной погодѣ перевозили больныхъ и раненыхъ въ татарскихъ арбахъ въ Симферополь и Перекопъ, не покрытыхъ, безъ шубъ, ночуя подъ открытымъ небомъ. Такія транспортировки продолжались отъ 10 до 12 дней.

Между тѣмъ военно-медицинская администрація находила, что

все идетъ къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ, и генералъ-штабъ-докторъ Шрейберъ, «хотя уже сѣдой и рябоватый, видѣлъ все въ розовомъ свѣтѣ».

Втеченіи февраля мѣсяца были заложены наши передовые редуты: Селенгинскій, Волынскій и Камчатскій. Это давало поводъ къ очень жаркимъ ночнымъ стычкамъ. Въ это время Пирогову приходилось и жить, и работать подъ пушечными выстрѣлами въ буквальномъ и ужасномъ смыслѣ этихъ словъ. Крыша дома, гдѣ онъ жилъ, была пробита бомбой. Эта сторона дѣла не имѣла однако никакого вліянія на расположеніе духа Пирогова. Напротивъ, онъ былъ тѣмъ болѣе расположенъ къ бесѣдамъ и шуткамъ, чѣмъ кровавѣе и утомительнѣе была работа на перевязочномъ пунктѣ. Наступили грозные дни втораго бомбардированія Севастополя (съ 28 марта по 8 апрѣля). Пироговъ со своими помощниками переѣхалъ на постоянное жительство въ Дворянское Собраніе. Все это время Пироговъ и его помощники, не раздѣваясь, оставались безпрерывно на перевязочномъ пунктѣ. Во время этой бомбардировки число раненыхъ, прошедшихъ чрезъ руки Пирогова, доходило до 5.000. Вотъ какъ онъ самъ описываетъ главный перевязочный пунктъ въ Дворянскомъ собраніи:

«Въ теченіи 9 дней мартовской бомбардировки безпрестанно тянулись къ входу ряды носильщиковъ; вопли вносимыхъ смѣшивались съ трескомъ бомбъ; кровавый слѣдъ указывалъ дорогу къ парадному входу Собранія. Эти девять дней огромная танцовальная зала Собранія безпрестанно наполнялась и опорожнивалась; приносимые раненые складывались вмѣстѣ съ носилками цѣлыми рядами на паркетномъ полу, пропитанномъ на цѣлые полвершка запекшеюся кровью; стоны и крики страдальцевъ, послѣдніе вздохи умирающихъ, приказанія распоряжающихся—громко раздавались въ залѣ. Врачи, фельдшера и служители составляли группы, безпрестанно двигавшіяся между рядами раненыхъ, лежавшимъ съ оторванными и раздробленными членами, блѣдныхъ, какъ полотно, отъ потери крови и отъ сотрясеній, производимыхъ громадными снарядами. На трехъ столахъ кровь лилась при производствѣ операцій; отнятые члены лежали грудами, сваленные въ ушатахъ. За столами стоялъ рядъ коекъ съ новыми ранеными, и служители готовились переносить ихъ на столы для операцій; возлѣ порожнихъ коекъ стояли сестры, готовыя принять ампутированныхъ».

«Ночью при свѣтѣ стеарина тѣ же самыя кровавыя сцены и нерѣдко еще въ бо́льшихъ размѣрахъ представлялись въ залѣ Дворянскаго Собранія. Въ это тяжелое время безъ неутомимости врачей, безъ ревностнаго содѣйствія сестеръ, безъ распорядительности начальниковъ транспортныхъ командъ, не было-бы никакой возможности подать безотлагательную помощь пострадавшимъ за отечество. Чтобы имѣть понятіе о всѣхъ трудностяхъ этого положенія, нужно себѣ живо представить темную южную ночь, ряды носильщиковъ, при тускломъ свѣтѣ фонарей, направленныхъ ко входу Собранія и едва прокладывавшихъ себѣ путь сквозь толпы раненыхъ пѣшеходовъ, сом-

кнувшихся въ дверяхъ его. Всѣ стремятся за помощью и на помощь, каждый хочетъ скораго пособія, раненый громко требуетъ перевязки или операціи, умирающій—послѣдняго отдыха, всѣ—облегченія страданій. Гдѣ можно было бы безъ дѣятельныхъ строгихъ мѣръ, безъ неусыпной дѣятельности найти достаточно мѣста и рукъ для оказанія безотлагательной помощи».

Нѣкоторое наглядное представленіе о той «неусыпной дѣятельности», которую проявилъ Пироговъ въ Севастополѣ, читатель можетъ себѣ составить, если мы ему скажемъ, что однихъ ампутацій произведено Пироговымъ лично или подъ его наблюденіемъ до 5.000, тогда какъ безъ его участія сдѣлано было всего только около 400. Но эта дѣятельность не только не встрѣчала сочувствія и поддержки, но вызывала сильнѣйшее противодѣйствіе со стороны военно-медицинской администраціи, для которой Пироговъ являлся своего рода enfant terrible. «Вотъ почему онъ изъ Севастополя не вышелъ тѣмъ колоссомъ геніальности, ума и самоотверженія предъ правительствомъ и народомъ, какимъ онъ дѣйствительно былъ». (Генрици, Воспоминанія о восточной войнѣ. Русская Старина 1877—1878 гг.).

А какіе ужасные моменты приходилось переживать Пирогову, какъ человѣку и хирургу, которому дороги его оперированные, можно судить по слѣдующему возмутительному факту безграничной небрежности военной администраціи. Въ одну ночь въ апрѣлѣ 1855 г. Пироговъ получилъ приказаніе изъ штаба перевести всѣхъ раненыхъ и ампутированныхъ въ числѣ 500 человѣкъ послѣ второй бомбардировки города изъ Николаевской баттареи на Сѣверную сторону. Пирогова увѣрили, что тамъ все уже приготовлено для ихъ пріема; самъ онъ не имѣлъ времени отлучиться съ перевязочнаго пункта, куда постоянно подносили свѣжихъ раненыхъ. Оказалось на дѣлѣ, что тамъ, куда повезли этихъ раненыхъ, не существовало даже никакого приготовленнаго зданія для ихъ принятія.

«И вотъ, разсказываетъ Пироговъ, всѣхъ этихъ трудно-оперированныхъ свалили зря, какъ попало, въ солдатскія палатки... До сихъ поръ съ леденящимъ ужасомъ (писано въ 1876 году) вспоминаю эту непростительную небрежность нашей военной администраціи. Но этого было мало! Надъ этимъ лагеремъ мучениковъ вдругъ разразился ливень и промочилъ насквозь не только людей, но даже и всѣ матрацы подъ ними. Несчастные такъ и валялись въ грязныхъ лужахъ. Можно себѣ представить, каково было съ отрѣзанными ногами лежать на землѣ по три и по четыре вмѣстѣ; матрацы почти плавали въ грязи, все подъ ними и около нихъ было насквозь промочено; оставалось сухимъ только то мѣсто, на которомъ они лежали, не трогаясь, но при малѣйшемъ движеніи имъ приходилось попадать въ лужи. А когда кто-нибудь входилъ въ эти палатки-лазареты, то всѣ вопили о помощи, и со всѣхъ сторонъ громко раздавались раздирающіе, пронзительные стоны и крики, и зубовный скрежетъ, и то особенное стучаніе зубами, отъ котораго бьетъ дрожь. Врачи, и сестры могли помогать не иначе, какъ стоя

на колѣнахъ въ грязи. По 20 и болѣе ампутированныхъ умирало каждый день, а ихъ было всѣхъ до 500. Отъ 10 до 20 мертвыхъ тѣлъ можно было находить межъ ними каждый день, и немногіе изъ нихъ пережили двѣ недѣли послѣ этой катастрофы».

1-го іюня 1855 года Пироговъ больной, измученный физически и нравственно, уѣхалъ изъ Севастополя въ Петербургъ.

6-го іюня союзныя войска рѣшились произвести штурмъ Севастополя. Съ громадными потерями этотъ первый штурмъ былъ отбитъ. Опять наступило затишье. Положеніе Севастополя дѣлалось отчаяннымъ. Тотлебенъ, русскій Вобанъ, какъ его называли французы, былъ раненъ, а душа Севастопольской обороны Нахимовъ былъ убитъ. Малаховъ Курганъ, ключъ къ Севастополю, на которомъ въ самомъ началѣ осады палъ Корниловъ, въ концѣ ея сдѣлался могилой для Нахимова. Сраженіе при Черной рѣчкѣ (4-го августа) послужило толчкомъ къ усиленію непріятельскихъ дѣйствій противъ осажденнаго города. 24-го авг. началось такъ называемое шестое бомбардированіе Севастополя, а 27 непріятель пошелъ на штурмъ и овладѣлъ Малаховымъ курганомъ. Это рѣшило участь Севастополя. Въ ночь на 28 авг. городъ былъ оставленъ, и все переселилось на Сѣв. сторону.

Отдохнувъ нѣсколько лѣтомъ въ Ораніенбаумѣ, Пироговъ въ сентябрѣ снова вернулся въ Севастополь, гдѣ засталъ множество раненыхъ послѣ штурма Малахова Кургана. Несчастные кучами лежали въ палаткахъ на Сѣверной сторонѣ. Другихъ приготовляли къ отсылкѣ въ Симферополь или въ Бахчисарай. Теперь весь вопросъ попеченія о раненыхъ и больныхъ сводился къ дальнѣйшему ихъ транспорту изъ Симферополя, куда прежде всего направляли всѣхъ раненыхъ. Въ этомъ пунктѣ скопилось свыше 13.000 больныхъ и раненыхъ. Въ городѣ не хватало мѣста, и въ госпиталяхъ его царствовалъ такой безпорядокъ, что въ результатѣ послѣдовало Высочайшее назначеніе слѣдственной коммиссіи.

Пироговъ перенесъ свою дѣятельность изъ занятаго непріятелемъ Севастополя въ Симферополь и старался всѣми силами упорядочить госпитальный уходъ за больными и ихъ дальнѣйшій транспортъ. Для помѣщенія больныхъ были построены бараки изъ досокъ, лишенные всякихъ удобствъ, не имѣвшіе даже половъ, вслѣдствіе чего въ нихъ постоянно поднималась невозможная пыль. Бараки эти не защищали больныхъ ни отъ холода, ни отъ дождя. И бараки и квартиры для сестеръ милосердія были холодны, сыры и совершенно не имѣли вентиляціи. Госпитальная же администрація во главѣ со своимъ начальникомъ ген. Остроградскимъ, какъ всегда, желала, чтобы врачи

находили все удовлетворительнымъ и очень неохотно отпускала дрова, теплую одежду и горячую пищу.

«Я долженъ былъ, разсказываетъ Пироговъ, неустанно жаловаться, требовать и писать. При этомъ частомъ писаніи мнѣ невозможно было всегда обдумывать слова и выраженія, какія считаются умѣстными въ оффиціальныхъ бумагахъ, и чрезъ это нѣсколько разъ выходили непріятности. Нѣкоторыя мои выраженія въ письменныхъ моихъ просьбахъ оказались «несоотвѣтственными» или недостаточно вѣжливыми. Особенно обидчивымъ на этотъ счетъ показалъ себя начальникъ госпитальной администраціи, г. Остроградскій. Однажды послѣ неоднократныхъ и напрасныхъ моихъ просьбъ къ нему о томъ, чтобы онъ снабдилъ насъ дровами для отопленія нашихъ ледяныхъ бараковъ и помѣщеній сестеръ, Остроградскій напалъ на одно мое «неприличное выраженіе» въ письмѣ («имѣю честь представить на видъ») и пожаловался на меня князю Горчакову, и вслѣдствіе этой жалобы мы дровъ не получили, но я зато получилъ рѣзкій выговоръ отъ Горчакова».

Организація транспорта раненыхъ и больныхъ находилась въ весьма неприглядномъ положеніи. Транспортируемые глубокою осенью и зимой за 400, 500 и даже 700 верстъ раненые и больные зачастую гибли во время продолжительной перевозки, лишенные всякаго ухода, или же платились своими конечностями. Больные съ отмороженными въ транспортахъ ногами наполняли Крымскіе госпитали.

Для того, чтобы обставить по возможности лучше транспортъ раненыхъ, которыхъ отправляли изъ Симферополя въ Перекопъ, Екатеринославъ и Берславъ, Пироговъ устроилъ особое отдѣленіе сестеръ подъ названіемъ транспортнаго со старшей сестрой Бакуниной. Сестры милосердія должны были сопровождать транспорты и вести особые путевые журналы.

Крымская война легла мрачною и гнетущею тучей на отзывчивую душу Пирогова. Среди массы тяжелыхъ, страшныхъ и возмущающихъ душу впечатлѣній, пережитыхъ Пироговымъ въ десятимѣсячное пребываніе въ Крыму, когда по справедливости каждый мѣсяцъ считался за годъ, однимъ изъ немногихъ свѣтлыхъ лучей являлась трогательная и самоотверженная дѣятельность русской женщины — сестры милосердія. Лишь по прошествіи 10 лѣтъ, когда Пироговъ жилъ заграницей, онъ нашелъ возможнымъ въ своихъ «Началахъ военно-полевой хирургіи» подѣлиться со своими товарищами по наукѣ тѣми наблюденіями и тѣмъ богатымъ запасомъ опыта, который онъ вынесъ изъ-подъ стѣнъ Севастополя. Десять лѣтъ понадобилось Пирогову для того, чтобы sine ira et studio воскресить въ своей памяти пережитое и объективно оцѣнить его. Не входя въ подробный разборъ этого классическаго труда, какъ слишкомъ спеціальнаго, мы остановимся лишь на нѣкоторыхъ вопросахъ, представляющихъ болѣе общій интересъ. Сюда относится организація помощи раненымъ.

«Въ военное время, писалъ Пироговъ, почти нѣтъ возможности правильно распорядиться нашими пособіями. То нѣтъ довольно рукъ, то нѣтъ у рукъ головы, то встрѣчаемъ, когда ненужно, избытокъ, а, когда нужно, недостатокъ лицъ, необходимыхъ для самыхъ главныхъ пособій. Поэтому врачъ, получая на свое попеченіе раненыхъ, долженъ прежде всего дѣйствовать административно а потомъ врачебно».

Мысль эту Пироговъ и осуществилъ въ принятой имъ сортировкѣ раненыхъ, о которой мы уже говорили выше и которая практиковалась имъ на перевязочныхъ пунктахъ и при пріемѣ большихъ транспортовъ. Что касается дальнѣйшей судьбы раненыхъ, то Пироговъ, считая крайне неблагопріятнымъ скопленіе громаднаго числа больныхъ и раненыхъ вблизи театра военныхъ дѣйствій въ районѣ расположенія дѣйствующихъ войскъ, предложилъ систему разсѣянія, т. е. раненыхъ послѣ битвы, какъ можно скорѣе, разсѣивать и отдѣлять, размѣщая ихъ въ близъ лежащихъ деревняхъ и городахъ. Эта система была примѣнена пруссаками съ блестящимъ успѣхомъ во франко-прусскую войну. Касаясь другого вопроса, весьма важнаго, именно наиболѣе полной научной обработки медицинскихъ наблюденій на войнѣ, Пироговъ еще за годъ до Женевской конвенціи предлагалъ сдѣлать медицину во время войны нейтральной.

«Военные врачи воюющихъ державъ, читаемъ мы въ «Началахъ военно-полевой хирургіи», должны быть членами одного общаго врачебно-статистическаго комитета... Воюющія стороны могутъ согласиться и въ томъ, чтобы доставлять врачамъ всѣ средства, служащія къ разъясненію научныхъ вопросовъ, интересующихъ все человѣчество, и устранить по возможности препятствія къ взаимнымъ совѣщаніямъ и корреспонденціямъ врачей, а врачи обѣихъ сторонъ въ свою очередь должны быть обязаны честнымъ словомъ и присягой не злоупотреблять данною имъ свободой дѣйствій».

Эта мысль о научномъ общеніи врачей воюющихъ сторонъ такъ занимала Пирогова въ Крымскую кампанію и онъ такъ много говорилъ объ этомъ, что въ Севастополѣ сложилась легенда, будто бы Пироговъ ѣздилъ въ непріятельскій лагерь на небывалую консультацію.

По возвращеніи изъ Крыма въ декабрѣ Пироговъ вскорѣ оставилъ каѳедру хирургіи въ Медико-Хирургической Академіи. Что Пироговъ не «оставилъ и не измѣнилъ хирургіи», это онъ блестящимъ образомъ доказалъ своими классическими «Началами общей военно-полевой хирургіи». Онъ доказалъ это также, откликнувшись немедленно на приглашеніе «Краснаго Креста» посѣтить и осмотрѣть военно-санитарныя учрежденія въ франко-прусскую войну 1870 года и на вторичное приглашеніе того же Общества осмотрѣть военно-врачебныя учрежденія нашей арміи въ 1877 году. Отъ второй крайне утомительной поѣздки П-ва не могли удержать его 67 лѣтъ. Это не

была «измѣна» съ его стороны. Это было separation du corps, въ которомъ на долю Пирогова выпала, быть можетъ, страдательная роль.

Эти соображенія невольно просятся подъ перо, если вспомнить, напр., о пріемѣ, встрѣченномъ Пироговымъ по возвращеніи съ Кавказа и о нѣкоторыхъ другихъ аналогичныхъ эпизодахъ его служебныхъ отношеній. Во весь петербургскій періодъ дѣятельности Пирогову приходилось постоянно вести мелкую и безплодную войну. Онъ *былъ* и желалъ *быть* хирургомъ и профессоромъ хирургіи, но онъ не умѣлъ и не желалъ ни *быть*, ни *казаться* чиновникомъ хирургіи.

Пироговъ—человѣкъ науки былъ человѣкъ кабинета, но не былъ человѣкъ салона.

Неожиданное оставленіе имъ каѳедры хирургіи въ Медико-Хирургической Академіи было тяжелымъ ударомъ для развитія хирургіи въ Россіи. Пироговъ имѣлъ всѣ данныя для того, чтобы создать многочисленную школу хирурговъ изъ своихъ учениковъ.

Восточная война кончилась. Русская Троя—Севастополь—представляла груду развалинъ. Пироговъ, привыкшій вдумываться въ самые мелкіе факты, въ глубокомъ раздумьѣ остановился передъ только-что завершившеюся историческою драмою. Но не съ точки зрѣнія той спеціальной роли, которая выпала на его долю, не съ точки зрѣнія той науки, свой опытъ и знанія въ которой онъ самоотверженно прилагалъ въ осажденномъ городѣ! Врачъ и хирургъ уступилъ въ немъ мѣсто патріоту и мыслителю. На ряду съ «огромными, вонючими ранами, заражающими воздухъ вредными для здоровья испареніями», Пирогова поразили другія не менѣе вонючія, не менѣе огромныя и не менѣе заражающія воздухъ язвы нравственнаго организма русскаго общества. Не вопросы хирургіи, не вопросы лѣченія ранъ физическихъ, а вопросы лѣченія язвъ нравственныхъ, «вопросы жизни» общества заняли умъ Пирогова. Надъ этими вопросами онъ думалъ въ долгіе и безотрадные мѣсяцы Севастопольской осады, сталкиваясь съ людьми, готовыми пожертвовать общественными интересами для своей личной пользы. Какъ Діогенъ, искалъ Пироговъ людей, а находилъ вмѣсто нихъ далеко небезупречныхъ чиновниковъ. Въ чемъ крылась причина этого печальнаго явленія, обнаружившагося во всемъ своемъ безобразіи въ Крымскую компанію? Какъ помочь этому горю? Вотъ вопросы, на которые Пироговъ сталъ искать отвѣта.

Участіемъ Пирогова въ Крымской войнѣ закончилась его оффиціальная хирургическая дѣятельность. Севастополь—вотъ послѣдняя страница блестящаго и многосторонняго періода служенія Пирогова хирургической наукѣ въ роли наставника и клинициста.

VII.

Морской Сборникъ.—«Вопросы жизни».—Назначеніе попечителемъ въ Одессу.—Первое посѣщеніе новаго попечителя.—Отношеніе къ учителямъ и ученикамъ.—Литературныя бесѣды.—Популярность Пирогова среди гимназистовъ. — Попечитель-докторъ.—Ришельевскій лицей. — Сотрудничество въ «Одесскомъ Вѣстникѣ».—«Быть и казаться».—Причины оставленія Одессы.

Послѣ Крымской войны для Россіи настала новая эра. Наступило время обновленія общества: «шкурные» интересы замѣнились интересами высшаго порядка. Если припомнить то время, если снова вдохнуть его воздухъ, то станетъ понятно, что такіе люди, какъ Пироговъ, не могли молчать, а, заговоривъ, не могли этимъ ограничиться. Пироговъ и заговорилъ со страницъ «Морскаго Сборника» съ русскимъ обществомъ объ одномъ изъ кардинальныхъ «вопросовъ жизни»—о воспитаніи.

Современные читатели не должны удивляться, что статья Пирогова появилась въ органѣ такого спеціальнаго вѣдомства, какъ морское. Самый этотъ журналъ, въ которомъ была напечатана первая публицистическая статья Пирогова, можетъ служить прекрасною иллюстраціей вѣяній того времени.

Издававшійся съ 1848 года при морскомъ министерствѣ журналъ «Морской Сборникъ», носившій характеръ скромнаго спеціальнаго органа и предназначенный для небольшаго числа обязательныхъ подписчиковъ, совершенно измѣнилъ свою программу ко времени Восточной войны и сталъ расходиться въ большомъ количествѣ экземпляровъ; въ немъ сотрудничали такіе ученые, какъ Ленцъ, Бэръ, Струве. Здѣсь появились прекрасныя произведенія Максимова, Потѣхина, Данилевскаго, Островскаго, Писемскаго, Афанасьева-Чужбинскаго и др. писателей, командированныхъ морскимъ министерствомъ въ 1856 году для собранія точныхъ и подробныхъ свѣдѣній о населеніи приморскихъ и рѣчныхъ областей Россіи. Эта счастливая мысль, подарившая русской литературѣ художественныя описанія, принадлежала стоявшему во главѣ морскаго вѣдомства великому князю Константину Николаевичу, благодаря иниціативѣ котораго «Морской Сборникъ» сдѣлался проводникомъ гуманныхъ реформъ того времени. Въ «Морскомъ Сборникѣ» намѣчались неотложныя реформы, которыя правительство предполагало ввести. Неудивительно, что къ голосу «Морскаго Сборника» прислушивалась вся остальная пресса, которая только развивала взгляды его. Въ виду предстоявшаго преобразованія военно-морскихъ учебныхъ заведеній морской ученый комитетъ открылъ страницы «Морскаго

Сборника» для обмѣна мыслей по вопросу о воспитаніи вообще. Наконецъ неоффиціальными статьями «Морскаго Сборника» о воспитаніи были выведены на свѣтъ отрывки изъ забытыхъ бумагъ—«Вопросы жизни»—Пирогова (Морской Сборникъ, іюль, 1856 г. т. XXIII, № 9). Имя Пирогова, разумѣется, говорило за то, что статья будетъ прочтена со вниманіемъ. Эффектъ ея былъ чрезвычайный. По свидѣтельству Стоюнина и другихъ современниковъ, Пироговъ, видѣвшій въ Севастополѣ результаты господствовавшей системы воспитанія, отнесся къ ней со всей безпощадной правдивостью и воочію показалъ всю ея несостоятельность. Даже и теперь, спустя почти 40 лѣтъ, «Вопросы жизни» не утратили своего значенія и читаются съ полнымъ интересомъ.

Въ изданіи сочиненій Пирогова 1887 г. «Вопросы жизни» подверглись большимъ купюрамъ и вставкамъ, значительно измѣняющимъ первоначальную физіономію этой статьи. Пироговъ ищетъ и не находитъ отвѣта въ жизни на тѣ проклятые вопросы о цѣли жизни, которые въ наше время опять поставилъ и не разрѣшилъ Левъ Толстой.

«Общественный хирургъ», по счастливому выраженію Стоюнина, нашелъ, что и теперь все осталось «яко же бо бысть въ дни Ноевы». Въ древности, по крайней мѣрѣ, люди были послѣдовательны и жили такъ, а не иначе, по извѣстнымъ убѣжденіямъ, которыя могли быть ложны, ошибочны, но все-таки это были убѣжденія, основанныя на ученіяхъ различныхъ философскихъ школъ. Въ XIX же вѣкѣ, вступая въ жизнь, задаваясь «столбовыми вопросами», мы оказываемся вполнѣ несостоятельными передъ ними, потому что мы *не воспитаны*. Конечно, масса живетъ по инерціи, слѣдуя толчку, данному обществомъ въ направленіи, принятомъ обществомъ; но есть еще жизнь индивидуальная, жизнь «въ себѣ», стоящая въ разладѣ съ направленіемъ общества. Остается приспособляться къ обществу или бороться съ нимъ. Дилемма эта разрѣшается различно.

Дѣло въ томъ, что все общество, по убѣжденію Пирогова, представляетъ одну огромную инертную толпу и нѣсколько меньшихъ, придерживающихся самыхъ разнообразныхъ взглядовъ на жизнь. Такихъ взглядовъ авторъ насчитываетъ восемь.

Одни совѣтуютъ не думать много, потому что думая можно потерять аппетитъ и сонъ. Взглядъ, какъ видите, простой и привлекательный. Болѣе высокій взглядъ—это совѣтъ много читать и учиться, вообще поумнѣть, а умъ уже подскажетъ, куда идти. Далѣе слѣдуетъ взглядъ старообрядческій, по выраженію Пирогова, рекомендующій строгое соблюденіе постовъ и молитвы. По взгляду

иныхъ людей-практиковъ можно жить и безъ убѣжденій, лишь бы имѣть полный карманъ. На такой же практической подкладкѣ построенъ взглядъ, что слѣдуетъ уживаться съ людьми и соблюдать декорумъ, а думать—Gedanken sind zollfrei (каждый воленъ думать, что хочетъ). Существуетъ однако и печальный взглядъ, который говоритъ, что, не зная, откуда взялся, человѣкъ умретъ, не зная, зачѣмъ жилъ. Зато имѣется въ запасѣ и веселый взглядъ—пользоваться настоящимъ—взглядъ временъ регентства, прибавимъ мы.

Наконецъ къ практическимъ взглядамъ на жизнь относится и взглядъ «благоразумный», въ силу котораго слѣдуетъ выбрать себѣ наиболѣе выгодную и подходящую роль въ практической жизни, не задаваясь при этомъ никакими теоретическими стремленіями.

Обыкновенно, вступающіе въ жизнь примыкаютъ къ какому-нибудь изъ этихъ взглядовъ и на этомъ успокоиваются, утрачивая съ лѣтами «всякую наклонность перемѣнить или перевоспитать себя».

Если бы такъ всегда и оканчивалось, то общество оставалось бы, какъ уже сказано, вѣчно раздѣленнымъ на одну огромную толпу и нѣсколько меньшихъ. Всѣ бы спокойно забыли то, о чемъ толковало воспитаніе. «Воспитаніе сдѣлалось бы продажнымъ билетомъ для входа въ театръ». Однако люди, родившіеся «съ притязаніями на умъ и чувство», не могутъ оставить «безъ сожалѣнія и ропота высокое и святое». Они слишкомъ совѣстливы, разборчивы въ путяхъ. Они ищутъ проложить новые пути. Многіе падаютъ въ этой внутренней борьбѣ. Въ свою очередь и самые взгляды, руководящіе обществомъ, не отличаются законченностью и допускаютъ всевозможныя дальнѣйшія варіаціи. Все это не служитъ, конечно, къ единенію. Изъ этого положенія можно выйти тремя путями: 1) согласить воспитаніе съ торговымъ направленіемъ общества, 2) перемѣнить направленіе общества, 3) приготовить воспитаніемъ къ жизненной борьбѣ, къ этому неравному бою. Первый путь невѣрный, іезуитскій, которому Пироговъ нисколько не сочувствуетъ. Второй—вопросъ будущаго. Остается третій, который и значитъ сдѣлать насъ *людьми*, чего не достигаетъ ни одна реальная школа, стремящаяся сдѣлать «*съ самаго ранняго дѣтства*» негоціантовъ, моряковъ и т. д.

Больше всего возмущаетъ Пирогова, что реальное воспитаніе прилагается въ самомъ дѣтскомъ возрастѣ. Вѣдь начатки образованія во всѣхъ школахъ тѣ же, и тогда незачѣмъ отдавать дѣтей именно въ реальныя школы. Если-же иные, то практическая сторона заслонитъ совершенно нравственную, для культивированія которой не будетъ времени.

«Дайте созрѣть и окрѣпнуть внутреннему человѣку, проситъ Пироговъ, наружный успѣетъ еще дѣйствовать. Выходя позже, онъ будетъ, можетъ быть, не такъ сговорчивъ и уклончивъ, но за то на него можно будетъ положиться: не за свое не возьмется. Дайте выработаться и развиться внутреннему человѣку! Дайте ему время и средства подчинить себѣ наружнаго, и у васъ будутъ и негоціанты, и солдаты, и моряки, и юристы, а главное, у васъ будутъ люди и граждане».

Защищаясь противъ обвиненія, будто онъ предлагаетъ закрыть и уничтожить реальныя и спеціальныя школы, Пироговъ возстаетъ противъ двухъ крайностей, что родители самоуправно распоряжаются участью дѣтей, и что реально-спеціальныя школы принимаются за воспитаніе тѣхъ возрастовъ, для которыхъ общее человѣческое образованіе несравненно существеннѣе всѣхъ практическихъ приложеній. «Уже давно оставленъ варварскій обычай выдавать дочерей замужъ по неволѣ, а невольный и преждевременный бракъ сыновей съ ихъ будущимъ поприщемъ допущенъ и привиллегированъ; заказное ихъ вѣнчаніе съ наукой празднуется и прославляется, какъ вѣнчаніе дожа съ моремъ». Можно получить спеціально-практическое образованіе не въ ущербъ общему человѣческому.

«Вникните и разсудите, отцы и воспитатели! взываетъ далѣе Пироговъ. Всѣ должны сначала научиться быть людьми. Всѣ до извѣстнаго періода жизни, въ которомъ ясно обозначаются ихъ склонности и ихъ таланты, должны пользоваться плодами одного и того же нравственно-научнаго просвѣщенія. Не даромъ извѣстныя свѣдѣнія изстари назывались *humaniora*, т. е. необходимыя для каждаго человѣка. Эти свѣдѣнія остаются навсегда тѣми же свѣтильниками на жизненномъ пути и древняго, и новаго человѣка».

Прекрасно сознавая всю необходимость спеціализированія при современныхъ успѣхахъ наукъ и искусствъ, Пироговъ тѣмъ не менѣе думаетъ, что «никогда не нуждались истинные спеціалисты такъ сильно въ предварительномъ общечеловѣческомъ образованіи, какъ именно въ нашъ вѣкъ. Односторонній спеціалистъ есть или грубый эмпирикъ, или уличный шарлатанъ». Въ устахъ такого спеціалиста, какъ Пироговъ, подобныя слова пріобрѣтаютъ особое значеніе.

Спрашивается, какъ приготовить дѣтей къ неизбѣжной, имъ предстоящей борьбѣ. «Каковъ долженъ быть юный атлетъ, приготовляющійся къ этой роковой борьбѣ?» Онъ долженъ имѣть хотя какое-нибудь притязаніе на умъ и чувство, не уклоняясь однако черезчуръ въ сторону грубаго матеріализма и холоднаго разума, отвѣчаетъ Пироговъ. «Скажутъ, что это общія риторическія фразы. Не требуйте отъ меня большаго; больше этого у меня нѣтъ ничего на свѣтѣ», вырывается у Пирогова. «Пусть ваши педагоги сдѣлаютъ изъ моихъ и вашихъ дѣтей то, чего я такъ искренно желаю, и я обѣщаюсь никого не безпокоить риторическими фразами, а молчать»,

не безъ ироніи завѣряетъ Пироговъ. «Повѣрьте мнѣ. Я испыталъ эту внутреннюю роковую борьбу, къ которой мнѣ хочется приготовить исподволь и заранѣе нашихъ дѣтей; мнѣ дѣлается страшно за нихъ, когда я подумаю, что имъ предстоятъ тѣ же опасности». Отъ этой борьбы не спасаетъ и та дрессировка, которая господствуетъ въ школѣ и которой Пироговъ посвящаетъ чрезвычайно образныя и справедливыя строки.

Статья Пирогова обратила на себя вниманіе тогдашняго министра народнаго просвѣщенія Норова, который и предложилъ ему занять мѣсто попечителя Одесскаго учебнаго округа. Знаменитый хирургъ принялъ это предложеніе и 3 сентября 1856 года былъ назначенъ исправляющимъ должность попечителя. Знакомые съ взглядами Пирогова на воспитаніе, взглядами, вылившимися въ «Вопросахъ жизни», согласятся, что онъ былъ подготовленъ къ принятой на себя задачѣ практическаго проведенія своихъ взглядовъ. И по личнымъ качествамъ, и по опыту, и по образованію это былъ человѣкъ съ твердымъ планомъ, намѣченнымъ и продуманнымъ. «Въ моихъ глазахъ попечитель есть не столько начальникъ, сколько миссіонеръ», говоритъ онъ позднѣе. И дѣйствительно, Пироговъ миссіонерствовалъ сперва въ Одессѣ, но особенно въ Кіевѣ. Когда Пироговъ явился въ Одессу, онъ засталъ тамъ ужасные порядки въ учебныхъ заведеніяхъ.

«Въ то время, когда Пироговъ былъ назначенъ попечителемъ, вспоминаетъ на страницахъ «Русской Старины» старый гимназистъ, въ низшихъ и среднеучебныхъ заведеніяхъ (до IV класса) царила розга. Кромѣ розги, практиковалась и кулачная расправа. Во второй одесской гимназіи съ этой стороны пріобрѣлъ знаменитость учитель нѣмецкаго языка въ низшихъ параллельныхъ классахъ Андріясевичъ... Кровь на лицѣ, шишки на головѣ (онъ очень мѣтко бросалъ мѣломъ), клокъ выдернутыхъ волосъ — таковы вещественные результаты часоваго пребыванія Андріясевича въ классѣ нѣмецкаго языка... Разумѣется, и десятая часть подвиговъ этого наставника осталась неизвѣстною Пирогову; но достаточно было и немногаго, чтобы Пироговъ попросилъ его убраться» (Добровъ).

Естественно, что пріѣзда новаго попечителя ожидали съ нетерпѣніемъ, иные съ трепетомъ. Говорили, что новый начальникъ человѣкъ крутой, рѣзкій, съ манерами грубыми, не то что покладистый мягкій Княжевичъ, бывшій попечитель. Административныя лица учебнаго вѣдомства заранѣе уже побаивались его.

«Однажды—читаемъ мы въ воспоминаніяхъ Доброва:—сидимъ мы на урокѣ латинскаго языка; двери безшумно отворяются, и входитъ небольшая, слегка сутуловатая фигура въ широкомъ пальто-сюртукѣ. Въ первое мгновеніе ученики не обратили вниманія и оставались сидѣть на своихъ мѣстахъ; только слегка вытянувшаяся фигура учителя Протопопова и появленіе за

спиной новой личности директора Шершеневича съ выраженіемъ торжественности на застывшемъ лицѣ дало намъ понять, что это и есть новый попечитель, притомъ же директоръ многозначительно и пристально взглянулъ на насъ. Мы догадались и встали. Пироговъ кивкомъ головы поздоровался съ гимназистами и велѣлъ имъ сѣсть. Сказавъ что-то директору. Пироговъ усѣлся на концѣ первой скамьи по сосѣдству съ учениками. Шершеневичъ вскорѣ тихо вышелъ изъ класса, конечно въ виду желанія Пирогова. «Продолжайте, на чемъ остановились!» обратился Пироговъ къ Протопопову. Урокъ возобновился и пошелъ своимъ чередомъ. Пироговъ, спрятавъ руки въ широкіе рукава своего сюртука-пальто, внимательно слѣдилъ за ходомъ урока. Читали кажется Виргилія». Оригиналъ-попечитель взялъ у сосѣда экземпляръ, слѣдилъ за переводомъ, предлагалъ вопросы, поправлялъ неудачный переводъ, вступалъ въ объясненія съ учителемъ. При этомъ Пироговъ обнаружилъ знанія, подкрѣпляя свои замѣчанія филологическими и историческими справками. Вначалѣ оторопѣлый, учитель ободрился и свободно объяснялся съ попечителемъ. Характерно это отсутствіе генеральства, всегда такъ выгодно отличавшее Пирогова. Поправляя переводъ учителя, вставляя свои замѣчанія, Пироговъ прибавлялъ ничего не значащія на первый взглядъ, но скрашивающія взаимныя отношенія слова: «мнѣ кажется», «я думаю». Затѣмъ Пироговъ самъ вызывалъ нѣкоторыхъ учениковъ, между прочимъ толкнулъ своего сосѣда и велѣлъ переводить, причемъ розыгралась слѣдующая не лишенная комизма сценка. Гимназистъ всталъ. «Не надо, не надо! Читайте сидя!» Бѣдный «сосѣдъ», слегка подергивая плечами и подправляясь, началъ переводить. Пироговъ просидѣлъ въ классѣ весь урокъ.

Такія посѣщенія, а не минутные визиты, дѣйствительно знакомили попечителя съ учащимъ персоналомъ и могли служить для правильной оцѣнки годности и способности преподавателей.

На урокахъ латинскаго, исторіи, русской словесности и физики,—предметы, которые Пироговъ зналъ и любилъ,—онъ оставался до конца, предлагая вопросы. Гимназисты скоро привыкли и освоились съ попечителемъ. На урокѣ исторіи нѣкоторые ученики пускались «въ разсужденія». Пироговъ выслушивалъ, вставлялъ свои замѣчанія, иногда смѣялся, если ученикъ зарапортуется. Надо знать, что въ классѣ никакого гимназическаго начальства не присутствовало. Пироговъ не придавалъ значенія этой mise en scène и при первомъ же посѣщеніи пожелалъ остаться одинъ съ учителемъ и учениками. Онъ не хотѣлъ имѣть посредниковъ въ лицѣ директора, полагаясь лучше на свое собственное впечатлѣніе. Пироговъ входилъ всегда безшумно, въ качествѣ обыкновеннѣйшаго, простѣйшаго смертнаго, безъ всякой обычной свиты. При своихъ посѣщеніяхъ, о которыхъ заранѣе никто обыкновенно не зналъ, Пироговъ обращался къ первому попавшемуся ему на встрѣчу въ корридорѣ гимназіи лицу. У такого случайнаго путеводителя онъ узнавалъ, гдѣ такой-то классъ; тотъ доводилъ посѣтителя до дверей и удалялся, такъ какъ Пиро-

говъ двери отворялъ самъ. Мелочи, скажете вы. Конечно, мелочи. Но припомните щедринскія «мелочи жизни» и вы оцѣните по достоинству пироговскія.

«Приходилъ онъ въ гимназію обыкновенно пѣшкомъ: многіе маленькіе ученики его не знали и при встрѣчѣ въ воротахъ, не снимая фуражки, съ любопытствомъ озирались на него, потомъ сами же и разсказывали надзирателю, за что и получали должный выговоръ. Въ грязную погоду Пироговъ приходилъ въ большихъ калошахъ-корабляхъ, съ засученными панталонами и такъ входилъ въ классъ и садился на скамьѣ, слегка сгорбившись. Какъ теперь, вижу эту невысокую фигуру съ большими сѣдоватыми баками, съ густыми нависшими бровями, изъ-подъ которыхъ выглядывали два маленькихъ остро-проницательныхъ глаза; выслушивая объясненія, Пироговъ иногда пристально всматривался въ говорившаго: маленькіе глаза его пронизывали человѣка насквозь, какъ бы совершали духовный діагнозъ говорившаго... Казалось, что подъ слоемъ фразъ эти маленькіе, углубленные въ орбиты глаза желали схватить самое нутро. Не обращая совершенно никакого вниманія на старанія гимназическаго начальства придать класснымъ комнатамъ внѣшнюю чистоту, Пироговъ, входя въ классъ, углублялся тотчасъ въ книгу или пристально смотрѣлъ на говорившаго съ нимъ ученика, заботясь конечно не о недостающихъ на сюртукахъ пуговицахъ или высунувшемся воротничкѣ сорочки Скоро гимназисты полюбили этого «суроваго и жесткаго человѣка»; мы съ свободнымъ искреннимъ уваженіемъ относились къ нему; молодой инспекторъ нашъ угадалъ въ немъ великаго человѣка-гуманиста прежде еще, чѣмъ о немъ заговорили въ Одессѣ во всѣхъ слояхъ общества».

Недолго пробылъ Пироговъ въ Одессѣ, но и это короткое время прошло не безслѣдно. Такъ, онъ организовалъ литературныя бесѣды въ гимназіяхъ. Цѣль этихъ бесѣдъ разъясняется въ небольшой статьѣ подъ тѣмъ же заглавіемъ, вошедшей въ его сочиненія,—это подготовить будущихъ студентовъ университета, пріучить ихъ исподволь къ самостоятельному научному труду, безъ котораго ученіе въ университетѣ, по справедливому мнѣнію Пирогова, безплодно. Темы должны конечно давать наставники, потому что выборъ темы требуетъ слишкомъ много такта и долженъ быть по средствамъ ученика, чтобы тема не осилила избравшаго, а напротивъ, чтобы ее осилилъ избравшій. Сочиненія писались обыкновенно по исторіи и рус. словесности. Литературные вечера продолжались съ 7 до 11—12 часовъ ночи. Собирались въ большой залѣ 1-й одес. гимназіи. Ученики 1-й и 2-й гимназій разсаживались отдѣльно. Въ концѣ продолговатой, образующейся между ними площадки находилась кафедра, къ которой подходилъ референтъ, становясь лицомъ къ учителямъ и приглашавшимся на бесѣды профессорамъ. На эти бесѣды допускались ученики послѣднихъ трехъ классовъ. Литературные вечера сдѣлались очень популярными, и гимназисты посѣщали эти необязательныя бесѣды очень усердно. Они могли услышать здѣсь профес-

соровъ лицея, которые, подстрекаемые присутствіемъ Пирогова, оппонировали юнымъ гимназистамъ. Бесѣды превращались въ лекціи, изъ которыхъ участники все-таки много выносили.

Пироговъ конечно не забросилъ своихъ медицинскихъ знаній и продолжалъ практиковать. Бѣдные ученики, не имѣвшіе средствъ платить доктору, обращались къ Пирогову въ качествѣ паціентовъ, даже съ тѣми болѣзнями, которыя сопровождаютъ обыкновенно юношескій возрастъ. «И какъ это у васъ хватило смѣлости идти съ такою болѣзнью къ г. попечителю! Вотъ увидите, будетъ вамъ!» говорили надзиратели. Но гимназисты знали къ кому шли. Они посмѣивались на замѣчанія надзирателей. Нечего и говорить—прибавляетъ разсказчикъ—что предсказанія начальства о дурныхъ послѣдствіяхъ для ученика никогда не сбывались.

Таковы были отношенія попечителя къ гимназистамъ.

Помимо гимназій, въ Одессѣ было особое учебное заведеніе, Ришельевскій лицей. На этотъ-то лицей и обратилъ Пироговъ свое вниманіе, задумавъ преобразовать это высшее учебное заведеніе въ университетъ. Необходимость такого преобразованія была очевидна для Пирогова при первомъ же знакомствѣ съ характеромъ заведенія. Поставивъ себѣ такую задачу, Пироговъ сталъ неуклонно добиваться осуществленія ея. Не желая дѣйствовать единолично, что противорѣчило его принципамъ, онъ предложилъ Совѣту лицея обсудить мѣры къ его улучшенію. Результатомъ совѣщаній явилось то, что мысль Пирогова нашла себѣ полную поддержку въ Совѣтѣ. Какъ извѣстно, Ришельевскій лицей былъ преобразованъ въ Новороссійскій университетъ въ 1865 г., т. е. значительно позже. Въ ожиданіи выполненія своего проэкта Пироговъ прилагалъ всѣ старанія поднять лицей, что ему въ значительной степени и удалось. Для пріобрѣтенія физическихъ и химическихъ приборовъ, минераловъ и пр. былъ посланъ за границу профессоръ химіи въ Лицеѣ Гассгагенъ. По иниціативѣ Пирогова студенты лицея устроили кабинетъ для собственнаго чтенія. За время управленія Пироговымъ кабинеты лицея—минералогическій, физическій, астрономо-геодезическій, зоологическій, технологическій, земледѣльческихъ орудій, нумизматическій и химическая лабораторія составляли предметъ его постоянныхъ попеченій. Примѣръ ученаго попечителя, его любовь къ наукѣ передались и студентамъ лицея, и результаты этого наглядно обнаружились. Пироговъ не обращалъ вниманія на внѣшнюю сторону, а требовалъ отъ студентовъ, чтобы они дѣйствительно были студентами. Благодаря этому, поведеніе студентовъ во все время управленія Пирогова округомъ было бе-

зукоризненно. Въ нихъ стало обнаруживаться сознаніе необходимости усиленныхъ и напряженныхъ занятій; даже вновь поступающіе поняли, что къ нимъ предъявляются иныя требованія, и являлись поэтому съ лучшей подготовкой. Въ своихъ заботахъ о поднятіи уровня знаній въ начальныхъ школахъ Пироговъ проэктировалъ устроить при лицеѣ педагогическую семинарію.

Обратимся теперь къ публицистической дѣятельности «общественнаго хирурга» въ Одессѣ, къ его статьямъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», превратившемся изъ безцвѣтнаго провинціальнаго листка въ почтенный литературный органъ. Благодаря Пирогову «Одесскій Вѣстникъ» перешелъ въ завѣдованіе лицея. Совѣтъ послѣдняго избралъ въ редакторы профессоровъ Георгіевскаго и Богдановскаго. Весьма характерно письмо, которымъ привѣтствовалъ попечитель новыхъ редакторовъ. Въ этомъ письмѣ, помѣщенномъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», Пироговъ выставляетъ всю трудность для будущаго органа лицея служить въ то же время и вкусамъ публики.

«Лицей и публика! Вы вѣрно не угодите лицею, если будете помѣщать дребедень въ фельетонѣ или сдѣлаете его газету лавочной вывѣской. Лицей хочетъ говорить о дѣлѣ. Онъ хочетъ доказать, что онъ не просто только разсадникъ чиновниковъ двѣнадцатаго класса. Принявъ на себя изданіе газеты, онъ желаетъ доказать предъ правительствомъ, что онъ не понапрасну считается высшимъ образовательнымъ учрежденіемъ цѣлаго края, а что всѣ интересы, всѣ потребности края ему близки къ сердцу».

Далѣе идутъ слѣдующія прекрасныя строки:

«Вспомните, что «Одесскій Вѣстникъ» можетъ попасть въ руки и великорусса, и малороссіянина, и молдавана, и грека, и еврея. Вспомните, что Одесса живетъ пшеницей, что степь плохой проводникъ убѣжденій и просвѣщенія. А убѣдить людей, даже и нестепныхъ, что и пшеница, и интересы разноплеменныхъ типовъ, и все на свѣтѣ можетъ быть приводимо и даже можетъ быть приведено къ одному знаменателю, нелегко. Вспомните, что великое слово «впередъ», столь одушевлявшее солдатъ Суворова и Блюхера, не на всѣхъ дѣйствуетъ также магически. Есть еще много на свѣтѣ господъ, и степныхъ, и столичныхъ, которые не только не знаютъ, что можно и должно идти впередъ, но и вообще не знаютъ, что всякій изъ нихъ, какъ нибудь, да идетъ впередъ-ли или назадъ». — Избѣгая давать какіе либо совѣты, Пироговъ хотѣлъ лишь обратить вниманіе редакторовъ на трудность ихъ новаго дѣла, «во всеуслышаніе пожелать успѣха». «Я сравниваю васъ, гг. редакторы, съ артистомъ, выступающимъ на сцену предъ разнохарактерной публикой. Его публика такъ же, какъ и ваша, занимаетъ и партеръ, и ложи, и раекъ. Если артистъ человѣкъ съ талантомъ и призваніемъ, то станетъ-ли онъ своею игрою заискивать благоволенія у сидящихъ во всѣхъ ярусахъ и рядахъ, вверху и внизу? Истинный талантъ и истинное искусство привлекаютъ, не спускаясь».

Изъ этого письма читатели убѣждаются, какъ широко смотрѣлъ Пироговъ на роль газеты. Но онъ не ограничился одними благими

пожеланіями. Въ *Одесскомъ Вѣстникѣ* появлялись его статьи и, по призыву его, многихъ учителей изъ всѣхъ концовъ округа, такъ что газета пріобрѣла дѣйствительно серьезный оттѣнокъ. По поводу одной статьи, робко намекавшей на невыгоды несвободнаго труда, Пирогову пришлось даже открыто въ томъ же *Одесскомъ Вѣстникѣ* защищаться отъ инсинуацій другого мѣстнаго органа и заявлять, что по смыслу закона цензоръ не долженъ читать того, что прямо не написано у автора.

Изъ статей, помѣщенныхъ Пироговымъ въ *Одесскомъ Вѣстникѣ*, остановимся на одной «*Быть и казаться*», которая краснорѣчиво доказываетъ, какъ щепетильно онъ относился къ своимъ обязанностямъ попечителя, и освѣщаетъ его взгляды на дѣло воспитанія. Ученики 2-й одесской гимназіи, подражая студентамъ лицея, пожелали устроить спектакль съ благой цѣлью—помочь товарищамъ. Требовалось разрѣшеніе попечителя, которое по бывшимъ прецедентамъ и послѣдовало. Тѣмъ бы дѣло и должно было кончиться, повидимому. Но у Пирогова, по его словамъ, родился нравственно-педагогическій вопросъ, можно ли позволять молодымъ людямъ, чтобы они прямо со школьной скамьи выступали на сцену и представлялись дѣйствующими лицами передъ публикой? Мелкій на первый взглядъ вопросъ о разрѣшеніи спектакля выросъ такимъ образомъ до принципіальнаго, который безпокоилъ Пирогова, но который онъ долженъ былъ себѣ разрѣшить. Не будучи педагогомъ по профессіи, откровенно и часто сознаваясь въ этомъ, Пироговъ тѣмъ не менѣе глубоко вдумывался во всѣ встрѣчавшіеся ему случаи педагогической практики и старался исчерпать вопросъ. Въ этомъ сказалась нѣмецкая основательность дерптскаго профессора. Свои сомнѣнія въ пользѣ такихъ зрѣлищъ, развивающихъ въ неопредѣлившемся еще ребенкѣ искусство притворяться и знакомящихъ его съ наукой «быть и казаться», Пироговъ выразилъ въ прекрасной статьѣ подъ тѣмъ же заглавіемъ. Нельзя не согласиться съ грустными словами автора, что «и не выходя на театральную сцену, на одной сценѣ жизни ребенокъ скоро научится лучше казаться, чѣмъ быть». Міръ фантазіи и дѣйствительность въ глазахъ ребенка—говоритъ авторъ—составляютъ одно цѣлое. Въ его душѣ нѣтъ этой двойственности, этого разлада между *быть* и *казаться*. Онъ вполнѣ живетъ въ мірѣ сказочномъ. Совсѣмъ не то на сценѣ, когда ребенокъ прекрасно знаетъ, что онъ играетъ чужую несвойственную ему роль и слѣдовательно притворяется. Оберегая душу ребенка, Пироговъ считаетъ профанаціей вводить мальчика въ нездоровую атмосферу подмостковъ, сры-

ванія хлопковъ и похвалъ со стороны снисходительныхъ цѣнителей и судей. Отсюда—*казаться* и *быть*. Отъ театральной сцены къ школьной, къ пресловутымъ экзаменамъ, одинъ только шагъ. «Но не лучше выставокъ дѣтей на паркетѣ и театральной сценѣ и публичныя выставки на сценѣ школьной. Это тоже театръ въ своемъ родѣ. Да еще на театрѣ выставляется, по крайней мѣрѣ, то, что должно быть выставлено: искусство притворяться и великій даръ заставлять себя чувствовать по собственной волѣ. А на публичныхъ экзаменахъ выставляется на показъ знаніе, котораго истина и значеніе ничѣмъ столько не оцѣняются, какъ скромностью».

Однако недолго продолжалась плодотворная дѣятельность Пирогова въ Одессѣ. Частью изъ-за его отношенія къ прессѣ, частью изъ-за одной выходки студентовъ лицея, пожелавшихъ отпраздновать прочтенное ими въ нумерѣ газеты «Indépendence Belge« извѣстіе объ эмансипаціи крестьянъ, выходки, слишкомъ раздутой, Пироговъ вынужденъ былъ оставить Одессу и былъ назначенъ попечителемъ въ Кіевскій округъ 18 іюля 1858 г.

23 августа 1858 г. преподаватели лицея и обѣихъ гимназій чествовали своего отъѣзжавшаго попечителя обѣдомъ, воспользовавшись и тѣмъ, что съ этимъ совпало тридцатилѣтіе его медицинской дѣятельности. Отвѣчая на тосты и рѣчи, Пироговъ упомянулъ о будущемъ университетѣ, за участь котораго онъ опасался въ атмосферѣ торговли, пыли и грязи Одессы, въ этомъ усиливающемся матеріализмѣ, къ борьбѣ съ которымъ онъ призывалъ слушателей.

Дѣятельность Пирогова, какъ попечителя и публициста, нашла себѣ сочувственный отголосокъ и въ дальнемъ Петербургѣ. Студенты Петербургскаго университета, предпринявшіе въ 1857 году подъ редакціей проф. Сухомлинова изданіе Сборника, пожелали узнать вѣское слово великаго учителя. Отвѣтъ Пирогова, остроумный по содержанію и изящный по слогу, не заставилъ себя долго ждать.

«Предсказать участь желѣзныхъ дорогъ и литературныхъ предпріятій въ Россіи, по малой мѣрѣ, трудно. Покуда можно утверждать навѣрное только одно: и тѣ, и другія необходимы. Покуда и этого убѣжденія достаточно, чтобы начинать. Дѣятельность, какъ бы ея результаты ни были сомнительны, все таки отраднѣе для общества, чѣмъ *vis inertiae* съ ея неизбѣжными и вѣрными слѣдствіями. Докажите, вспомнивъ Декартово: *cogito, ergo sum* (мыслю, слѣдовательно живу), что вы живете, это будетъ уже огромная заслуга, когда еще не пришло время доказать, какъ вы живете. Со временемъ обнаружится и это. Когда чувствуешь, что живешь, нельзя не сочувствовать признакамъ жизни; и я, видитъ Богъ, имъ вполнѣ сочувствую. Болѣе ничего сказать вамъ не умѣю и не могу, да и не считаю нужнымъ. Если вы уже научились имѣть убѣжденія, и если вы уже имѣете убѣжденіе, что ваша дѣятельность будетъ полезна,—тогда, никого не спра-

шивался, вѣрьте себѣ, и труды ваши будутъ именно тѣмъ, чѣмъ вы хотите, чтобы они были. Если нѣтъ, то ни совѣты, ни одобренія не помогутъ. Дѣло безъ внутренняго убѣжденія, выработаннаго наукой самопознанія, все равно, что дерево безъ корня. Оно годится на дрова, но расти не будетъ. И такъ, хотите непремѣнно знать будущность вашего предпріятія? Вникните въ себя поглубже и узнайте повѣрнѣе—есть-ли въ васъ убѣжденіе, что ваши труды должны непремѣнно достигнуть той цѣли, которую вы имъ предназначаете. Если да, — начинайте смѣло. Остальное придетъ само собою рано или поздно. А я, благодаря васъ отъ души за вашу довѣренность ко мнѣ, буду ожидать, что это именно такъ и случится».

Въ этомъ письмѣ сказывается авторъ «Вопросовъ жизни» весь.

VIII.

Пріѣздъ въ Кіевъ.—«Правила о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ гимназій».—Отчетъ о слѣдствіяхъ введенія правилъ. — Университетъ и студенты.—Университетскій вопросъ въ статьяхъ Пирогова.—Воскресныя школы.—Циркуляры по учебному округу.—Прощаніе Кіевскаго учебнаго округа со своимъ попечителемъ.—Пироговъ—мировой посредникъ.—Командировка отъ министерства народнаго просвѣщенія за границу. — Письма въ «Голосъ».—Удаленіе въ деревню.

Пироговъ пріѣхалъ въ Кіевъ уже съ извѣстнымъ административно-педагогическимъ опытомъ. Два года одесскаго попечительства показали, что онъ не былъ только теоретикомъ, а и прекраснымъ практикомъ и находился здѣсь дѣйствительно на своемъ мѣстѣ. Продолжая свою миссіонерскую дѣятельность, Пироговъ прежде всего задался цѣлью изгнать изъ школы тѣ дикія, почти враждебныя отношенія, какія существовали между воспитанниками и наставниками. Въ основѣ этихъ отношеній лежалъ произволъ со стороны школьнаго начальства, поддерживавшаго свой авторитетъ только розгой. Еще въ Одессѣ Пироговъ рѣшительно высказался въ печати противъ цѣлительности розги въ дѣлѣ воспитанія. Вопросъ о розгѣ или, какъ названа статья Пирогова объ этомъ,—«Нужно ли сѣчь дѣтей и сѣчь въ присутствіи другихъ дѣтей»—«мелочный и, такъ сказать, неприличный вопросъ для публики образованной и занятой серьезными дѣлами. Но для дѣтей розга—не мелочь, и сѣкутъ ихъ также и образованные, и занятые серьезными дѣлами люди». Розга даже не достигаетъ цѣли тѣлеснаго наказанія, представляя «слишкомъ грубый и насильственный инструментъ для возбужденія стыда и вселяя страхъ, но не исправительный, не надежный, а прикрывающій только внутреннюю порчу». «Очерки Бурсы» Помяловскаго служатъ доказательствомъ справед-

ливости этой мысли. Особенно безнравственнымъ является въ глазахъ Пирогова образъ дѣйствій тѣхъ лицъ, которыя считаютъ нужнымъ «сѣчь дѣтей въ присутствіи другихъ дѣтей». Такая система—сѣчь въ присутствіи товарищей—можетъ заронить въ послѣднихъ только низменныя, порочныя чувства. Сочувствіе товарищей порядочныхъ, не огрубѣвшихъ душою, будетъ всегда на сторонѣ наказываемаго, а негодованіе ихъ обрушится на наказывающаго. Другими словами разсчеты воспитателей не оправдываются, и вся система оказывается «по малой мѣрѣ, неприличною, неблагоразумною и безнравственною».

«Я знаю—продолжаетъ Пироговъ—что послѣдователи правилъ, упроченныхъ лишь временемъ, тяжелы на подъемъ,—и въ этомъ случаѣ они правы: время—важный аргументъ, когда оно вынесло на свѣтъ что-нибудь хорошее. Но въ этомъ-то вся и трудность. Докажите мнѣ, что при такой-то мѣрѣ дѣло шло хорошо, да докажите еще, что хорошее именно и зависѣло отъ этой мѣры, тогда я первый поклонюсь, пожалуй, и розгѣ, какъ бы я мало ни былъ расположенъ къ ней».

Вѣковой опытъ не служитъ еще рѣшающимъ моментомъ. Ссылаться на него не всегда удобно. Точно также не состоятеленъ и доводъ въ пользу розги, какъ энергическаго средства. Обращаясь къ родной своей области, медицинѣ, Пироговъ напоминаетъ, что при воспаленіи легкихъ всегда пускали кровь, прибѣгая къ этому тоже, какъ къ энергическому средству. Такой методъ лѣченія продолжался цѣлыя столѣтія. Наконецъ цифрами доказали, что выздоравливаютъ и безъ кровопусканія даже и чаще, и скорѣе. «А уже, если есть на свѣтѣ энергическое средство, говоритъ Пироговъ, такъ вѣрно кровопусканіе, оно не розгѣ чета: не каплями, а фунтами льетъ кровь. Логика post hoc, ergo propter hoc (*послѣ* того-то, слѣдовательно *вслѣдствіе* того-то)—опытъ, время, все было на сторонѣ метода кровопусканія. Позабыли только одно — испытать, не будетъ ли хорошо и иначе, безъ энергическихъ способовъ».

Тотчасъ по пріѣздѣ въ Кіевъ Пироговъ и рѣшилъ внести струю гуманности и чувство законности въ педагогическій строй. Съ этой цѣлью новый попечитель созвалъ комитетъ для выработки «Правилъ» о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ гимназій Кіевскаго учебнаго округа. Необходимость составленія такихъ правилъ Пироговъ мотивируетъ слѣдующимъ образомъ:

«Нехорошо, если въ томъ же учебномъ округѣ (въ которомъ иногда ученики переходятъ изъ одного заведенія въ другое), за тотъ же самый проступокъ одинъ директоръ будетъ сѣчь или исключать ученика, а другіе прощать его или слабо наказывать. При такихъ противорѣчіяхъ и упущеніяхъ нельзя развиться чувству законности въ учащихся. Воспитанники, видя такую разнообразность взглядовъ и дѣйствій воспитателей, непремѣнно придутъ къ тому заключенію, что дѣйствіями ихъ управляетъ не законъ,

а случай, капризъ, произволъ и пристрастіе. Довѣріе къ законности дѣйствій въ такомъ случаѣ нарушается, а вмѣстѣ съ этимъ исчезаетъ и всякое чувство правды и законности».

Справедливо полагая, что «у насъ нужно пріучать молодыхъ людей съ раннихъ лѣтъ къ законности», Пироговъ потребовалъ квалификаціи проступковъ съ указаніемъ соотвѣтствующихъ мѣръ взысканія. Такая таблица проступковъ и наказаній должна быть извѣстна всѣмъ: и воспитателямъ, и ученикамъ. Таблицы висѣли «ко всеобщему свѣдѣнію» обязательно во всѣхъ гимназіяхъ округа въ каждомъ классѣ. На эту систему Пирогова могла навести статья Шестакова въ «Морскомъ Сборникѣ» 1857 года объ аналогичныхъ порядкахъ въ американскихъ военныхъ училищахъ. Пироговъ желалъ, «чтобы учащіеся были убѣждены, что никакой ихъ проступокъ не останется скрытымъ и необсужденнымъ, и что каждое наказаніе проистекаетъ какъ бы само собой изъ сущности и характера проступка».

Однако изъ этихъ наказаній не была исключена розга. Спрашивается, какъ могъ Пироговъ подписаться подъ правилами, которыя оставляютъ розги, хотя и ограничиваютъ произволъ въ употребленіи ихъ? Пироговъ, какъ предсѣдатель, поставилъ въ комитетѣ вопросъ: «нельзя ли въ гимназіяхъ уничтожить совсѣмъ розгу?» Но большинство отвѣчало отрицательно. Съ тѣмъ же вопросомъ Пироговъ обратился къ директорамъ гимназій. «Изъ 11-ти дирекцій Кіевскаго округа на вопросъ: считаютъ ли онѣ возможнымъ и полезнымъ въ настоящее время отмѣнить вовсе тѣлесное наказаніе въ низшихъ классахъ, и если считаютъ это возможнымъ, то чѣмъ полагаютъ замѣнить его? четыре педагогическихъ совѣта отвѣчали: «нѣтъ», одинъ предложилъ взамѣнъ розги учредить исправительную гимназію, одинъ предложилъ въ такихъ случаяхъ предоставить выборъ родителямъ, четыре предложили замѣнить розгу исключеніемъ, одинъ директоръ, вопреки мнѣнію педагогическаго совѣта своей гимназіи, считаетъ необходимымъ не исключать розги изъ списка возможныхъ наказаній». Не найдя сочувствія въ большинствѣ членовъ Комитета, Пироговъ убѣдился, что «безполезно было бы уничтожать на одной *бумагѣ* средство, которое и многіе воспитатели и бо́льшая часть родителей признаютъ еще необходимымъ. Еще въ прошедшемъ столѣтіи розга была уже уничтожена на *бумагѣ*. Въ руководствѣ учителямъ 1-го и 2-го разряда Россійской Имперіи 1794 г. запрещались: 1) всѣ тѣлесныя наказанія и 2) всѣ посрамляющія и честь трогающія униженія, какъ-то: ослиныя уши, названіе скотины и т. п. «Однако же—говоритъ Пироговъ—эти запрещенія не помогли». Въ то время, «когда отъ публицистовъ мы слышимъ упреки въ излишней жестокости пра-

вилъ, директоры гимназій доносятъ, что тѣлесныя наказанія нашими правилами почти совсѣмъ выводятся изъ употребленія». Въ самомъ дѣлѣ, изъ гимназ. отчетовъ округа видно, что въ 1858 году до составленія Правилъ изъ 4100 учениковъ, были наказаны розгами 550. Послѣ же обнародованія Правилъ, за 1859—60 гг. изъ 4310 подвергнулись тѣлесному наказанію только 27. Иначе, введеніе Правилъ уменьшило слишкомъ въ 20 разъ процентное отношеніе тѣлесныхъ наказаній къ числу учениковъ. Пироговъ могъ гордиться достигнутыми результатами, потому что главной цѣли Правилъ, уменьшенія произвола, онъ добился. Своимъ «Отчетомъ» Пироговъ можетъ убѣдить читателя, что тогдашняя журналистика быть можетъ нѣсколько поспѣшно обвиняла автора «Вопросовъ жизни» въ какомъ-то отступничествѣ и измѣнѣ его прежнимъ взглядамъ.

«Читая журнальную полемику и возраженія, я, пишетъ Пироговъ, удивляясь, спрашивалъ себя, неужели же серьезно кто-нибудь убѣжденъ, что мнѣ, или лучше, комитету не были извѣстны самыя первыя начала, педагогики, неужели кто-нибудь могъ въ самомъ дѣлѣ подумать, что мы не понимаемъ различія между юриспруденціей и воспитаніемъ, между чиновникомъ юстиціи и воспитателемъ, между провинившимся ребенкомъ и подсудимымъ преступникомъ? Неужели можно толковать о возможности обойтись вообще безъ наказаній, тогда какъ мы боремся въ нашемъ общественномъ воспитаніи съ самыми грубыми его недостатками. Допустимъ, продолжаетъ Пироговъ, что всѣ наши соображенія разлетаются въ пухъ и прахъ предъ общественнымъ мнѣніемъ; допустимъ, что дѣйствительно это оно вопіетъ и громко требуетъ отмѣнить тѣлесное наказаніе. Чего же лучше и о чемъ же тогда спорить? Мы будемъ рады уже вѣрно не менѣе другихъ, и что за дѣло тогда, будутъ-ли наши правила угрожать виновнымъ розгой или нѣтъ,—все равно: противъ общественнаго мнѣнія не устоятъ никакія правила, и розга, оставаясь на бумагѣ, исчезнетъ на дѣлѣ, а это-то и есть именно то, о чемъ мы всѣ хлопочемъ».

Изъ этихъ строкъ вполнѣ выясняется, что не можетъ быть и рѣчи о солидарности Пирогова съ тѣми педагогами, которые сомнѣвались, къ какому лагерю имъ примкнуть. Пироговъ не призналъ розогъ нужными и полезными; напротивъ, онъ по прежнему ратовалъ за фактическую отмѣну ихъ, а не на бумагѣ только.

Помимо введенія Правилъ, наглядно показывающихъ уваженіе Пирогова къ коллегіальному началу, онъ съумѣлъ вообще осуществить въ гимназіяхъ коллегіальное управленіе, бывшее до того времени, по свидѣтельству самихъ учителей, только на бумагѣ въ уставѣ 1828 года. Благодаря новымъ взглядамъ попечителя, успѣли измѣниться къ лучшему отношенія учащихъ и учащихся. Съ ограниченіемъ произвола первыхъ престижъ ихъ и въ обществѣ, и среди учениковъ поднялся. Пироговъ ввелъ и въ Кіевѣ литературныя бесѣды,

значеніе которыхъ въ дѣлѣ развитія учениковъ признается всѣми, и вопросъ о которыхъ снова возникъ теперь. Съ пріѣздомъ Пирогова въ замѣщеніи учительскихъ вакансій перестала играть роль протекція—ее замѣнили конкурсы. Новый попечитель позаботился увеличить гимназическія библіотеки и кабинеты и предоставилъ возможность многимъ учителямъ отправиться для усовершенствованія за границу. Гуманное въ высшей степени отношеніе къ учителямъ не мѣшало ему, разумѣется, требовать отъ нихъ дѣла.

Будучи классикомъ, Пироговъ положилъ въ основу своихъ служебныхъ отношеній классическое: *homo superior cive*, другими словами, старался болѣе вліять, какъ человѣкъ, нежели какъ попечитель. Примѣняя это начало по отношенію къ учителямъ, онъ съ успѣхомъ проводилъ его и въ своихъ отношеніяхъ къ гимназистамъ, которые платили ему юношеской, восторженной любовью.

«Бывъ попечителемъ университета,—говорилъ Пироговъ при прощаніи съ кіевскими студентами:—я поставилъ себѣ главною задачей поддерживать всѣми силами то, что я именно привыкъ любить и уважать въ молодости. Съ искреннимъ довѣріемъ къ ней, съ полною надеждою на успѣхъ, безъ страха и безъ задней мысли, я принялся за трудное, но высокое и благородное дѣло. Я основывалъ свои отношенія къ вамъ на томъ же нравственномъ довѣріи, котораго имѣлъ право требовать и отъ васъ, потому что дѣйствовалъ прямо, и знаю, что на молодость нельзя дѣйствовать иначе, какъ пріобрѣвъ ея полное довѣріе».

Неудивительно поэтому, что безъ всякихъ усилій сложились прекрасно его отношенія къ профессорамъ и студентамъ. Человѣкъ науки, Пироговъ постарался поставить ее въ Кіевѣ на должную высоту. За время своего пребыванія въ Кіевѣ онъ принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ научныхъ вопросахъ по изданію университетскихъ извѣстій. Пироговъ ввелъ систему конкурсоваго замѣщенія каѳедръ, а также сдѣлавшееся необходимымъ вслѣдствіе развитія науки раздѣленіе факультетовъ.

Высоко ставя нравственный авторитетъ «въ служеніи которому заключалась главная тайна вліянія Пирогова», онъ организовалъ въ университетѣ свой судъ. И здѣсь Пироговымъ руководило желаніе придать приговорамъ за проступки характеръ законности, а не произвола, придать престижъ университетскому начальству. Разумѣется, Пироговъ расширилъ университетскую библіотеку, видя въ этомъ существенное подспорье и рычагъ занятія наукой.

Какимъ огромнымъ вліяніемъ пользовался попечитель среди студентовъ, можно видѣть изъ словъ проф. русской словесности Селина.

«Васъ можетъ обрадовать такое знаменательное событіе, которому не было подобнаго втеченіе 16-лѣтней службы говорящаго. Когда разнеслась

горестная вѣсть:—«Н. И. Пирогова не будетъ съ нами!»—студенты университета, всегда дѣлившіеся на самые разнородные станы, какою-то невѣдомою силой вдругъ сливаются въ единую семью! Великороссіяне, малороссы, литвины, поляки, болгары, сербы, нѣмцы, евреи—одинъ человѣкъ!»

Пироговъ самъ объясняетъ, чѣмъ онъ завоевалъ симпатіи молодежи.

«Я принадлежу къ тѣмъ счастливымъ людямъ, которые помнятъ свою молодость. Еще счастливѣе я тѣмъ, что она не прошла для меня понапрасну. Отъ этого я, старѣясь, не утратилъ способности понимать и чужую молодость, любить и, главное, уважать ее».

«Помня и любя время пребыванія въ четырехъ университетахъ», Пироговъ удѣлялъ университетскому вопросу очень много мѣста въ своихъ статьяхъ, постоянно возвращаясь къ этому излюбленному имъ вопросу. Серію статей по университетскому вопросу открываетъ статья, помѣщенная еще въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» подъ заглавіемъ «Чего мы желаемъ?» Статьи Пирогова важны особенно потому, что въ это время выработывался новый университетскій уставъ (1863 года). Главный недостатокъ университетскаго строя, по мнѣнію Пирогова, заключается въ томъ, что всѣ наши университеты «со дня рожденія» перваго изъ нихъ, Московскаго, до сихъ поръ являются учрежденіями чисто правительственными, уже съ самаго начала централизованными, «приспособленными къ образованію людей должностныхъ на службу государству», которое и представляетъ получившимъ ученыя степени извѣстныя служебныя права. Этимъ объясняется, почему «въ нашихъ университетахъ никогда ни одна наука не излагалась въ полномъ ея объемѣ, и весьма немногія каѳедры были снабжены всѣми средствами, необходимыми для современнаго изложенія науки. У насъ никогда не было конкуренціи, столь благодѣтельной для научнаго прогресса». Не допуская мысли, что дѣло университета—преподавать молодому поколѣнію науки въ современномъ ихъ состояніи, а дѣло академій—двигать науку впередъ, какъ утверждали это на столѣтнемъ юбилеѣ Московскаго университета, Пироговъ напротивъ того требуетъ научной постановки университетовъ. Для этого необходимо «коренное и фундаментальное преобразованіе ихъ». Прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на предварительное образованіе главныхъ дѣятелей нашей науки (университетской). Главное «живыя, личныя силы», при отсутствіи которыхъ всѣ прочія мѣры будутъ призрачными. Для постояннаго притока такихъ свѣжихъ силъ необходимымъ условіемъ является сокращеніе слишкомъ продолжительнаго срока профессуры и повтореніе выборовъ, какъ средства контроля научной дѣятельности кандидатовъ на каѳедру.

«Какъ обновленіе племенъ и семействъ новыми связями родства считается лучшимъ средствомъ противъ нравственнаго одряхлѣнія, такъ въ учебныхъ учрежденіяхъ ничто не противодѣйствуетъ столь сильно научному застою, апатіи и непотизму, какъ введеніе свѣжихъ посторонніхъ силъ».

Университетская реформа должна, разумѣется, опираться на коренной реформѣ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Гимназіи должны быть приспособлены къ одному только университетскому ученію. Если же большая часть студентовъ недостаточно приготовлена къ свободнымъ и самостоятельнымъ занятіямъ наукой, то это указываетъ только на необходимость повысить уровень гимназическаго образованія. «Не иначе, какъ начавъ съ обоихъ концовъ въ одно и то же время, можно ожидать успѣха». Только такимъ путемъ гуманныя начала могутъ проникнуть въ сознаніе подростающаго поколѣнія.

Идеально-нормальное состояніе просвѣщенія въ обществѣ, по идеальному взгляду Пирогова, было бы то, если бы в с ѣ безъ различія однимъ путемъ вступали въ жизнь: путемъ широкимъ, университетскимъ. Это значило бы, что в с ѣ безъ различія сословій и состояній были бы обязаны пройти общій гимназическій курсъ, поступить въ университетъ, избрать одинъ изъ его факультетовъ и потомъ уже войти въ жизнь, слѣдуя одному избранному пути.

Такимъ образомъ, для практическихъ цѣлей останутся различныя спеціальныя школы. На долю университета, поставленнаго на должную высоту, выпадетъ иная завидная участь. Университеты будутъ служить благопріятною почвой для развитія талантовъ, въ которыхъ такъ нуждается общество. Такое назначеніе университета потребуетъ измѣненій системы преподаванія. Одно слушаніе лекцій Пироговъ признаетъ умѣстнымъ только въ томъ случаѣ, когда профессоръ излагаетъ еще не обнародованныя или ему одному извѣстныя и имъ однимъ дознанныя истины, или если онъ обладаетъ особеннымъ даромъ слова. Но такія условія, къ сожалѣнію, встрѣчаются очень рѣдко, а обыкновенно студентамъ возвѣщаютъ съ каѳедръ истины, вошедшія во всѣ учебники и «не одному только преподавателю извѣстныя». Профессора, повидимому, забываютъ, что книгопечатаніе изобрѣтено еще въ XV вѣкѣ, и тратятъ массу дорогаго времени на систематическое изложеніе такихъ истинъ, которыя каждый слушатель, «знающій грамоту и сколько-нибудь подготовленный, можетъ самъ прочитать не спѣша и хорошенько обдумавъ, въ любомъ учебникѣ». Пироговъ предлагаетъ посвящать лекціи только разъясненію трудныхъ и сложныхъ научныхъ вопросовъ совмѣстно съ аудиторіей помощью разговорнаго сократовскаго метода. Выигранное такимъ образомъ время профессоръ «можетъ употре-

бить на составленіе хорошихъ руководствъ, монографій, вообще на занятіе своею наукой».

Еще менѣе могла удовлетворять Пирогова существовавшая система экзаменовъ,—по мнѣнію Пирогова, «мѣра, означающая вообще недостаточную образованность общества». Уставъ 1863 года, отмѣнившій вступительные экзамены въ университетъ, осуществилъ только часть реформы экзаменовъ, которую предлагалъ Пироговъ. Онъ доказывалъ, что университетъ долженъ открыть всѣмъ свободный входъ въ свое святилище и только при выходѣ требовать строгаго отчета, чтобы отличить знаніе и талантъ отъ бездарности и невѣжества. Вообще же экзаменъ долженъ опредѣлять не *maximum*, а извѣстный *minimum* свѣдѣній испытуемаго, потому что *maximum* безпредѣленъ и безконеченъ, тогда какъ *minimum* можетъ быть всегда опредѣленъ точно и положительно двумя словами д а или н ѣ т ъ: имѣетъ-ли такой-то достаточно знанія, чтобы достигнуть той или другой цѣли въ какой-либо наукѣ?

Пироговъ требуетъ также болѣе разумной спеціализаціи факультетовъ, безъ которой былъ возможенъ фактъ, отмѣченный Пироговымъ въ особой запискѣ, именно: отсутствіе каѳедры землевѣдѣнія. Будущіе учителя географіи выходили изъ университета безъ подготовки по своему предмету. Только по новому уставу 1884 года каѳедра эта была введена въ нашихъ университетахъ.

Съ другой стороны въ университетское преподаваніе вошли науки, требующія слишкомъ обширныхъ и спеціальныхъ пособій и умѣстныя только въ спеціальныхъ институтахъ. Къ такимъ наукамъ Пироговъ относитъ агрономію и технологію, которыя онъ совѣтывалъ замѣнить прикладною химіей, какъ основой для технической спеціализаціи.

«Полный штатъ» всѣхъ наукъ невозможно заранѣе опредѣлить въ уставѣ, потому что постоянный прогрессъ науки вызываетъ необходимость открытія новыхъ самостоятельныхъ каѳедръ. Это должно быть предоставлено на усмотрѣніе факультетовъ. Вообще въ расширеніи компетенціи факультетовъ, въ предоставленіи университетамъ автономіи Пироговъ видѣлъ залогъ подъема университетскаго строя. Но, будучи сторонникомъ автономіи, онъ безпощадно раскрываетъ все зло, происходящее при замѣщеніи профессорскихъ каѳедръ такими выборами, при которыхъ играютъ роль «непотизмъ, пристрастіе, духъ партійности, а не научныя заслуги кандидатовъ». Коррективомъ выборовъ должно служить замѣщеніе каѳедръ по конкур-

су, свободная гласная конкурренція. Рядомъ съ этимъ Пироговъ настаивалъ на отмѣнѣ 25-лѣтняго срока профессуры.

«Никто изъ университетскихъ преподавателей,—говоритъ онъ,—не долженъ находиться подъ вліяніемъ парализующей мысли, что, вступивъ однажды въ число членовъ совѣта, ему ничего болѣе не остается, какъ спокойно и безусловно выжидать 25 лѣтъ полной пенсіи... Сколько я видѣлъ уже всходившихъ на каѳедру съ блестящими надеждами и черезъ 20 лѣтъ не узналъ ихъ!»

Пироговъ рекомендовалъ установить 15-лѣтній срокъ, по истеченіи котораго назначался бы новый конкурсъ. Исключеніе допускается только для такого профессора, который представитъ какой-либо научный трудъ или образуетъ одного кандидата-профессора за 15-лѣтній періодъ занятія каѳедры. Такой профессоръ можетъ быть выбранъ еще на 10 лѣтъ. По истеченіи 25-ти лѣтъ каѳедра должна быть объявлена вакантною безусловно и занята лишь съ публичнаго конкурса, отъ котораго не устраняется, разумѣется, и занимающій эту каѳедру. Свободная конкурренція послужитъ стимуломъ для избранія ученой дѣятельности, дастъ жизнь институту доцентуры. Правильно и широко поставленная доцентура выдѣлитъ изъ своей среды истинныхъ дѣятелей науки. Ставя университетъ на должную научную высоту, Пироговъ вмѣстѣ съ тѣмъ считаетъ однимъ изъ жизненныхъ условій плодотворнаго существованія университетовъ сближеніе ихъ съ обществомъ, популяризацію университетской науки. «Наша задача—говоритъ онъ—обнародить науку всѣми средствами, которыя имѣемъ подъ руками». Важнымъ подспорьемъ въ этомъ отношеніи представлялись Пирогову съѣзды научныхъ дѣятелей, гласное обсужденіе въ печати университетскихъ лекцій и иные способы знакомства общества съ жизнью университетовъ. Такое сближеніе, такое взаимодѣйствіе крайне желательно не только для общества, но и для университета. Съ повышеніемъ уровня общества создадутся для университета болѣе благопріятныя условія.

«Въ нашемъ мало развитомъ обществѣ и особливо провинціальномъ,—справедливо говоритъ Пироговъ, — столько парализующихъ условій, наша жизнь такъ скудна возбуждающими стремленіями, наше самолюбіе такъ мелочно, искусственные его стимулы такъ мало приноровлены къ духовнымъ интересамъ, что у насъ всего труднѣе уберечь университетъ отъ апатіи и застоя».

Уставъ 1863 года, просуществовавшій до 1884 года, какъ извѣстно, не заключалъ въ себѣ тѣхъ преобразованій, которыхъ желалъ Пироговъ.

«Всякая добрая мысль, всякое истинно-полезное начинаніе—какъ выразился одинъ изъ участниковъ прощальнаго чествованія

*

Пирогова въ Кіевѣ—встрѣчало въ знаменитомъ ученомъ всегда горячую поддержку и ободреніе». Въ 1859 году попечители только-что получили право открывать, не испрашивая разрѣшенія высшей инстанціи, частныя школы. И вотъ, когда студенты кіевскаго университета просили у Пирогова дозволенія открыть воскресную школу, онъ, разсматривая ее, какъ частное предпріятіе, воспользовался своимъ правомъ и, подчинивъ ее извѣстнымъ условіямъ, тотчасъ же дозволилъ открытіе. Пироговъ постоянно слѣдилъ за развитіемъ новаго дѣла, посѣщалъ школу. Онъ съ удовольствіемъ замѣчаетъ, что «съ перваго же раза въ ней оказались такія отрадныя педагогическія явленія, которыя предсказывали ей несомнѣнную будущность». Студенты-учителя принялись учить грамотѣ, письму и счету «съ неожиданнымъ педагогическимъ тактомъ» по новымъ способамъ. Результаты получились блестящіе, желающихъ посѣщать школу явилась масса. Хозяева мастеровыхъ не могли удерживать своихъ учениковъ и подмастерій, а господа—своихъ дворовыхъ, которые вдругъ захотѣли учиться. Успѣхи учениковъ воскресныхъ школъ, какъ Пироговъ самъ не разъ убѣждался, были при прилежномъ способѣ ученія изумительны. Грамота усвоивалась почти вдвое и даже втрое скорѣе, чѣмъ въ приходскихъ и другихъ училищахъ, посѣщаемыхъ ежедневно. Читая, ученики понимали всегда, что читаютъ,—явленіе, какъ извѣстно, не такъ-то часто наблюдаемое въ другихъ школахъ». То же или почти то же сообщали попечителю директоры и другихъ воскресныхъ школъ округа, открытыхъ въ Нѣжинѣ, Полтавѣ и Черниговѣ.

«На западѣ, и именно въ Германіи,—пишетъ Пироговъ, — воскресныя школы составляютъ предметъ роскоши, у насъ — необходимости. У насъ воскресныя школы важны не столько потому, что распространяютъ грамотность путемъ самымъ надежнымъ, т. е путемъ частной иниціативы и благотворительности, сколько тѣмъ, что заохочиваютъ къ ученію ремесленный и рабочій классы народа, отвлекая ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ отъ праздности и разгула. Занятія въ воскресныхъ школахъ безъ принужденія, подъ руководствомъ наставниковъ, учившихъ также по одной охотѣ, могли легко возбуждать въ ученикахъ желаніе учиться и продолжать ученіе. Я это наблюдалъ,—разсказываетъ Пироговъ,—даже и надъ крестьянскими дѣтьми въ моемъ имѣніи (Подольской губерніи). Занявшись нѣсколько разъ по праздникамъ у меня на дому, они получали охоту къ ученію и начинали посѣщать прилежно и сельскую школу».

Цѣль народныхъ воскресныхъ школъ, по мнѣнію Пирогова, должна состоять въ распространеніи *осмысленной* грамотности. Пироговъ былъ первымъ попечителемъ, открывшимъ въ своемъ округѣ воскресныя школы. Оффиціально онѣ были узаконены лишь въ 1860 г. циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ.

Нашъ очеркъ о дѣятельности Пирогова въ Кіевѣ былъ бы неполонъ, если бы мы не упомянули о его циркулярахъ по округу, которые Пироговъ преобразовалъ «въ замѣчательное педагогическое изданіе». Начало этому взгляду на циркуляры зародилось у Пирогова уже въ Одессѣ. Обозрѣвая часто одесскій округъ, Пироговъ нашелъ полезнымъ сообщать каждой изъ дирекцій циркулярно сдѣланныя имъ замѣчанія по всѣмъ дирекціямъ и относительно всѣхъ сторонъ педагогическаго дѣла. Циркуляры обязательно прочитывались въ полномъ засѣданіи педагогическаго совѣта. Этимъ Пироговъ желалъ возбудить во всѣхъ дирекціяхъ соревнованіе и по возможности гармоническое веденіе дѣла. Въ этихъ циркулярахъ, допускавшихъ совершенно гласный и свободный обмѣнъ мыслей между попечителемъ округа и учителями, разбросаны все тѣ же начала, которыя хотѣлъ ввести Пироговъ въ школу, начала свободнаго проявленія личности, признанія такой личности въ ученикахъ. Изъ этихъ циркуляровъ учителя узнавали о новыхъ для нихъ теоріяхъ и методахъ преподаванія, которое Пироговъ совѣтывалъ дѣлать болѣе наглядным. Циркуляры кіевскаго попечителя за время 1858—1861 гг. помѣщены во II т. его сочиненій.

Когда 13 марта 1861 года состоялось увольненіе Пирогова отъ должности попечителя, Кіевскій учебный округъ не могъ не проститься съ «отходящимъ отъ него превосходнымъ человѣкомъ», титулъ, который Пироговъ заслужилъ по выраженію проф. Шульгина.

На прощальное чествованіе 4 апрѣля 1861 года собралось болѣе 120 человѣкъ. Были получены телеграммы изъ разныхъ концовъ Россіи. Всѣ чувствовали, что «этотъ обѣдъ, это собраніе не есть обыкновенное прощаніе съ уѣзжающимъ начальникомъ». Начиная съ ректора университета Н. Х. Бунге и кончая только-что соскочившимъ съ гимназической скамьи студентомъ,—всѣ «печальные и глубоко потрясенные» прощались со своимъ попечителемъ-миссіонеромъ. Профессоръ анатоміи А. П. Вальтеръ, произнесшій съ гордостью: «я ученикъ Н. И.», въ прекрасной одушевленной рѣчи набросалъ яркую картину научной дѣятельности Пирогова, «исторію его жизни», считая себя «въ правѣ говорить объ этомъ, ибо ему досталось на долю рѣдкое счастье слѣдить впродолженіе 26 лѣтъ за подвигами и дѣйствіями Н. И.».

Опуская остальныя рѣчи, мы остановимся лишь на заключительной рѣчи профессора исторіи Шульгина, который представилъ «наглядный сводъ того, о чемъ говорили подробно его предшественники и о чемъ гораздо подробнѣе и краснорѣчивѣе говорятъ самыя дѣла

Н. И.». Говоря о томъ, что одинъ изъ ораторовъ назвалъ Пирогова совершеннѣйшимъ представителемъ христіанской гуманности, проф. Шульгинъ замѣчаетъ:

«Кстати о человѣчности. Вы украшены титуломъ превосходительства Николай Ивановичъ! Рѣдко кто изъ насъ называлъ васъ этимъ титуломъ. А между тѣмъ, никогда не величая васъ превосходительствомъ, я теперь на прощаньи громко и смѣло скажу, что другого титула вамъ нѣтъ и быть не можетъ. «Онъ былъ великій король!» говоритъ у Шекспира Гораціо про отца Гамлетова. «Человѣкъ онъ былъ изъ всѣхъ людей, какихъ намъ доводилось видѣть!» отвѣчаетъ ему Гамлетъ. Вотъ въ этомъ-то смыслѣ вы—превосходительство: вы превосходите, какъ человѣкъ, многихъ и многихъ людей у насъ на Руси, гдѣ еще съ діогеновымъ фонаремъ среди бѣла дня нужно искать человѣка». «Оставьте намъ духъ вашъ», заканчиваетъ Шульгинъ: «ваши стремленія, вашу высокую, человѣчную и гражданскую доблесть, непреклонно устоявшую среди всѣхъ препятствій!»

Симпатіи студентовъ къ удалявшемуся попечителю «потокомъ прорвались» при этомъ прощаніи. По окончаніи обѣда они предложили подписку и въ тотъ же день открыли въ зданіи университета безплатную ежедневную школу въ знакъ благодарной памяти о Пироговѣ.—Когда онъ уѣзжалъ изъ Кіева, его провожали за городъ человѣкъ 800. «Слишкомъ гуманному» администратору пришлось остаться «не у дѣлъ» Перспектива, представлявшаяся Пирогову послѣ вынужденной отставки, отчетливо вырисовывалась предъ нимъ:

«Я буду трудиться въ потѣ лица, буду разрыхлять и очищать землю; постараюсь дѣлать все какъ можно раціональнѣе, замѣню крѣпостной трудъ свободнымъ, буду обходиться съ рабочими какъ съ людьми вольными, а не крѣпостными».

На этой же точкѣ зрѣнія стоитъ Пироговъ, когда, избранный мировымъ посредникомъ, онъ изложилъ свои взгляды хозяина и посредника въ формѣ разговора мироваго посредника съ любопытнымъ и недовольнымъ. Статья эта, возбудившая сильную полемику, не потеряла своего интереса и до настоящаго времени.

Удаленіе Пирогова въ деревню было непродолжительно. Въ 1862 году его командировали на 4 года за границу для наблюденія за молодыми русскими учеными. Это занятіе было ему вполнѣ по душѣ и онъ отдался своимъ новымъ обязанностямъ со всей энергіей, «служа, по выраженію Н. О. Ковалевскаго, для русской молодежи не формальнымъ руководителемъ, а скорѣе живымъ образцомъ, воплощеннымъ идеаломъ». Здѣсь онъ могъ проявить свое искреннѣйшее желаніе поднять университетъ посредствомъ новыхъ дѣятелей науки. Какое чарующее вліяніе Пироговъ оказывалъ на молодыхъ ученыхъ. иллюстрируется воспоминаніями Н. О. Ковалевскаго, который восторженно отзывается о своемъ руководителѣ. Ковалевскій вмѣстѣ съ

нѣсколькими другими работалъ въ Марбургѣ, когда туда пріѣхалъ Пироговъ контролировать ихъ занятія. Контроль этотъ выразился въ оживленной научной бесѣдѣ съ тамошними профессорами, которые, уважая въ Пироговѣ извѣстнаго ученаго, чрезъ него сближались съ молодыми русскими учеными. А такому сближенію русскій гуманистъ придавалъ огромное значеніе. Въ числѣ посланныхъ для усовершенствованія за границу были не одни медики и натуралисты, но также филологи и юристы. Въ отчетахъ ихъ министерству мы находимъ указанія, что и они считали нужнымъ обращаться къ Пирогову за совѣтами и встрѣчали въ немъ опытнаго и внимательнаго руководителя.

Заграничныя свои впечатлѣнія Пироговъ помѣщалъ въ видѣ писемъ въ «Голосѣ». Онъ успѣлъ за это время осмотрѣть 25 университетовъ, гдѣ были разсѣяны будущіе профессора. Въ этихъ заграничныхъ письмахъ знаменитый ученый съ свойственнымъ ему блестящимъ юморомъ и остроуміемъ касается того же университетскаго вопроса. Особенно интересно письмо, представляющее разговоръ Пирогова съ будущимъ профессоромъ-юристомъ о способѣ чтенія лекцій.

Въ 1866 году Пироговъ былъ «освобожденъ» отъ занятій по наблюденію за молодыми учеными и остался чиновникомъ при министрѣ. Такимъ образомъ плодотворная 10-лѣтняя административно-педагогическая дѣятельность Пирогова закончилась.

Бросая ретроспективный взглядъ на этотъ періодъ жизни Пирогова, мы видимъ, что онъ неуклонно шелъ по разъ намѣченному пути просвѣщенія.

«Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ Стоюнинъ, что многое съумѣлъ бы онъ разработать въ подробностяхъ, примѣнить къ дѣлу, если бы его дѣятельность не ограничилась какими-нибудь 3 годами. Но во всякомъ случаѣ за нимъ остается та слава, что онъ первый оживилъ нашъ педагогическій міръ, выяснивъ коренные недостатки нашего школьнаго воспитанія. Послѣ его «Вопросовъ жизни» стала развиваться педагогическая литература, которая до тѣхъ поръ почти не существовала».

Уже въ 1857 году явились сразу 2 педагогическихъ журнала: «Русскій Педагогическій Вѣстникъ» Вышнеградскаго и «Журналъ для Воспитанія» Чумпкова, гдѣ сотрудничалъ Пироговъ, а въ 1858 году «Учитель» Паульсона. Все это движеніе, и по мнѣнію Острогорскаго, обязано первымъ толчкомъ Пирогову. Своей административно-педагогической дѣятельностью и достигнутыми ею результатами Пироговъ представилъ намъ живую иллюстрацію своихъ собственныхъ словъ: «У насъ еще нужнѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, даровитые люди; мы не должны забывать, что каждый изъ нихъ можетъ подвинуть массу

впередъ, болѣе чѣмъ сотни стоящихъ въ уровень съ нею». Нельзя не согласиться съ Ушинскимъ, что «самый геніальный уставъ не сдѣлаетъ того, что можетъ сдѣлать одинъ такой человѣкъ», какимъ былъ Н. И. Пироговъ.

IX.

Жизнь въ деревнѣ.—Хирургическая практика.—Осмотръ военно-санитарныхъ учрежденій въ франко-прусскую войну (1870).—Осмотръ военно-санитарныхъ учрежденій въ русско-турецкую войну (1878).—Юбилейное торжество въ Москвѣ.—Болѣзнь и смерть.—Заключеніе.

Съ лѣта 1866 года Пироговъ окончательно поселился въ своемъ имѣніи, въ селѣ Вишнѣ, близъ города Винницы, въ Подольской губерніи. Уже во время пребыванія своего въ деревнѣ 1861—1862 г. будучи мировымъ посредникомъ, онъ занялся хирургическою практикой въ широкихъ размѣрахъ и сдѣлалъ за это время свыше 200 большихъ операцій. Теперь же онъ устроилъ у себя въ деревнѣ маленькій госпиталь на 30 и болѣе больныхъ, размѣщая въ нѣсколькихъ хатахъ-мазанкахъ по двое и по трое своихъ оперированныхъ. Больные различныхъ сословій охотно платили каждый по своему состоянію за содержаніе и лѣченіе. Пироговъ кромѣ того имѣлъ громадный амбулаторный пріемъ. Ежедневно пріѣзжали изъ разныхъ мѣстъ, даже очень отдаленныхъ, хирургическіе больные для того, чтобы попросить совѣта и пособія у великаго русскаго хирурга. Пирогова приглашали постоянно, также на консультаціи, такъ что ему приходилось разъѣзжать по югу Россіи. Такимъ образомъ онъ дѣлилъ свое время между практикой и сельско-хозяйственными занятіями.

Уже 4 года жилъ Пироговъ въ своемъ уединеніи, въ деревнѣ, когда въ сентябрѣ 1870 года получилъ приглашеніе отъ Общества Краснаго Креста осмотрѣть военно-санитарныя учрежденія на театрѣ франко-прусской войны. Пироговъ съ величайшей готовностью принялъ на себя это порученіе, отправился въ Петербургъ и уже 13-го сентября 1870 года выѣхалъ за границу. Главную цѣль порученія Краснаго Креста составляло ознакомленіе съ приложеніемъ началъ международной филантропіи и съ задачами и условіями дѣятельности частной помощи и ея отношеній къ военной администраціи. Далѣе Пироговъ поставилъ себѣ цѣлью обратить вниманіе на участь раненыхъ на самомъ полѣ сраженія, сейчасъ послѣ битвы, и на успѣхи

консервативнаго лѣченія огнестрѣльныхъ поврежденій. Наконецъ громадный интересъ представлялъ вопросъ, какое примѣненіе изъ войны 1870 г. можетъ сдѣлать для себя наша русская медицина и наша частная помощь раненымъ и больнымъ воинамъ.

Посѣтивъ всѣ военные лазареты Берлина, Пироговъ выѣхалъ оттуда 22 сентября на театръ военныхъ дѣйствій. Пятинедѣльная поѣздка Пирогова по Германіи, Эльзасу и Лотарингіи носила въ извѣстномъ отношеніи характеръ тріумфальнаго шествія. И въ оффиціальныхъ сферахъ, и въ медицинскихъ ветеранъ русской хирургіи встрѣтилъ повсюду самый почетный и радушный пріемъ. Почти всѣ германскіе профессора, не говоря уже о хирургахъ, но и терапевты, знали Пирогова лично. Пироговъ осмотрѣлъ до 70 военныхъ лазаретовъ, содержавшихъ нѣсколько тысячъ раненыхъ. Въ Горзѣ (близъ осажденнаго Меца) Пироговъ встрѣтился съ проф. Лангенбекомъ, который держался одинакаго съ нимъ мнѣнія о важности сортировки раненыхъ при скопленіи послѣднихъ. Въ Страсбургѣ хирургъ Герготъ (эльзасецъ), водя Пирогова по лазарету, указывая на пробитые бомбами крышу, потолокъ и полъ перевязочной залы, увѣрялъ, что варварство осаждавшихъ не останавливалось передъ краснымъ крестомъ флага, выставленнаго на лазаретѣ. «Но я замѣтилъ ему на это—пишетъ Пироговъ,—что французскія бомбы въ Севастополѣ также не разбирали флаговъ на перевязочныхъ пунктахъ; сопровождавшая насъ молодежь улыбнулась на это, а Герготъ, нѣсколько смутившись, замѣтилъ: «c'est une autre chose»—почему? не знаю».

При своемъ посѣщеніи военно-санитарныхъ учрежденій въ франко-прусскую войну Пироговъ могъ испытывать чувство удовлетвореннаго самолюбія, какъ военно-полевой хирургъ и администраторъ. Его гипсовая повязка была въ большомъ употребленіи, особенно среди германскихъ врачей. Онъ увидѣлъ, что резекціи, впервые произведенныя *en masse* имъ въ Крымскую войну, вытѣсняютъ ампутаціи. «Съ чувствомъ эгоистическаго удовольствія» наблюдалъ Пироговъ благіе результаты принятой нѣмцами системы разсѣянія больныхъ, системы впервые предложенной Пироговымъ въ 1863 году, о чемъ мы говорили въ своемъ мѣстѣ. Пироговъ еще въ началѣ 50-тыхъ годовъ объявилъ себя непримиримымъ врагомъ громадныхъ и подобныхъ дворцамъ госпитальныхъ зданій и высказался въ пользу госпитальныхъ палатокъ, бараковъ, лачугъ, крестьянскихъ избъ и другихъ незатѣйливыхъ помѣщеній. «Роскошная обстановка госпиталей—говоритъ онъ—давно уже перестала обольщать меня». Такимъ образомъ палаточные и барачные лазареты, встрѣченные Пиро-

говымъ въ франко-прусскую войну, вполнѣ совпадали съ давно уже высказанными имъ взглядами на постановку госпитальнаго дѣла.

Относительно вопроса, что можно было бы позаимствовать, чему могла бы научиться изъ франко-прусской войны наша администрація и наша частная помощь, Пироговъ указываетъ на госпитальную и транспортную дѣятельность, въ особенности на порядокъ въ циркуляціи санитарныхъ поѣздовъ и вообще въ эвакуаціи раненыхъ и больныхъ. Нѣкоторыя стороны санитарнаго строя не были свободны отъ недостатковъ. Такъ, уборка раненыхъ съ поля сраженія не была организована, какъ бы слѣдовало. Отмѣчая это, Пироговъ доказываетъ всю необходимость мѣръ для скорѣйшаго удаленія раненыхъ изъ сферы убійственнаго огня и съ поля сраженія. «Правительства, вооружившія свои арміи новыми способами разрушенія, теперь нравственно обязаны предъ беззащитными ранеными охранять ихъ отъ новыхъ ранъ и убійства». Главною мѣрой для этого служитъ своевременная организація санитарныхъ командъ. Далѣе Пироговъ требуетъ реформы отношеній полевой медицины къ военному начальству въ смыслѣ большей самостоятельности первой. «Во всякой дѣйствующей арміи—читаемъ мы въ «Началахъ военно-полевой хирургіи»—собираются военные совѣты, но ни въ одной не существуетъ врачебно-административныхъ совѣтовъ; врачи различныхъ командъ и госпиталей не созываются для совѣщаній или, если это иногда и дѣлается, то заключенія ихъ не имѣютъ никакой законной силы». Профессора, обыкновенно приглашаемые въ дѣйствующую армію, входя также въ составъ этихъ совѣтовъ, могли бы быть очень полезны. «Военно-медицинская администрація, руководимая представителями науки, получила бы болѣе самостоятельности, и голосъ бы ея слышался яснѣе въ высшихъ военныхъ сферахъ».

Исполнивъ возложенное на него порученіе, Цинциннатъ-хирургъ снова уединился въ свою деревню.

«Отчетъ о посѣщеніи военно-санитарныхъ учрежденій въ Германіи, Лотарингіи и Эльзасѣ въ 1870 году», представленный Пироговымъ Обществу Краснаго Креста, былъ изданъ названнымъ обществомъ въ 1871 году. «Отчетъ» въ томъ же 1871 году появился и на нѣмецкомъ языкѣ въ Лейпцигѣ.

По прошествіи 7 лѣтъ о Пироговѣ опять вспомнили. Россія снова вела восточную войну, на этотъ разъ наступательную. Общество Краснаго Креста возложило на знаменитаго хирурга порученіе осмотрѣть всѣ санитарныя учрежденія на театрѣ войны и въ тылу дѣй-

ствующей арміи, а равно средства транспорта больныхъ и раненыхъ по грунтовымъ и желѣзнымъ дорогамъ.

При осмотрѣ лазаретовъ, бараковъ, помѣщеній для больныхъ въ частныхъ домахъ и въ лагерныхъ палаткахъ и шатрахъ Пироговъ обращалъ вниманіе на мѣстность, расположеніе, устройство и удобства помѣщеній, на количество и качество воздуха, на пищу и правильность продовольствія раненыхъ и больныхъ. Уходъ за ранеными и больными, сортировка ихъ по родамъ болѣзни, методы лѣченія, дѣятельность медицинскаго персонала и сестеръ милосердія—со всѣмъ этимъ Пироговъ знакомился во всѣхъ подробностяхъ и потомъ указывалъ, кому слѣдуетъ, всѣ недостатки и предлагалъ практическія мѣры къ немедленному исправленію ихъ. Нечего и говорить, что во всѣхъ посѣщенныхъ Пироговымъ госпиталяхъ врачи консультировали его, желая получить отъ него совѣты и указанія.

Транспортъ и эвакуація, бывшіе больнымъ мѣстомъ нашей прошлой кампаніи, сосредоточили на себѣ особенное вниманіе Пирогова. Пироговъ осматривалъ пункты для перевязокъ и питанія транспортируемыхъ и указывалъ на недостатки ихъ организаціи. При осмотрѣ санитарныхъ поѣздовъ онъ въ деталяхъ знакомился съ устройствомъ вагоновъ, системой коекъ, организаціей персонала поѣздовъ, вліяніемъ транспортовъ на раненыхъ при различныхъ условіяхъ.

При осмотрѣ складовъ Общества Краснаго Креста Пироговъ наводилъ справки о количествѣ имѣющихся запасовъ наиболѣе необходимыхъ средствъ помощи, перевязочныхъ средствъ, бѣлья, медикаментовъ, вина, теплой одежды и пр., а также о быстротѣ и своевременности снабженія этими предметами по требованіямъ какъ лазаретовъ Краснаго Креста, такъ и военно-временныхъ госпиталей.

Такая многосторонняя дѣятельность Пирогова въ Румыніи и Болгаріи продолжалась въ сентябрѣ 1877 г. по мартъ мѣсяцъ 1878 г. Знаменитый хирургъ совершенно забылъ о своемъ преклонномъ возрастѣ, хотя зачастую попадалъ въ такую обстановку, которая живо напоминала ему «дѣла давно минувшихъ дней» Крымской кампаніи.

Громадный собранный имъ матеріалъ со своими выводами и заключеніями Пироговъ изложилъ въ извѣстномъ своемъ обширномъ сочиненіи «Военно-врачебное дѣло и частная помощь на театрѣ войны въ Болгаріи и въ тылу дѣйствующей арміи въ 1877—1878 гг.», изданномъ Обществомъ Краснаго Креста въ 1879 году.

«Основы моей полевой хирургической дѣятельности — читаемъ мы въ этомъ трудѣ — я сообщилъ только спустя 10 лѣтъ послѣ достопамятной крымской кампаніи. Съ тѣхъ поръ шесть войнъ нарушали миръ различ-

ныхъ государствъ въ Европѣ и Америкѣ. Слѣдя за ходомъ событій, я всякій разъ мысленно убѣждался въ истинѣ тѣхъ началъ, которыя исповѣдую, и въ предпослѣдней изъ этихъ шести войнъ, во франко-германской 70—71 годовъ, я при посѣщеніи моемъ госпиталей въ Германіи и на театрѣ войны, въ Эльзасѣ и Лотарингіи, наглядно убѣдился въ томъ же самомъ. Наконецъ въ минувшую нашу восточную войну 77—78 годовъ болѣе, чѣмъ всѣ другія, сходную съ крымскою 1854 года, я имѣлъ случай еще болѣе глубоко увѣриться въ прочности основныхъ началъ моей полевой хирургіи».

Мы познакомимъ читателей съ этими основными принципами. Прежде всего взглядъ Пирогова на самую войну выражается въ томъ, что, «война—это травматическая эпидемія» (т. е. эпидемія раненій). Пироговъ доказываетъ, что война имѣетъ всѣ свойства эпидеміи. Въ повальныхъ болѣзняхъ замѣчается независимость отъ нашихъ дѣйствій, нашей воли, періодичность ихъ появленія.

«Но и въ войнахъ зависимость отъ насъ болѣе кажущаяся, чѣмъ постоянная... Самая же причина войнъ, повидимому, зависящая отъ воли и произвола правительствъ, кроется гораздо глубже. Разныя миссіи націй, стремленіе ихъ на востокъ или на западъ, переселенія народовъ, соединенныя съ войнами, по временамъ появляющіеся завоеватели—что это все такое, какъ не нѣчто непроизвольное, глубоко затаенное въ самой природѣ человѣческихъ обществъ! И войны, и каждая война имѣютъ такъ же, какъ и эпидеміи, свои фазы и свои періоды».

Далѣе, Пироговъ придаетъ первенствующее значеніе въ военно-санитарномъ дѣлѣ правильно организованной администраціи. «Не медицина, а администрація, играетъ главную роль въ дѣлѣ помощи раненымъ и больнымъ на театрѣ войны». Кромѣ того, по мнѣнію Пирогова, свойство ранъ, смертность и успѣхи лѣченія зависятъ преимущественно отъ различныхъ свойствъ оружія и въ особенности огнестрѣльныхъ снарядовъ. Главной же цѣлью хирургической и административной дѣятельности на театрѣ войны должны быть не операціи спѣшно произведенныя, а правильно организованный уходъ за ранеными и сберегательное (консервативное) лѣченіе въ самомъ широкомъ размѣрѣ. Безпорядочное скученіе раненыхъ на перевязочныхъ пунктахъ и въ госпиталяхъ есть самое главное зло, причиняющее впослѣдствіи ничѣмъ непоправимыя бѣдствія и увеличивающее безмѣрно число жертвъ войны; поэтому главная задача полевыхъ врачей и администраторовъ должна состоять въ предупрежденіи этого скопленія въ самомъ началѣ войны. Въ этихъ видахъ хорошо организованная сортировка раненыхъ на перевязочныхъ пунктахъ и въ военно-временныхъ госпиталяхъ есть главное средство для оказанія правильной помощи. Разсѣяніе раненыхъ и больныхъ, вентиляція помѣщеній, въ широкомъ масштабѣ, а всего болѣе отдѣльное и, если

можно, одиночное размѣщеніе тяжело-раненыхъ, составляютъ наиболѣе вѣрныя средства противъ распространенія травматическихъ заразъ. При этомъ этапы, питательные пункты и выдвижные лазареты принадлежатъ по преимуществу къ области дѣйствій частной помощи, которая поэтому должна быть признана за самое важное самостоятельное подспорье въ полевомъ санитарномъ дѣлѣ.

Поѣздка Пирогова въ Румынію и Болгарію на театръ русско-турецкой войны была послѣднимъ актомъ служенія Пирогова своей родинѣ. Трудъ его, посвященный этой войнѣ, былъ его послѣднимъ вкладомъ въ науку.

Въ концѣ 1879 года Пироговъ началъ писать свои мемуары подъ заглавіемъ: «Вопросы жизни. Дневникъ стараго врача, писанный исключительно для самого себя, но не безъ задней мысли, что, можетъ быть, когда-нибудь прочтетъ и кто другой». Дневникъ этотъ Пироговъ велъ съ 5-го ноября 1879 года до 22 октября 1881 года не особенно регулярно и иногда по мѣсяцамъ ничего не писалъ. Свои полныя захватывающаго интереса воспоминанія на канвѣ автобіографіи Пироговъ успѣлъ довести лишь до начала петербургской профессуры. Записки эти были послѣ его смерти помѣщены въ «Русской Старинѣ», а потомъ составили первый томъ собранія его сочиненій.

Въ 1881 году въ Москвѣ стали готовиться къ юбилею Пирогова. Профессоръ хирургіи московскаго университета Н. В. Склифасовскій отправился въ имѣніе Пирогова съ приглашеніемъ отъ университета пріѣхать на 24 мая въ Москву. Не безъ труда удалось ему склонить знаменитаго ученаго на эту поѣздку.

Юбилейное торжество происходило въ актовой залѣ университета.

Мы не станемъ конечно подробно описывать празднества. Упомянемъ только, что прежде всего была прочитана телеграмма отъ Государя, поздравлявшая маститаго юбиляра съ пятидесятилѣтнимъ юбилеемъ его служенія. Затѣмъ началось представленіе депутацій и чтеніе привѣтственныхъ адресовъ и телеграммъ. Со всѣхъ сторонъ были получены поздравленія.

Всѣ университеты Россіи отъ Гельсингфорскаго до Новороссійскаго, всѣ научныя учрежденія Россіи и высшіе правительственные органы, всѣ больницы, клиники и иныя лѣчебныя заведенія, всѣ медицинскія и врачебныя общества, равно какъ и другія ученыя общества, между прочимъ Юридическое, Московское Математическое—всѣ эти институты прислали или своихъ представителей или же привѣтственныя телеграммы. Заграничные университеты и ученыя общества также поздравили русскаго хирурга. Мы назовемъ университеты Мюн-

хенскій, Страсбургскій, Падуанскій и Эдинбургскій, медицинскіе факультеты Парижа и Праги, Германское Хирургическое Общество. Представители прессы поднесли особый адресъ, въ которомъ привѣтствовали въ лицѣ Пирогова «не только знаменитаго ученаго, но и честнаго публициста и общественнаго дѣятеля». Русскіе евреи, которые Пирогову «обязаны сочувствіемъ и помощью, какъ люди, какъ русскіе граждане и какъ евреи», прислали въ Москву нѣсколько депутацій. Среди этой массы привѣтствій было даже привѣтствіе закавказскаго муфти. Городъ Москва поднесъ своему знаменитому уроженцу дипломъ почетнаго гражданина. По этому поводу Пироговъ въ своей отвѣтной рѣчи на всѣ привѣтствія замѣтилъ, что высшая честь, какая только можетъ быть оказана человѣку—это признаніе его почетнымъ гражданиномъ его родины.

Юбилейное торжество было омрачено тѣмъ, что юбиляръ былъ уже боленъ и на юбилеѣ совѣтывался съ прибывшими въ Москву хирургами. Дѣло въ томъ, что уже въ началѣ 1881 года у Пирогова на слизистой оболочкѣ твердаго неба появились язвочки. Въ день празднованія юбилея утромъ проф. Склифасовскій первый осмотрѣлъ эти язвочки, высказался за ихъ злокачественность и находилъ необходимой немедленную операцію. 25-го мая кромѣ Склифасовскаго его изслѣдовали профессора-хирурги—харьковскій Грубе и дерптскій Валь. 26-го мая состоялся консиліумъ изъ названныхъ трехъ хирурговъ и проф. Эйхвальда. Всѣ врачи были согласны относительно злокачественности язвочекъ и необходимости операціи и 27-го мая Склифасовскій и Эйхвальдъ объявили Пирогову рѣшеніе консиліума. Пироговъ упалъ духомъ. По совѣту его домашнихъ рѣшено было немедленно ѣхать въ Вѣну къ Бильроту. Пироговъ ѣхалъ совершенно убитый. Въ Кіевѣ на станціи его осматривалъ въ вагонѣ его ученикъ проф. Караваевъ и старался его успокоить. Наконецъ больной пріѣхалъ въ Вѣну, и Бильротъ послѣ тщательнаго изслѣдованія призналъ язвы за доброкачественныя. Пироговъ ожилъ.

— Ну, если Вы мнѣ это говорите, произнесъ оживленно Пироговъ, взявъ за руки Бильрота, то я успокаиваюсь.

Спокойствіе Пирогова длилось однако недолго. Уже по возвращеніи домой, онъ замѣтилъ, что язвочки не обладаютъ склонностью къ заживленію. Лѣто 1881 года онъ провелъ въ Одессѣ на лиманѣ, но и тамъ чувствовалъ себя очень нехорошо. Пироговъ медленно угасалъ. За 26 дней до смерти онъ въ особой запискѣ въ нѣсколько строкъ высказался о своей болѣзни и поставилъ свой собственный діагнозъ. Вотъ эти знаменательныя послѣднія строки Пирогова:

«Ни Склифасовскій, Валь и Грубе, ни Бильротъ не узнали у меня ulcus oris tum. tuc. cancerosum serpiginosum). Иначе первые три не совпытывали бы операціи, а второй не призналъ бы болѣзнь за доброкачественную.*

1881 г. окт. 27. *Пироговъ.*

23 ноября 1881 года въ $8^3/_4$ часовъ вечера Николая Ивановича Пирогова не стало.

Память Н. И. Пирогова русскіе врачи почтили основаніемъ въ Петербургѣ «Русскаго Хирургическаго Общества Пирогова», открытаго въ 1882 году, но учрежденнаго еще при жизни Н. И. Далѣе, съ періодическими съѣздами русскихъ врачей связано имя знаменитаго хирурга, такъ какъ они называются «Съѣздами русскихъ врачей въ память Пирогова». Наконецъ въ настоящее время открыта подписка на памятникъ Пирогову въ Москвѣ.

* *
*

Н. И. Пироговъ занимаетъ въ исторіи русской медицины совершенно изъ ряда вонъ выходящее мѣсто, какъ ученый, какъ профессоръ и какъ клиницистъ. Ни одно имя русскаго врача не можетъ быть поставлено рядомъ съ его именемъ. Не смотря на то, что Пироговъ далъ Россіи лишь немногихъ профессоровъ хирургіи, онъ создалъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова школу хирургіи въ Россіи. Не всякій университетскій преподаватель, съумѣвшій разсадить своихъ учениковъ по каѳедрамъ, заслуживаетъ почетнаго имени основателя научной школы. Пирогову же безспорно принадлежитъ такое имя, потому что онъ выработалъ строго научное и раціональное направленіе въ изученіи клинической хирургіи, положивъ въ ея основу анатомію и экспериментальную хирургію. Русскіе хирурги, слѣдуя по этому пути, могутъ in corpore составить одну хирургическую школу—школу Пирогова.

По духу и направленію своей педагогической дѣятельности онъ является вмѣстѣ съ тѣмъ одною изъ наиболѣе свѣтлыхъ личностей среди русскихъ общественныхъ дѣятелей XIX столѣтія.

Пироговъ былъ прежде всего человѣкъ живаго труда и честнаго дѣла. Это красною нитью проходитъ черезъ всю его жизнь. Мы видѣли его въ дерптской клиникѣ скромнымъ профессоромъ маленькаго провинціальнаго университета и вскорѣ затѣмъ на каѳедрѣ госпитальной хирургіи въ Петербургской Медико-Хирургической Акаде-

*) Ползучая раковая язва слизистой оболочки рта.

міи, самымъ талантливымъ ея профессоромъ и первымъ хирургомъ столицы. Мы видѣли его въ полевомъ лазаретѣ подъ Салтами, анэстезирующимъ на полѣ сраженія, и на перевязочномъ пунктѣ осажденнаго Севастополя, оперирующимъ подъ непріятельскихъ огнемъ. Мы видѣли его въ Одессѣ и Кіевѣ въ плодотворной роли попечителя-миссіонера и за границей въ роли руководителя молодыхъ ученыхъ. Уже на закатѣ его дней мы встрѣтили его на театрахъ войнъ франко-прусской и русско-турецкой, осматривающимъ военно-санитарныя учрежденія. Вездѣ и всегда онъ неизмѣнно проявлялъ любовь къ дѣлу и знаніе дѣла; въ каждое дѣло онъ влагалъ всю свою громадную энергію, всю свою великую душу. Неудивительно поэтому, что онъ всюду вносилъ что либо новое, оригинальное и оставлялъ неизгладимый слѣдъ своей широкой дѣятельности. Это новое касалось не какихъ-нибудь мелочей, а захватывало самую существенную сторону дѣла, потому что Пироговъ вдумывался въ каждое явленіе, въ каждый фактъ, всесторонне обсуждалъ каждый вопросъ съ тонкимъ анализомъ ученаго, стараясь уяснить себѣ его въ полномъ объемѣ.

Втеченіи своей полувѣковой многосторонней дѣятельности Пироговъ является предъ нами, какъ ученый, какъ профессоръ и клиницистъ-хирургъ, какъ военно-полевой хирургъ и администраторъ и наконецъ какъ педагогъ, занимавшій высокій постъ попечителя двухъ учебныхъ округовъ и позднѣе руководившій занятіями молодыхъ ученыхъ за границей.

Слѣдуя старинному изреченію: facta loquuntur, мы, описывая соотвѣтствующіе моменты жизни и дѣятельности Пирогова, старались представить, какъ смотрѣлъ великій ученый на извѣстную дѣятельность и какъ сообразно своимъ взглядамъ онъ дѣйствовалъ. У Пирогова теорія съ практикой не расходилась между собой.

Мы позволимъ себѣ закончить нашъ краткій очеркъ жизни и дѣятельности Н. И. Пирогова тѣми поучительными словами, которыми заключилъ свою юбилейную рѣчь проф. Н. О. Ковалевскій:

«Пироговъ не зарывалъ своего таланта въ землю, онъ блестяще развилъ его, и если Россія не извлекла изъ его полувѣковой дѣятельности всей пользы, которую онъ могъ принести ей своимъ знаніемъ и способностями, то, сколько извѣстно, едва ли самъ Пироговъ виноватъ въ этомъ»...

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8-го января 1893 г.

Популярно-научныя книги.

Философія Г. Спенсера въ сокращен. изложеніи *Г. Коллинса*. Пер. *П. Мокіевскаго*. Ц. 2 р.
Рабочій вопросъ. *Ф. А. Ланге*. Переводъ съ нѣмецкаго. Ц. 1 р. 25 к.
Законы подражанія. *Тарда*. Ц. 1 р. 50 к.
Домашній опредѣлитель поддѣлокъ. *А. Альмедингена*. Ц. 60 коп.
На всякій случай! Научно-практическіе совѣты сельскимъ хозяевамъ. *А. Альмедингена*. Части 1 и 2-я. Ц. каждой 50 к.
Бактеріи и ихъ роль въ жизни человѣка. *Мигулы*. Съ 35 рис. Ц. 1 р.
Берегите легкія! Гигіенич. бесѣды д-ра *Нимейера*. Съ 30 рис. Ц. 75 к.
Сохраненіе здоровья. Общая гигіена въ примѣненіи къ обыденной жизни. *Д-ра Эйдама*. Съ 7 рис. Ц. 40 к.
Предсказаніе погоды. *Г. Далле*. Переводъ съ франц. съ 40 рис. Цѣна 1 р. 25 к.
Дарвинизмъ. *Э. Ферьера*. Пер. съ франц. Популярное изложеніе ученія Дарвина. Ц. 60 к.
Жизнь на Сѣверѣ и Югѣ. (Отъ полюса до экватора). *А. Брэма*. Со многими рис. Ц. 2 р.
Первобытные люди. *Дебьера*. Съ многими рисунками. Ц. 1 р.
Фабричная гигіена. *В. В. Святловскаго*. 720 стр. и 153 рис. Ц. 4 р.
Огородничество. Практическія наставленія для народн. учителей. *Шубелера*. Съ 137 рис. Ц. 60 к.
Который часъ? *И. Вавилова*. Руководство для повѣрки часовъ безъ часовщика и для устройства солнеч. часовъ. Съ 13 рис. Ц. 30 к.
Психологія вниманія. Д-ра *Рибо*. 2 изд. Ц. 40 к.
Записки желудка. Перев. съ 10 анг. изд. Ц. 50 к.
Физіологія души. *А. Герцена*. Ц. 1 р.
Міръ грезъ. *Д-ра Симона*. Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, экстазъ, гипнотизмъ, иллюзіи. Перев. съ франц. Ц. 1 р.
Ручной трудъ. *Графинги*. Руководство къ домашнимъ занятіямъ ремеслами. Съ 400 рис. Ц. 1 р. 50 к. Въ папкѣ 1 р. 75 к. Въ пер.—2 р.
Экстазы человѣка. *М. Пантегацца*. Переводъ съ 5-го итальян. изданія Ц. 1 р. 50 к.
Умственныя эпидеміи. Историко-психіатрич. очерки. *Д-ра Реньяра*. Съ 110 рис. Ц. 1 р. 75 к.
Свѣтъ Божій. Популярные очерки міровѣдѣнія 5-е изд. (60 рис.) Ц. 30 к.
Общедоступная астрономія. *К. Фламмаріона*. 2-е изд. Съ 100 рис. Ц. 1 р.
Телефонъ и его практическія примѣненія *Майера* и *Присса*. Съ 293 рис. Ц. 2 р. 50 к.
Электрическіе элементы. Соч. *Нюде*. Со многими рисунками. Ц. 2 р.
Электр. аккумуляторы. *Ренье*. Съ 76 рис. Ц. 1 р. 25 к.
Электрическое освѣщеніе. Составилъ *В. Чиколевъ*. Съ 151 рис. Ц. 2 р. 50 к.
Чудеса техники и электричества *Чиколева* 30 к.
О безопасности электрическаго освѣщенія. *В. Чиколева*. Съ 6-ю рисунками. Ц. 25 к.
Электричество и магнитизмъ. *А. Гано* и *Ж. Маневріе*. 340 рис. Ц. 1 р. 50 коп.
Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнитизмѣ. *Хвольсона*. Съ 230 рис. Ц. 2 р.
Главнѣйшія приложенія электричества. *Э. Госпиталье*. Съ 115 рис. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.
Электричество въ домашнемъ быту. *Э. Госпиталье*. Со множествомъ рис. Ц. 2 р.
Электрическіе звонки. *Боттона*. Съ крат. свѣдѣніями о воздушн. звонкахъ. 114 рис. Ц. 1 р.
Что сдѣлалъ для науки Ч. Дарвинъ? Съ портретомъ Дарвина. Ц. 75 к.
Психологія великихъ людей. Проф. *Жоли*. Пер. съ франц. 2-е изд. Ц. 1 р.
Соціальная жизнь животныхъ. *Эспинаса*. Пер. съ франц. *Ф. Павленкова*. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.
Единство физическихъ силъ. Опытъ популярно-научной философіи. *А Секки*. Перев. съ франц. *Ф. Павленкова*. 3-е изд. Ц. 2 р. 50 к.
Частная медицинская діагностика. Руководство для прак. врачей. Составилъ проф. *Да-Коста*. 704 стр. съ 43 рис. 2-е изд. Ц. 2 р.
Современные психопаты. Д-ра *Э. Клюллера*. Переводъ съ франц. Ц. 1 р. 50 к.
Геніальность и помѣшательство. *Ц. Ломброзо* Съ портретомъ автора и рис. 2-е изд. Ц. 1 р
Вредныя полевыя насѣкомыя. Сост. *Иверсенъ*. Съ 43 рис. Ц. 80 к.
Эйфелева башня. Состав. *Г. Тисандье*. Съ 34 рисун. Ц. 50 к.
Хлѣбный жукъ. Чтеніе для народа, съ 3 рис. Бар. *Н. Корфа*. Ц. 10 к.
Воздушное садоводство. *Н. Жуковскаго*. Съ 73 рис. 2-е изд. Цѣна 60 коп.
Школьный садоводъ. Объ устройствѣ при сельскихъ школахъ питомниковъ и способахъ обученія первымъ началамъ садоводства. *А. Болотовскаго*. Ц. 20 к.
Азбука домоводства и домашней гигіены. Состав. *М. Клума*. Пер. *Н. Корфъ*. Ц. 75 к.
Гигіена семьи. *Гебера*. Ц. 50 к.
Гигіена женщины. *М. Тило*. Ц. 40 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛЕРМОНТОВСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

1) Демонъ. Съ 9 рис. Ц. 6 к.—**2) Ангелъ Смерти.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—**3) Измаилъ-Бей.** Съ 9 рис. Ц. 10 к.—**4) Хаджи-Абрекъ.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—**5) Бояринъ Орша.** Съ 7 рис. Ц. 4 к.—**6) Пѣсня про купца Калашникова.** Съ 7 рис. Ц. 3 к.—**7) Мцыри.** Съ 7 рис. Ц. 4 к.—**8) Аулъ Бастунджи.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—**9) Литвинка.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—**10) Каллы.** Съ 3 рис. Ц. 2 к.—**11) Кавказскій плѣнникъ.** Съ 3 рис. Ц. 3 к.—**12) Корсаръ.** Съ 3 рис. Ц. 2 к.—**13) Черкесы.** Съ 5 рис. Ц. 2 к.—**14) Джуліо.** Съ 3 рис. Ц. 3 к.—**15) Казначейша.** Съ 5 рис. Ц. 4 к.—**16) Герой нашего времени.** Съ 23 рис. Ц. 25 к.—**17) Бэла.** Съ 9 рис. Ц. 8 к.—**18) Тамань.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—**19) Княжна Мери.** Съ 9 рис. Ц. 12 к.—**20) Фаталистъ.** Съ 3 рис. Ц. 2 к.—**21) Призракъ.** Съ 3 рис. Ц. 3 к.—**22) Маскарадъ.** Съ 5 рис. Ц. 10 к.—**23) Испанцы.** Съ 5 рис. Ц. 10 к.—**24) Ашикъ-Керибъ.** Съ 5 рис. Ц. 2 к.—**25) Княгиня Лиговская.** Романъ. Съ 5 рис. Ц. 8 к.—**26) Люди и страсти.** Трагедія. Съ 5 рис. Ц. 8 к.—**27) Странный человѣкъ.** Романтическая драма. Съ 5 рис. Ц. 8 к.—**28) Два брата.** Драма. Съ 5 рис. Ц. 5 к.—**29) Всѣ баллады и легенды.** Съ 3 рис. Ц. 5 к.—**30) Повѣсти изъ современной жизни.** Съ 9 рис. Ц. 7 к.

Съ осени 1890 года издается задуманная Ф. Павленковымъ біографическая библіотека подъ заглавіемъ:

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Въ составъ библіотеки войдутъ біографіи слѣдующихъ лицъ:

ИНОСТРАННЫЙ ОТДѢЛЪ: **Андерсенъ, Аристотель, Байронъ,** Бальзакъ, Бахъ, Беккаріа (и Бентамъ), **Ф. Беконъ,** Бентамъ (и Беккаріа), **Беранже,** Клодъ-Бернаръ, **Берне,** Бетховенъ, Бисмаркъ, **Боккачіо,** Бокль, **Бомарше, Дж. Бруно, Будда (Сакіа-Муни), Р. Вагнеръ,** Валленштейнъ, Вашингтонъ, Виклефъ, **Л. Винчи,** Вирховъ, Вольта (и Гальвани), Вольтеръ, Гайднъ, **Галилей,** Гальвани (и Вольта), **Гарвей, Гарибальди, Гаррикъ, Гегель, Гейне, Гете, Гладстонъ, Говардъ,** Гогартъ, Гракхи, **Григорій VII, Гумбольдтъ, Гусъ, Гутенбергъ, Гюго,** Дагерръ и Ніэпсъ **Даламберъ, Дантъ, Дарвинъ,** Декартъ, Демосфенъ (и Цицеронъ), **Дефо, Дженнеръ,** Дидро, **Диккенсъ,** Жанна-Даркъ, Жоржъ-Зандъ, Ибсенъ, **Кальвинъ,** Канова, Кантъ, **Карлейль, Кеплеръ, Колумбъ,** Амосъ-Коменскій, Контъ, **Конфуцій, Коперникъ,** Кромвель, Кукъ, **Кювье, Лавуазье, Лайелль, Лапласъ** (и **Эйлеръ**), Лейбницъ, Лессепсъ, **Лессингъ,** Либихъ, **Ливингстонъ, Линкольнъ, Линней-Лойола, Локкъ,** Лопе-де-Вега, Лютеръ, Магелланъ, Магометъ, Макіавелли, Маколей, Масе (основатель международной лиги образованія), **Мейерберъ,** Меттернихъ, **Микель-Анджело, Милль,** Мильтонъ, **Мирабо, Мицкевичъ, Мольеръ,** Мольтке, Монтескье, **Морзе** (и **Эдиссонъ**), **Т. Моръ, Моцартъ,** Т. Мюнцеръ, Наполеонъ I, **Ньютонъ,** Оуэнъ, Парнель, **Паскаль,** Пастеръ, **Песталоцци,** Платонъ, **Прудонъ, Рабле, Рафаэль,** Рашель, Рембрандтъ, Рикардо, Ришелье, Ротшильды, Рубенсъ, Руссо, Савонарола, **Сакіа Муни** (**Будда**), **Свифтъ,** Сервантесъ, **В. Скоттъ,** А. Смитъ, Сократъ, Спенсеръ, Спиноза, Сталь, **Стэнли,** Стефенсонъ (и Фультонъ), Тацитъ (и Ювеналъ), **Теккерей,** Торквемада, **Уаттъ, Фарадей, Франклинъ,** Францискъ-Ассизскій, Фридрихъ II, Фультонъ (и Стефенсонъ), **Цвингли,** Цицеронъ (и Демосфенъ), Шекспиръ, **Шиллеръ, Шопенгауеръ, Шопенъ,** Шуманъ, **Эдисонъ** (и **Морзе**), **Эйлеръ** (и **Лапласъ**), **Дж. Эліотъ,** Эпиктетъ и Эпикуръ, Эразмъ, Ювеналъ (и Тацитъ), Юлій Цезарь, Юмъ и др.

РУССКІЙ ОТДѢЛЪ: **Аввакумъ,** Аксаковы, Александръ II, Аракчеевъ, Биронъ, Богданъ Хмѣльницкій, **Боткинъ,** Бутлеровъ, **Бѣлинскій, Бэръ,** Верещагинъ, **Волковъ,** (основатель русскаго театра). **Воронцовы, Глинка, Гоголь,** Гончаровъ, Грановскій, Грибоѣдовъ, Даргомыжскій, Дашкова, **Демидовы,** Державинъ, **Достоевскій,** Екатерина II, Жуковскій, Ивановъ, Иванъ IV, Канкринъ, Кантемиръ, **В. Н. Каразинъ** (основатель харьк. университета), Карамзинъ, Киселевъ, С. В. Ковалевская, **Кольцовъ,** Баронъ Н. А. Корфъ, Н. И. Костомаровъ, **Крамской, Крыловъ, Лермонтовъ, Ломоносовъ,** Менделѣевъ, Меншиковъ, Миклуха-Маклай, Мордвиновъ, Д. и Н. Милютины, Минихъ, Некрасовъ, Никитинъ, **Никонъ, Новиковъ,** Орловы, Островскій, Перовъ, Петръ Великій, Пироговъ, Писемскій, Н. Полевой, Посошковъ, **Потемкинъ, Пржевальскій, Пушкинъ,** Радищевъ, **Салтыковъ, Сенковскій,** Скобелевъ, С. Соловьевъ, **Сперанскій,** Станкевичъ, Строгоновы, Струве, **Суворовъ,** Сѣровъ, Л. Толстой, Тургеневъ, Гл. Успенскій, Ушинскій, **Фонъ-Визинъ,** Шереметевы, Щепкинъ, Ѳедотовъ и другіе.

Каждому изъ перечисленныхъ здѣсь лицъ посвящается **особая книжка** *въ 80—100 страницъ съ портретомъ. При біографіяхъ путешественниковъ, художниковъ и музыкантовъ прилагаются географическія карты, снимки съ картинъ и ноты.*

Жирнымъ шрифтомъ напечатаны имена лицъ, біографіи которыхъ вышли до 15 декабря 1892 г. Новыя біографіи выходятъ по 4 въ мѣсяцъ.

Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. Луковникова. (Спб. Лештуковъ пер., № 2). **Цѣна каждой книжки 25 коп.**